У193/64

Е. А. МОРОХОВЕЦ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

СОЦЭКГИЗ ★ 1937

У19 3/64

Е. А. МОРОХОВЕЦ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1937

Настоящая работа является научно-популярным очерком истории реформы 1861 г. об «освобождении» крестьян от крепостной зависимости.

Автор всесторонне освещает причины, вызвавшие реформу, борьбу классов накануне и во время подготовки ее, дает подробное изложение всех положений 19 февраля 1861 г. и крестьянского движения в связи с реформой.

В брошюре, впервые в популярной литературе, приводится большой материал о проведении реформы на «окраинах», в национальных районах России.

В заключение автор останавливается на историческом значении реформы и ее последствиях.

Гос. Историч. Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 286087
„.....“ ..... 193 г.

Редактор *В. Малаховский*
Техред *О. Прохорова*

Сдано в набор 3/XII-1936 г. Подп. к печ. 16/III-1937 г. Тираж 30 000
Формат 82×110 1/32. Печ. л. 10 1/4. Знак. в печ. л. 34 400. Огиз № 1837
Заказ 2773. Уполномоченный Главлита Б-13706.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Глава I

Развитие капитализма в первой половине XIX в.

Прежде чем говорить о крестьянской реформе 1861 г., нужно коснуться тех исторических условий, которые подготовили реформу, сделали ее необходимой и неизбежной. Основной причиной реформы было развитие капитализма, совершавшееся в течение первой половины XIX в. Господствовавшие в стране крепостные отношения задерживали развитие капиталистического производства: создавалось противоречие, которое нужно было разрешить, приспособив общественные отношения к потребностям экономического развития страны. Чтобы понять крестьянскую реформу, нужно поэтому прежде всего уяснить себе, как совершалось развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве и чем мешало этому развитию господствовавшее в стране крепостное право.

а) Промышленность

1

Крупная промышленность была значительно развита в России еще в XVIII в.: в 1796 г. насчитывалось более 3 тыс. промышленных предприятий; на некоторых из них работали сотни, а иногда даже и тысячи рабочих. Но эта промышленность не была капиталистической: в ней отсутствовал основной признак капиталистического способа производства—«свободный» наемный труд; рабочая сила еще не успела превратиться в товар, сво-

бодно обращающийся на рынке. Правда, и в XVIII в., особенно во второй половине его, существовали промышленные предприятия с наемным трудом, но таких предприятий было сравнительно немного: они не меняли общего характера русской промышленности того времени, как промышленности, основанной на принудительном труде; господствующими в это время типами промышленных предприятий были либо крепостная, вотчинная мануфактура, на которой работали крепостные крестьяне ее владельца, либо мануфактура «посессионная», отличавшаяся от крепостной только тем, что работавшие на ней крестьяне были прикреплены не к владельцу предприятия, а к самому предприятию, от которого их нельзя было оторвать, т. е. нельзя было, например, продать их отдельно от предприятия.

В первой половине XIX в. в структуре русской промышленности совершается большая перемена: фабрика, основанная на вольнонаемном труде, выдвигается все больше и больше на первый план, занимает все более видное место в промышленной жизни, оттесняет постепенно посессионную фабрику и фабрику вотчинную и к середине XIX в. приобретает уже безусловно господствующее положение. В 1804 г. среди рабочих крупной промышленности (не считая горных заводов, на которых господствовал принудительный труд) вольнонаемных было 48% (45,5 тыс. из 95 тыс.), в 1825 г. их стало уже 54% (114,5 тыс. из 210,5 тыс.) [1].

Немецкий ученый барон Гакстгаузен, бывший в России в 1843 г., подтверждает, что в это время «на большинстве фабрик употребляются не собственные крепостные, но рабочие, добровольно нанимающиеся за определенную плату». О том же наглядно свидетельствуют цифры, относящиеся к украинским фабрикам: в 1828 г. число помещичьих фабрик (с крепостным трудом) составляло 29,1% общего числа промышленных предприятий Украины, а к 1861 г. оно упало всего до 5,8%; число вольнонаемных рабочих в 1828 г. составляло 22,5% общего числа, а к 1861 г. достигло 70,8% [2].

---

[1] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика, СПБ 1907, изд. 3-е, стр. 85 и 89.

[2] *М. Балабанов*, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, М. 1926, изд. 4-е, стр. 90.

Капиталистическая промышленность характеризуется не только применением вольнонаемного труда, но и заменой ручного производства машинным. В этом отношении первая половина XIX в. также представляет знаменательную эпоху в развитии нашей промышленности. Так называемая «фабрика» XVIII в. была в сущности мануфактурой, т. е. предприятием, основанном на ручном труде, без применения машин. В первой же половине XIX в., особенно с 30—40-х годов, мануфактура постепенно сменяется механизированной фабрикой, работающей при помощи машин и механических двигателей.

О быстром темпе развития машинного производства в это время дает представление следующая таблица [1]:

Годы	Ценность годового привоза машин (в тыс. руб.)	
1816—1817	66	(ассигнациями)
1819—1820	120	»
1826—1830	138	»
1831—1835	618	»
1836—1840	1752	»
1841—1845	668	(кредитными билетами)
1846—1850	1681	» »
1851—1856	2103	» »
1856—1860	7513	» »

Мы видим, что в течение одного только десятилетия с 1830 по 1840 г. ввоз машин увеличился по ценности в 12½ раз, неуклонно продолжая расти и в дальнейшем. К концу 50-х годов ценность привоза машин достигает солидной суммы в 7½ млн. руб. ежегодно. В 30-х же годах в России начинается и собственное машиностроение, правда, в довольно скромных размерах. В 1850 г. было 26 механических заводов с производством на 423 тыс. руб.; к 1856 г. сумма производства увеличилась до 3 842 тыс. руб., т. е. за 6 лет выросла в 9 раз [2]. Но все же и в конце 50-х годов русские заводы далеко не могли удовлетворить потребность русской промышленности в машинах, и привоз машин вдвое превышал собственное производство.

---

[1] *В. И. Покровский*, Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, СПБ 1902, стр. 266. Кредитный рубль 40-х годов равнялся 3 р. 50 к. на ассигнации.

[2] «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», т. II, СПБ 1863, стр. 10, 15—36.

Чтобы дать представление о росте применения механических двигателей в русской промышленности, приведу данные по Московской губ. за 40—50-е годы: в 1848 г. в Московской губ. было всего 67 паровых двигателей общей мощностью в 1203 *л. с.*; в 1858 г. их насчитывалось уже 152 мощностью в 3115 *л. с.*; таким образом, за десятилетие с 1848 по 1858 г. число механических двигателей увеличилось на 127%, а мощность их выросла на 158% [1].

Общее количество промышленных предприятий продолжало неуклонно расти: за 44 года, с 1815 по 1858 г., количество предприятий, не считая горных, винокуренных и пивоваренных заводов, увеличилось почти втрое (с 4 189 до 12 259), а количество рабочих — несколько более, чем втрое (с 172 882 до 548 921) [2]. На наш теперешний масштаб, темп роста довольно скромный, но для России того времени этот рост был очень значительным: современники говорили об «изумительном развитии» фабрично-заводской промышленности, поражавшем их воображение.

2

Развитие промышленности опиралось на рост внутреннего рынка. В XVIII в. потребителями промышленных изделий были преимущественно казна и крупное дворянство; теперь и рядовое дворянство тянется за верхушкой своего сословия: по мере того как на рынке появляются разнообразные промышленные изделия, повышаются потребности дворянской массы, увеличивается и стремление приобретать на рынке те продукты, которые не производятся в собственном хозяйстве помещика. По свидетельству современника «помещик, имеющий от 200 до 1 000 душ, желает жить никак не хуже того, кто имеет 10 000; тот, кто имеет за 100, старается подражать ему; имеющие же от 20 до 100 не хотят отставать в образе жизни от имеющих более 100 душ» [3].

---

[1] *С. А. Вознесенский*, Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг., М. 1932, стр. 162.

[2] *М. И. Туган-Барановский*, цит. соч., стр. 76—77.

[3] *Шелехов*, Мысли об усовершенствовании сельского хозяйства; цит. по Н. Огановскому, Закономерность аграрной эволюции, т. II, Саратов 1911, стр. 284.

Но не только помещичья масса вовлекается в рыночный оборот: в торговлю втягивается и крестьянство. Повышение помещичьих оброков вынуждает крестьянина все большее количество продуктов своего хозяйства выбрасывать на рынок, чтобы иметь возможность уплатить эти оброки; такое же влияние оказывает и повышение государственных налогов. Современный наблюдатель экономического быта России сообщает, что «по разным губерниям в селах бывают каждую неделю большие торги, которые начинаются почти после уборки с полей хлеба. Крестьяне со всех сторон привозят туда рожь и пшеницу, ячмень и гречиху, горох, пшено, крупу, семя льняное и конопляное, сено, лен, основу, холст, сукно крестьянское, мед, воск, сало, масло коровье и конопляное, кожи и шерсть и продают их по весьма низким ценам»[1]. Мы видим, что крестьяне поставляют на рынок самые разнообразные продукты своего хозяйства, стараясь все, что возможно, обратить в деньги, чтобы уплатить казенные подати и помещичьи оброки.

Вынужденный систематически продавать свои продукты, крестьянин привыкает и покупать, тем более, что многих необходимых продуктов он в своем хозяйстве производить уже не может. Дело в том, что многие крестьяне в это время уже специализируются на производстве тех или других продуктов, стараясь производить большее количество именно тех продуктов, которые в данной местности имеют наибольший спрос на рынке. Поэтому многие потребности своей семьи, которые раньше крестьянин удовлетворял внутри своего хозяйства, теперь он прежним путем уже удовлетворять не может, так как ему нехватает необходимого для этого сырья и рабочего времени. Увеличивая, например, посевы пшеницы, которая в данной местности хорошо родится и выгодно сбывается на рынок, крестьянин сокращает посевы льна для собственного потребления, заменяя в своем обиходе домотканный холст покупным миткалем или ситцем. Или, расширяя производство льняного холста в больших размерах, чем это было необходимо для своей семьи, чтобы сбывать излишек холста на рынке, крестьянин сокра-

---

[1] *Е. Карнович*, Хозяйственные опыты, стр. 314.

щает производство домашнего сукна из шерсти своих овец, так как его домашние заняты производством холста на продажу и на производство сукна для собственного потребления уже нехватает времени.

Огромное влияние на развитие внутреннего рынка оказывало расслоение крестьянства, достигшее в течение первой половины XIX в. уже значительных размеров в связи с развитием товарных отношений в деревне. Более зажиточные крестьяне имели возможность более выгодно продавать продукты своего хозяйства, выждать время, связаться с более выгодным покупателем; благодаря этому они становились еще более зажиточными, превращались в деревенских богатеев. Крестьяне менее зажиточные, вынужденные продавать продукт не тогда, когда его выгодно продать, а когда особенно нужны деньги для уплаты податей и оброков, продавали продукты своего хозяйства гораздо менее выгодно, по гораздо более дешевой цене. В результате этого менее зажиточное крестьянство с течением времени слабело, беднело, разорялось. Разоряясь, крестьянская беднота теряла уже возможность удовлетворять свои потребности внутри своего хозяйства, вынуждена была искать заработка на стороне, уходить в отход, наниматься на фабрики и заводы или заниматься каким-нибудь другим видом наемного труда.

Так в результате расслоения крестьянства создавался зародыш пролетариата. Это еще не был пролетариат в полном смысле слова: подавляющая масса рабочих, работавших по найму, была еще крепостной, не была юридически свободной, не могла свободно располагать своей рабочей силой, свободно отчуждать ее на рынке. Но это все же был уже зародыш пролетариата, поскольку разорявшийся крестьянин отделялся от средств производства и должен был существовать продажей своей рабочей силы.

С другой стороны, зажиточные крестьяне, постепенно богатея, превращались в кулаков — «мироедов», эксплоатировавших своих бедных соседей; отдельные же единицы из их среды наживали значительные капиталы и выходили в купцы или фабриканты. Достаточно привести в пример родоначальника известной фамилии фабрикантов Савву Морозова, бывшего крепостным крестьянином помещика Рюмина, или ряд фамилий «ситце-

вых королей» Иваново-Вознесенска — Гарелиных, Гандуриных, Ямановских и др., бывших крепостными крестьянами гр. Шереметева.

О богатстве этой крепостной буржуазии можно судить по размерам уплачиваемых ею оброков и выкупных сумм: некоторые крестьяне, принадлежавшего гр. Шереметевым села Богородского (б. Нижегородской губ.), уплачивали в 1858 г. оброка до 1 500 руб. с души; Савва Морозов выкупился на волю в 1820 г. за 17 тыс. руб.; в 1822 г. майор Колычев, помещик Костромской губ., получил за выкуп восьми душ 320 тыс. руб., т. е. по 40 тыс. руб. за душу; один из крепостных рязанского помещика Огарева предлагал ему за свой выкуп 100 тыс. руб. серебром; «за увольнение на свободу для выхода на сторону в замужество крестьянских девиц Сиклитинии Ямановской и Харитины Гандуриной взято помещиком за первую 9, а за последнюю 7 тыс. руб.; кроме того, за освобождение крестьян Гандуриных от рекрутской повинности взыскано было с них 30 тыс. руб.».

Крепостной крестьянин ярославской вотчины кн. Юсупова Курочкин вел крупную торговлю в Херсоне, причем нередко ссужал главного управляющего юсуповскими имениями значительными суммами денег (до 10 тыс. руб.). Другой крепостной того же помещика Дроботов получал от торговли свыше 10 тыс. руб. годового дохода. Крестьянин рязанской вотчины Юсуповых Панфилов купил в 20-х годах в Судогодском уезде 350 дес. земли, основал там завод стеклянных и хрустальных изделий, владел сам крепостными; после своей смерти (в 1848 г.) оставил состояние в 188 500 руб. ассигнациями. Ивановский фабрикант Грачев, крепостной гр. Шереметева, еще в конце XVIII в. владел огромным поместьем в 3 085 дес. с 181 душой мужского пола и 200 душ женского. В 1848 г. двое крестьян кн. Юсупова купили в Новгородском уезде две деревни и две пустоши (всего 8 575 дес.) и заплатили 65 тыс. руб. серебром [1].

Выделение буржуазии из крестьянской массы, естест-

---

[1] *В. Кашин*, Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в., «Звезда» 1926, № 1, стр. 178; № 2, стр. 192; № 4, стр. 163—164.

венно, способствовало расширению внутреннего рынка для промышленности: чем богаче становился крестьянин, тем больше росли и развивались его потребности, тем больше он стремился к приобретению продуктов промышленности, и по мере роста его состояния росла его покупательная способность. Что же касается бедняцких слоев крестьянства, то на первый взгляд может показаться неясным, каким образом обеднение крестьянина может способствовать расширению рынка. Дело в том, что разоряющийся крестьянин все меньше имеет возможность удовлетворять потребности своей семьи продуктами собственного хозяйства. Если раньше он одевался в домотканный холст из собственного льна, если раньше он носил и сукно домашнего изделия из шерсти собственных овец, то, по мере того как хозяйство его расстраивается, он запускает посевы льна, переводит овец и в его руках не оказывается сырья, необходимого для производства одежды в собственном хозяйстве. С другой стороны, чем меньше дает дохода собственное хозяйство, тем больше приходится искать заработка на стороне: крестьянин-бедняк идет в отход, продает свою рабочую силу. Чем большее количество членов семьи занято трудом вне своего хозяйства, тем меньше рабочей силы остается в семье для того, чтобы применить ее в области домашней промышленности. Чем труднее становится удовлетворить свои потребности внутри своего хозяйства, тем чаще приходится покупать нужные продукты на рынке, затрачивая на это денежные средства, извлекаемые от продажи рабочей силы. Таким образом и разорение низших слоев крестьянства способствует расширению внутреннего рынка.

Показателем развития рыночных отношений в это время является развитие ярмарочной торговли. Крупнейшей ярмаркой всероссийского значения была Нижегородская; обороты ее быстро растут: за десятилетие 1817—1826 гг. привоз товаров на ярмарку составлял 32 млн. руб., за десятилетие 1857—1866 гг. — 104 млн. руб., т. е. вырос за это время более чем втрое. Из центральных губерний в Нижний везли мануфактуру, галантерею, парфюмерию, кожевенные товары, кондитерские изделия, изделия из золота и серебра, стеклянную и фарфоровую посуду, химические продукты,

чай, вина, табак, папиросы; из Поволжья и Прикамья — хлеб, лен и другие продукты сельского хозяйства; из Сибири — пушнину. На втором месте стояла Ирбитская ярмарка с ежегодным привозом в начале 60-х годов на 38 млн. руб.; за нею шли Ильинская ярмарка в Полтаве (20 млн. руб.) и Крещенская в Харькове (11 млн. руб.). Товары, закупавшиеся оптовиками на крупных ярмарках, развозились затем по мелким, общее количество которых в 1863 г. доходило до 5 900; в одной Полтавской губ. в 50-х годах насчитывалось 372 ярмарки, в Харьковской — 425. Половину товаров, привозившихся на украинские ярмарки в эти годы, составляли хлопчатобумажные ткани, шедшие из Московской и Владимирской губ.; значительные размеры имел также привоз льняного полотна из Ярославской губ., железных изделий из Нижегородской, сукон из Польши, стеклянных изделий из Смоленской губ. и пр. В 1854 г. на «малороссийские» и «новороссийские» ярмарки было привезено из «Великороссии» промышленных товаров на 80 млн. руб.[1].

Несравненно меньшее значение для русской промышленности имел внешний рынок, но и он развивался довольно быстро, причем промышленные изделия вывозились преимущественно на Восток, так как в Западной Европе Россия не могла конкурировать с более развитыми промышленными странами. С начала XIX в. (1802—1804 гг.) до его середины (1851—1853 гг.) средний годичный вывоз продуктов в Среднюю Азию вырос в 5 раз (с 398 050 руб. до 2 171 067 руб.), в Китай — почти в 4 раза (с 1 164 607 руб. до 4 635 272 руб.). Общая сумма промышленного вывоза в 1842—1846 гг. составляла в среднем 12 314 655 руб. в год[2].

3

Различные отрасли промышленности развивались далеко неравномерно. Быстрее всего совершалось разви-

---

[1] *В. А. Мукосеев*, Торговля и кредит, сб. «Общественное движение в России в начале XX в.», т. I, СПБ 1909, стр. 93; *И. Аксаков*, Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПБ 1858, стр. 22—25.

[2] *А. Семенов*, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, СПБ 1859, ч. III, приложение к стр. 165 и 185; *Г. Небольсин*, Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. II, СПБ 1850, стр. 456.

тие хлопчатобумажной промышленности: привоз хлопка за трехлетие 1812—1815 гг. составлял в среднем 50 тыс. пуд. в год, а в конце 50-х годов (1856—1860)— 2 620 тыс. пуд. ежегодно, т. е. за полвека вырос почти в 50 раз. Кроме хлопка в то время ввозилась также хлопчатобумажная пряжа; за 25—30 лет (с 1812—1815 гг. по 1836—1840 гг.) привоз ее увеличился с 125 тыс. пуд. до 590 тыс. пуд., т. е. в 21 раз. С конца 40-х годов привоз пряжи начинает быстро падать: в 1842 г. Англия отменила запрещение вывозить бумагопрядильные машины, и в России начало быстро развиваться собственное бумагопрядение. За десятилетие 1850—1860 гг. сумма производства ситценабивных, красильных и отделочных фабрик увеличилась на 42,5% (с 16 224 до 20 104 тыс. руб.), бумаготкацких — на 51,5% (с 12 771 до 19 343 тыс. руб.), а бумагопрядильных — на 80,6% (с 15 877 до 28 670 тыс. руб.). В середине XIX в. по числу бумагопрядильных веретен (1 100 тыс.) Россия занимала пятое место в мире, уступая только Англии (20 977 тыс.), Франции (4 200 тыс.), Соединенным штатам (2 500 тыс.) и Австрии (1 700 тыс.). Как видим, темп развития хлопчатобумажной промышленности был неизмеримо быстрее среднего темпа развития промышленности в России.

Значительно медленнее, но все же очень быстро развивалась суконная и шерстяная промышленность. С 1804 по 1860 г. число предприятий увеличилось почти вчетверо (с 155 до 603); в такой же пропорции увеличилось и число рабочих (с 28 689 до 113 810). Сумма производства за десятилетие 1850—1860 гг. возросла на 40,8% (с 25 000 тыс. до 35 210 тыс. руб.).

Совсем другую картину мы видим в области металлургии. Выплавка чугуна в России в конце XVIII в. составляла в среднем 8 млн. пуд. в год — почти столько же, сколько и в Англии того времени; в 1860 г. в России было выплавлено чугуна 20 млн. пуд., тогда как в Англии к этому времени (1859 г.) выплавка чугуна достигла огромной суммы 294 млн. пуд., т. е. в России количество выплавляемого чугуна увеличилось всего в $2^1/_2$ раза, а в Англии в 29 раз. Неудивительно, что Россия, занимавшая в середине XVIII в. первое место в мире по выплавке чугуна и еще в 30-х годах XIX в. уступавшая только Англии, к середине XIX в. спуска-

ется на пятое место, уступая Англии, Соединенным штатам, Германии и Франции; в 1860 г. она дала лишь 4% общей суммы мирового производства этого металла (460 млн. пуд.), тогда как еще в 30-х годах ее доля составляла 12% (90 млн. пуд.). В 90-х годах XVIII в. Россия вывозила за границу около 3 млн. пуд. железа, а в 50-х годах XIX в. — всего 747 тыс. пуд., т. е. вчетверо меньше.

Еще хуже обстояло с производством льняных и пеньковых тканей: тогда как во второй половине XVIII в. число полотняных фабрик быстро возрастало (с 1762 по 1804 г. оно увеличилось с 135 до 285), в течение первой половины XIX в. оно еще быстрее падало, понизившись с 1804 по 1861 г. почти втрое (с 285 до 100). В конце 20-х годов в Костромской губ. производилось около 70 тыс. кусков фламского полотна, а в конце 40-х — всего 20 тыс., т. е. в $3^1/_2$ раза меньше. Производство парусных полотен за время с начала 30-х до конца 40-х годов на фабриках Серпуховского уезда сократилось в 4 раза (с 25 тыс. до 6 тыс. кусков), а на фабриках Калужской губ. — в 25 раз (с 50 тыс. до 2 тыс. кусков) [1].

Чем же объяснить такую резкую неравномерность в развитии различных отраслей промышленности? Непосредственное влияние в данном случае оказывали условия рынка. Особенно резко сказалось влияние рыночной конъюнктуры на производстве льняных и пеньковых тканей. Кризис 30—40-х годов в парусно-ткацкой промышленности был тесно связан с резким падением заграничного спроса на парусное полотно, две трети которого производилось именно на вывоз; это сокращение спроса было связано с распространением в это время парового водного транспорта. Сократился заграничный спрос и на фламские полотна под влиянием, с одной стороны, конкуренции хлопчатобумажных тканей, а с другой — благодаря значительному удешевлению полотняного производства в Англии в связи с введением механического прядения и ткачества, тогда как в России еще господствовала в это время ручная

---

[1] *М. И. Туган-Барановский*, цит. соч., стр. 275—277, 294; *А. Семенов*, цит. соч., ч. III, стр. 259, 270—271, 478.

техника, не позволявшая понижать цены до уровня английских.

Резкое падение заграничного спроса сильно отражалось также и на железоделательной промышленности: в конце XVIII в. вывоз русского железа доходил в некоторые годы до 4 млн. пуд., затем он начинает стремительно падать: в 1793—1795 гг. вывозилось ежегодно в среднем 2 906 тыс. пуд., в 1800—1804 гг.— 2 120 тыс., в 1821—1830 гг.—1 300 тыс., в 1831—1840 гг.— 1 362 тыс., в 1841—1850 гг. — 788 тыс., в 1851— 1860 гг. — 747 тыс., т. е. за 60 примерно лет вывоз упал почти в 4 раза. Это резкое падение заграничного спроса связано опять-таки с быстрым развитием техники в странах Западной Европы (особенно в Англии), позволявшим сильно понизить цены: оптовая цена русского железа в середине XIX в. составляла 1 р. 60 к. за пуд, тогда как, например, в Бельгии железо стоило в это время 1 руб., а в Англии всего 35 коп.

Совсем иначе обстояло дело, например, с шерстяной промышленностью; особенно быстро развивалось производство тонких сукон: в 1820 г. тонких сукон было произведено всего 260 тыс. арш., а в 1829 г. уже 4 млн. арш., т. е. за 9 лет производство увеличилось в 15 раз. Производство шерстяных тканей, в частности сукон, имело под собой твердую базу в виде массового внутреннего рынка; часть продукции шла и на внешний рынок; вывоз шерстяных тканей за границу (почти исключительно в Азию) довольно быстро возрастал до середины 40-х годов, достигнув в 1841— 1845 гг. в среднем 3 млн. руб. в год; затем идет медленное понижение под влиянием английской конкуренции (к концу 50-х годов вывоз спускается до $2^1/_2$ млн. руб.).

Развитие массового внутреннего спроса лежало в основе и того бурного роста хлопчатобумажной промышленности, о котором говорилось выше; нужно отметить, кроме того, и заграничный спрос, имевший для хлопчатобумажной промышленности еще большее значение, чем для шерстяной: вывоз хлопчатобумажных тканей в Азию (в европейские страны вывоз был ничтожен) достиг в 1859—1861 гг. 4 млн. руб. в год (примерно $^1/_6$ всего производства), тогда как в 1833— 1835 гг. он составлял в круглых цифрах 1 200 тыс.

руб., т. е. вывоз увеличился за это время больше чем втрое [1].

Но рыночная конъюнктура, складывавшаяся различно для различных отраслей промышленности, в свою очередь зависела в значительной мере от условий производства. Там, где предприниматели скорее переходили от мануфактуры к фабрике в собственном смысле, т. е. от ручного производства к машинному, резко понижалась стоимость производимого продукта, уменьшалась его продажная цена и соответственно этому расширялся спрос на него на внутреннем и внешнем рынке. Механизация же производства совершалась преимущественно в тех отраслях промышленности, которые были основаны на вольнонаемном труде; в тех же отраслях, где сохранялся принудительный труд, механизировать производство было невыгодно. Дело в том, что владельцу крепостной или посессионной фабрики, вводившему усовершенствованные машины, приходилось подумать о том, чтобы занять освобождавшиеся при этом рабочие руки. Если помещик еще имел возможность в этом случае дать своим крепостным рабочим какое-нибудь другое употребление (хотя и это не всегда было легко), то владелец посессионной фабрики был поставлен в еще более затруднительное положение, потому что он имел право занимать посессионных рабочих только определенного характера работами; вводить на посессионной фабрике машины, освобождавшие значительное количество рабочих рук, было поэтому просто нельзя, так как нечего было делать с освобождавшимися при этом рабочими; освободиться же совсем от ставших уже ненужными рабочих владелец также не мог, так как не имел права разорвать связь посессионного рабочего с фабрикой [2].

---

[1] *К. А. Пажитнов*, Положение рабочего класса в России, т. I, II, 1923, стр. 8; *А. Семенов*, цит. соч., ч. III, стр. 259, 270—271, 478; *В. И. Покровский*, цит. соч., т. I, стр. 260, 294; *И. М. Кулишер*, Очерк истории русской торговли, II, 1923, стр. 291; *А. А. Баранов*, Исторический обзор хлопчатобумажных производств в России, М. 1913, стр. 83, 84, 89.

[2] Владельцы посессионных фабрик и заводов беспрестанно ходатайствовали о том, чтобы правительство разрешило им отпускать своих рабочих на волю. Ответом на эти ходатайства явился закон 18 июня 1840 г., предоставивший предпринима-

С другой стороны, вводить механические усовершенствования при господстве подневольного труда было затруднительно еще и потому, что обращение с машиной требует большой внимательности и аккуратности. Подневольный же работник, работающий исключительно из-под палки, не заинтересован в повышении качества своей работы, как заинтересован наемный рабочий, над которым постоянно висит угроза лишиться заработка; поэтому он работает плохо, и механизация производства не дает нужных результатов.

В силу этого отрасли промышленности, в которых преобладал вольнонаемный труд, развивались гораздо быстрее отраслей, в которых преобладал труд принудительный. Если разбить все предприятия на две группы, включив в первую отрасли с преобладанием принудительного труда (суконные, железные, стальные и писчебумажные предприятия), а во вторую — отрасли с преобладанием труда вольнонаемного (все прочие), то получится следующая таблица: [1]

Годы	Число рабочих	
	Первая группа	Вторая группа
1804	39 768	55 015
1812	55 434	60 078
1825	94 315	116 253
1830	97 310	156 583
1852	142 806	328 608

Таким образом число рабочих первой группы увеличилось за полвека всего в $3^1/_2$ раза, а число рабочих второй — почти в 6 раз, т. е. отрасли, в которых преобладал вольнонаемный труд, росли почти вдвое быстрее, чем отрасли с преобладанием труда подневольного.

Хлопчатобумажная промышленность, основанная почти исключительно на вольнонаемном труде (в 1804 г.

лям право освобождать своих посессионных рабочих. Несмотря на то, что отпуск посессионных рабочих на волю был сопряжен с известными расходами для владельца, — он должен был дать им выходное пособие, — фабриканты широко воспользовались этим законом: в первые же годы после его издания многие владельцы посессионных предприятий отпустили своих рабочих на свободу.

[1] *М. Балабанов*, цит. соч., ч. I, стр. 89.

вольнонаемных рабочих в ней было 83%, а в 1825 — 94%), по темпу своего развития, как мы видели, далеко опережала все другие отрасли, быстро превращаясь в господствующую отрасль: еще в 1804 г. на хлопчатобумажных фабриках было занято всего 7% общего числа рабочих, в 1825 г. — уже 21%, а в 1836 г. — 32%, т. е. почти треть. Стремительный (по тому времени) темп развития хлопчатобумажной промышленности связан с тем, что именно в этой отрасли раньше, чем в других, появилось и быстрее распространилось механическое производство. Бумагопрядильные машины появились впервые уже в 1805 г., на Александровской казенной мануфактуре. После издания таможенного тарифа 1822 г., дававшего право беспошлинного ввоза машин, возникает целый ряд механических бумагопрядильных фабрик, а после отмены английским правительством запрещения вывоза бумагопрядильных машин (1842 г.) механическое бумагопрядение расцветает бурным темпом, так как английские машины были гораздо лучше применявшихся до этого бельгийских и французских. Механизация бумагопрядильного дела дала толчок развитию механического производства в области бумажного ткачества и ситцепечатания; уже в 1849 г. современники отмечали, что машинное производство в хлопчатобумажном деле «укоренилось на прочных началах». В связи с этим цены на хлопчатобумажные ткани в 50-х годах XIX в. сильно понижаются.

Очень быстро, как мы видели, развивалось производство тонких сукон, в котором также преобладал вольнонаемный труд; в 40-х годах здесь также развивается машинное производство, вследствие чего также понижаются цены на сукно; производство же солдатского сукна, в котором господствовал принудительный труд, развивалось гораздо медленнее.

Этим же объясняется отмеченная выше медленность развития железоделательного производства, в котором подневольные рабочие составляли в 1804 г. 72%, а в 1825 г. даже 78%. По свидетельству современника (А. П. Заблоцкого-Десятовского), писавшего в 1841 г., производительность труда рабочего на металлургических заводах Оренбургской губ. составляла 144 пуда чугуна, а производительность труда рабочего на за-

286087

водах Стаффордшира (в Англии) — 312½ пуд.; естественно, что русский чугун обходился гораздо дороже английского и не мог конкурировать на заграничном рынке с последним [1].

4

Но и вольнонаемный рабочий того времени большей частью не был юридически свободным, не мог свободно распоряжаться своей рабочей силой: основные кадры рабочих, работавших по вольному найму на фабриках и заводах, вербовались из крепостных крестьян, отпущенных на оброк. Я уже упоминал, что среди крестьян происходило расслоение, крестьянская масса беднела и разорялась, а между тем оброки и подати беспрерывно повышались. Прокормить свою семью и уплатить оброк и подати из доходов от своего хозяйства крестьянин часто не был в силах, и ему приходилось искать заработка вне своего земледельческого хозяйства, в том числе и на фабрике, куда он поступал в качестве вольнонаемного рабочего. Фабричные рабочие вербовались как из помещичьих крестьян, так и из казенных, но особенно много наемных рабочих давали именно помещичьи крестьяне, так как давление помещичьего гнета было гораздо сильнее, чем давление казенных налогов и повинностей.

Пользование трудом оброчных крепостных представляло для фабриканта значительные неудобства. Во-первых, такой рабочий всегда мог быть отозван своим господином, так как господин сохранял на него, конечно, все права владельца. Вследствие жалоб фабрикантов на затруднения, которые это причиняло, правительство ограничило право помещиков отзывать своих крепостных с фабрик: по закону 24 мая 1835 г. помещики лишались права отзывать своих крепостных, работающих по найму на фабрике, до окончания срока найма. Но сроки найма были невелики (обычно не превышали одного года); по окончании срока помещик нередко фактически пользовался правом отзыва своих крестьян, лишая фабриканта как раз более или

---

[1] *М. И. Туган-Барановский*, цит. соч., стр. 86, 89, 90; *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, Граф П. Д. Киселев и его время; СПБ 1882, т. IV, стр. 295.

менее квалифицированных рабочих, которые приобрели уже за время работы на фабрике известные технические навыки.

С другой стороны, количество этих отпущенных на оброк крестьян было вообще недостаточно по сравнению с потребностью промышленности: благодаря крепостному праву не успела еще сложиться так называемая резервная армия труда, т. е. не успела образоваться значительная масса не занятых в производстве рабочих, готовых в любой момент продать свою рабочую силу, а между тем наличие резервной армии обеспечивает капиталистической промышленности необходимую ей свободу маневрирования, дает ей возможность расширить в любой момент производство до требуемых рыночной конъюнктурой пределов. Кроме того наличие резервной армии оказывает давление на заработную плату: чем больше количество безработных, тем легче снизить заработную плату; отсутствие же резервной армии замедляло процесс падения заработной платы, совершавшийся и у нас в России в первой половине XIX в. по мере распространения машинного производства. Задерживающее влияние на этот процесс оказывало еще и то обстоятельство, что вольнонаемный рабочий, будучи очень часто крепостным, должен был платить своему помещику оброк; следовательно, в заработную плату входила не только стоимость воспроизводства рабочей силы, но и та сумма, которую рабочий должен был уплатить помещику в виде оброка.

На крепостное право капиталистическая промышленность наталкивалась и с другой стороны — со стороны внутреннего рынка. Правда, внутренний рынок, как мы видели, развивался; хлопчатобумажная промышленность целиком почти выросла за счет внутреннего спроса. Мы видели притом, что спрос на продукты промышленности развивался не только среди высших классов, но и среди массы крестьянского населения, в связи с тем, что товарные отношения все больше проникали в деревню, все больше захватывали крестьянскую массу. Но это относится преимущественно к государственным и тем помещичьим крестьянам, которые сидели на оброке; другая же часть помещичьих крестьян, барщинные крестьяне, в гораздо

большей мере продолжала оставаться в условиях натурального хозяйства. Барщинный крестьянин отдавал помещику непосредственно прибавочный труд в его натуральной форме; поэтому он почти совсем не соприкасался с рынком, почти ничего не продавал из продуктов своего хозяйства; в его руках поэтому оказывалось слишком мало денежных средств, которые он мог бы употребить на покупку промышленных изделий. А барщинные крестьяне в середине XIX в. составляли около 40% всего крестьянского населения Европейской России[1].

К этому нужно еще прибавить, что помещики-крепостники пользовались своей властью над крепостным крестьянством, чтобы сохранить свое монопольное положение на рынке, прибегая нередко к ограничению или даже полному запрещению крестьянской торговли. Многие помещики разрешали крестьянам продавать свой хлеб лишь после того, как помещичий хлеб был доставлен на рынок; другие вообще допускали продажу продуктов крестьянского хозяйства лишь с особого каждый раз разрешения; некоторые же помещики и совсем запрещали крестьянам продавать свои продукты.

Таким образом господство крепостных отношений задерживало развитие внутреннего рынка, способствовало тому, что это развитие совершалось замедленным темпом.

Развитие производительных сил в промышленности становилось, таким образом, в противоречие с существующими производственными отношениями, юридическим выражением которых являлось крепостное право. Интересы развития капиталистической промышленности требовали отмены крепостного права и ликвидации крепостных отношений.

---

[1] По данным 9-й ревизии (переписи податного населения) 1851 г., государственных крестьян было 9 828 тыс. (мужского пола), помещичьих (с дворовыми) — 11 745 тыс.; из них барщинных было, по материалам Редакционных комиссий, около 72%, т. е примерно 8½ млн.

б) Сельское хозяйство

1

Переходя к вопросу о развитии сельского хозяйства в первой половине XIX в., нужно остановиться прежде всего на вопросе о росте внутреннего и внешнего рынка для продуктов сельского хозяйства. С развитием промышленности растет население городов, о чем наглядно свидетельствует следующая таблица[1]:

Годы	Городское население (в тысячах)	% по отношению к общему числу населения
1782	802	3,1
1796	1301	4,1
1812	1653	4,4
1835	3025	5,8
1851	3482	7,8
1856	5684	8,9

За три четверти века население городов увеличилось в 7 раз, а доля городского населения по отношению к общему числу населения России выросла почти втрое. Правда, процент городского населения даже в середине 50-х годов был невелик (в Англии в 1851 г. городское население составляло 50%), но все же это население должно было удовлетворять свои потребности в продуктах сельского хозяйства путем приобретения их на рынке.

Кроме того нужно иметь в виду, что наша промышленность далеко не была сосредоточена в городах; можно с уверенностью сказать, что большая часть промышленного населения была у нас рассеяна по деревням. Промышленные предприятия у нас сплошь и рядом основывались не в городе, а в деревне, и не только предприятия крепостные, помещичьи, но и предприятия купеческие, капиталистические: в деревне ближе и дешевле была рабочая сила и лучше обстояло дело с топливом, которое, при тогдашней лесистости центральной промышленной области, в сельских местностях было также доступнее и дешевле. Достаточно привести пример села Иванова Владимирской губ., вы-

---

[1] *Огановский*, цит. соч., т. II, стр. 262.

росшего в крупнейший центр хлопчатобумажной промышленности.

Если принять во внимание, какое огромное количество кустарей было рассеяно по деревням (в бумаготкацкой, например, промышленности Шуйского уезда той же Владимирской губ. в 40-х годах число кустарей в 17 раз превышало число фабричных рабочих), нам станет ясно, что процент населения, занятого неземледельческим трудом и удовлетворяющего свои потребности в сельскохозяйственных продуктах посредством рынка, несомненно значительно превышало те 9%, которые приходились на долю городского населения. Примером может служить Ярославская губ., производившая в 40-х годах только половину того количества хлеба, которое было нужно для продовольствия ее населения; другую половину приходилось привозить из других губерний. По весьма осторожным расчетам А. Семенова, общее количество товарного хлеба, обращавшегося внутри страны, составляло в середине XIX в. около 40 млн. четвертей, т. е. примерно 16% валовой продукции (около 250 млн. четвертей). Другие современные статистики дают более высокие цифры; так, Протопопов определяет оборот внутренней хлебной торговли, по данным 30-х годов, в 57 млн. четвертей, т. е. около 29% валового сбора [1].

Рядом с внутренним рынком развивался и рынок внешний. Развитие вывоза русского хлеба за границу связано было с быстрым темпом промышленного развития Западной Европы (особенно Англии) в первой половине XIX в. Вывоз четырех главных хлебов с начала XIX в. до конца 50-х годов характеризуется следующей таблицей (в тыс. пуд.) [2]:

Годы	По четырем главным хлебам	Пшеница
1801—1805	19 873	10 646
1806—1810	5 120	1 768
1811—1815	9 089	5 122
1816—1820	29 655	17 300

[1] *А. Семенов*, цит. соч., ч. III, стр. 300; *П. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, т. I, Л. 1923, стр. 129—130.

[2] *В. И. Покровский*, цит. соч., т. I, стр. 4—5; *И. М. Кулишер*, История русской торговли, СПБ 1923, стр. 275.

Годы	По четырем главным хлебам	Пшеница
1821—1825	10 071	8 418
1826—1830	23 950	13 558
1831—1835	18 469	10 728
1836—1840	28 831	20 934
1841—1845	27 205	21 556
1846—1850	51 211	35 066
1851—1855	45 596	31 810
1856—1860	69 254	38 130

Как видно из этой таблицы, вывоз четырех главных хлебов увеличился за это время в 3½ раза, а вывоз пшеницы — наиболее товарного хлеба—почти в 4 раза.

Кроме хлеба вывозились также и другие продукты сельского хозяйства: по ценности вывоза в 40-х годах (1842—1846) первое место занимали все еще лен, пенька, льняное и конопляное масло и семя (около 25 млн. руб. ежегодно), на втором месте стоял хлеб (около 17 млн. руб.), затем шли сало (около 14½ млн. руб.), шерсть (6½ млн. руб.) и др. Всего продуктов земледелия и скотоводства вывозилось в это время на 65 719 тыс. руб., т. е. 75% всей стоимости вывоза (87 681 тыс. руб.)[1].

2

Повышение спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынке давало сильный толчок развитию предпринимательства в помещичьих имениях: помещики все более начинают стремиться к производству хлеба на продажу. «Чем мы должны почитать в России сельское хозяйство? — писал в 30-х годах выдающийся хозяин и знаток сельского хозяйства своего времени Н. Н. Муравьев. — По моему мнению, фабрикой, на которой вместо сукна или других изделий производится хлеб». Задача превращения помещичьей вотчины в «хлебную фабрику», которая точно так же производила бы на рынок хлеб, как другие фабрики производят на рынок сукна или хлопчатобумажные ткани, увлекает значительные круги помещиков того времени.

В связи с этим ставится вопрос о повышении производительности труда в помещичьем хозяйстве. Мето-

---

[1] *Г. Неболсин*, цит. соч., ч. II, стр. 455—456.

дам повышения производительности труда русские помещики учились в странах Западной Европы, где сельское хозяйство, под влиянием стремительного повышения спроса, делало в это время большие успехи. Оттуда русские помещики заимствовали прежде всего новейшую технику земледелия — «плодопеременение» (плодосмен) и усовершенствованные машины. Машины выписывались первоначально из-за границы, но затем развивается и собственное сельскохозяйственное машиностроение: в 1832 г. в Москве возникает первый завод по постройке сельскохозяйственных машин — бр. Бутеноп; к 1846 г. им было изготовлено 1 100 молотилок, 6 060 веялок, 1 600 плугов, 125 экстирпаторов, 550 соломорезок и пр., всего на 3½ млн. руб. ассигнациями. В конце 50-х годов завод выпустил первые в России локомобили [1]. К этому времени насчитывалось уже 19 заводов сельскохозяйственных машин и орудий, не считая мелких вотчинных мастерских, занимавшихся их ремонтом.

С каждым годом растет число сельскохозяйственных обществ, усиленно разрабатывавших вопросы организации и техники сельского хозяйства. Первое сельскохозяйственное общество (Эстляндское) возникло в 1808 г. (если не считать Вольного экономического общества, возникшего еще в 1765 г. и занимавшегося тоже преимущественно вопросами сельского хозяйства); в 1819 г. было основано Московское общество сельского хозяйства, одним из учредителей которого был Н. Н. Муравьев, а в 1858 г. сельскохозяйственных обществ насчитывалось уже 24 [2].

Попытки поднять технику помещичьего хозяйства имели, однако, очень слабый успех. Плодосмен оказался в условиях крепостной России неприменимым, и массовое увлечение им помещиков скоро сменилось полным разочарованием: введение плодосмена требовало коренной реорганизации земельной площади — устранения обычной в то время чересполосицы помещичьих и крестьянских земель (а нередко и земель разных владельцев) и сверстания барской пашни в крупные, удобные для эксплоатации участки. С другой

---

[1] *Н. Огановский*, цит. соч., ч. II, стр. 311.
[2] *П. Струве*, Крепостное хозяйство, М. 1913, стр. 71.

стороны, введение плодосмена тесно связано с введением усовершенствованных машин и орудий, а эти последние тоже далеко не везде прививались. Сельскохозяйственные машины нашли более или менее широкое применение лишь в малонаселенных районах, где крепостных было недостаточно и приходилось систематически прибегать к наемному труду (да и наемной рабочей силы было не так много), где заработная плата была сравнительно высока и введение машин давало помещику возможность сэкономить на оплате человеческого труда. Таковы отчасти губернии Нижнего Поволжья и особенно «Новороссии», где уже в первой половине XIX в. сельскохозяйственные машины были значительно распространены. Даже к 1863 г. плотность населения Херсонской губ. достигала всего 20,7 чел. на кв. версту, Екатеринославской — 20, Самарской — 12, Таврической — 11,3, а Донской области — 6,7; численность же крепостного населения, по данным 10-й ревизии (1858 г.), в Екатеринославской и Херсонской губерниях и обл. Войска Донского не достигала трети общего числа населения (в Екатеринославской 31,51%, в Херсонской 31,27, в Донской области 31,9), в Самарской составляла 15,32%, а в Таврической всего 5,97% [1]. Понятно, что помещикам этих слабо населенных губерний приходилось прибегать к вольнонаемному труду, пользуясь трудом крепостных крестьян, приходивших на заработки из густонаселенных районов. Помещики губерний с большим количеством крепостного населения охотно отпускали на заработки своих крепостных, которые уже не могли быть полностью использованы в местном помещичьем хозяйстве. По данным конца 50-х годов, ежегодный прилив сельскохозяйственных рабочих в «Новороссию» из центральночерноземных и «малороссийских» губерний достигал 300 тыс.

В большинстве же губерний крепостной России машины прививались плохо. Причины неудачи лежали прежде всего в низком качестве крепостного труда, в том, что помещик не мог добиться от крепостных ра-

---

[1] «Военно-статистический сборник», вып. IV, СПБ 1871, стр. 27, 32, 33—34, 35; *А. Тройницкий*, Крепостное население в России по 10-й народной переписи, стр. 49—50, 85—86.

ботников той внимательности и аккуратности, которая необходима при обращении с машиной. Затем и здесь, конечно, имела значение трудность выгодного использования крепостной рабочей силы, вытесняемой машиной. Помимо этого, нужно учесть еще одно очень важное обстоятельство — недостаток у помещиков капиталов: переход к рациональному хозяйству с усовершенствованными машинами и сложным севооборотом требовал больших капитальных затрат, для подавляющего большинства помещиков совершенно непосильных. «Сущая новость для русского сельского хозяйства капиталы, — пишет один помещик в журнале «Русский земледелец» за 1838 г., — о них и слуха нет. Да где же их и отыскать, когда у нас на улучшение хозяйства... никогда на это употребление в наличности денег не сберегается?» [1].

Отчасти для того, чтобы добыть денег на улучшение хозяйства, помещики закладывали свои имения. Заложенность дворянских имений быстро росла: к 1833 г., по приблизительному подсчету А. П. Заблоцкого-Десятовского, она составляла около 950 млн. руб. ассигнациями (около 270 млн. руб. серебром), а к 1859 г. дошла до 425 млн. руб. серебром, т. е. выросла на 36 1/2%; к этому времени в среднем по России было заложено 65% крепостных душ, т. е. около 2/3 всего крепостного населения. По отдельным же губерниям (и именно земледельческим) этот процент был значительно выше: в губерниях Тульской, Калужской, Рязанской и Тамбовской он превышал 70, в Орловской, Пензенской и Саратовской доходил до 80, а в Казанской даже до 84 [2].

Нужно иметь в виду, однако, что значительная часть получаемых в ссуду помещиками средств расходовалась непроизводительно: привыкнув к паразитическому существованию, помещики производительно расходовать деньги не умели. «Получив из приказов [3] капиталы, — пишет один помещик того времени, Шелехов, — и не заботясь о приискании средств к возврату ссуды,

---

[1] *П. Ляшенко*, цит. соч., т. I, стр. 123—124.

[2] *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч., т. IV, стр. 331; *М. Н. Покровский*, Русская история, т. IV, М. 1922, стр. 53.

[3] «Приказы общественного призрения» играли роль ссудных учреждений.

иные приступали немедленно к постройке в деревнях своих великолепных домов, к разведению роскошных садов, выписывали бронзу, хрусталь, мрамор, мебель, экипажи, одевали людей в богатые ливреи и лошадей в серебряную сбрую, нанимали французов-поваров, ездили в столицу, прокатились по краям, дали несколько пиров и издержали все»[1]. Правда Шелехов отрицательно относился к предпринимательским тенденциям дворянства и может быть заподозрен в пристрастии; но о том же свидетельствует и целый ряд других современников. Известный исследователь истории дворянства А. В. Романович-Словатинский рисует очень безотрадную для помещиков картину: «Масса долгов на дворянских имениях не переставала накопляться без всякого усовершенствования земледелия или другой полезной промышленности; имения не выходили из опек за неплатеж в приказы; нередко они продавались и с молотка»[2]. Если даже считать это преувеличением, то во всяком случае несомненно, что сколько-нибудь широкого распространения в большинстве губерний технический прогресс в сельском хозяйстве не имел. Как общее правило, помещичье хозяйство сохраняло традиционное трехполье и примитивные орудия производства, пользуясь преимущественно инвентарем барщинных крестьян.

3

Ввиду невозможности повысить производительность труда крепостных помещику оставалось обратить усиленное внимание на увеличение количества прибавочного труда своих крестьян и на повышение его интенсивности; в этих двух направлениях и совершается эволюция барщинного хозяйства в первой половине XIX в.

Прежде всего помещик стремился расширить барскую запашку за счет крестьянского надела, с которого крестьянин кормился и который давал ему возможность отбывать барщинную повинность, — который служил таким образом в барщинном хозяйстве «как

---

[1] *Н. Огановский*, цит. соч., т. II, стр. 284—285.

[2] *А. Романович-Словатинский*, Дворянство в России, СПБ 1870, стр. 337.

бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками»[1]. В конце XVIII и начале XIX в. барская запашка хотя и выросла с середины XVIII в., но все же обычно не превышала по своим размерам крестьянской пашни всех барщинных крепостных данного помещика. В течение первой половины XIX в. барская запашка продолжает расти; по свидетельству А. П. Заблоцкого-Десятовского, в начале 40-х годов она обычно уже превышает размер крестьянского надела, иногда даже значительно: в одном имении Саратовской губ., по его словам, каждое тягло пахало на себя 7 дес., а на помещика более 14 дес., т. е. барская пашня больше чем вдвое превышала крестьянский надел, — и этот случай едва ли являлся исключением.

Но такое расширение барской запашки за счет крестьянского надела имело свой естественный предел, за которым наступала невозможность для крестьян прокормиться с своего надела, а стало быть и невозможность удовлетворительно выполнять барщинные работы. В этих случаях помещики переводили часть крестьян в «затяглые», т. е. освобождали их от тягла, от обязанности работать на барщине, но зато освобождали их и от наделов, предоставляя им заниматься каким-нибудь промыслом или уходить на заработки, либо заставляя их нести какие-нибудь работы на барском дворе в качестве сторожей, караульщиков и пр. Иногда количество затяглых бывало очень значительно: в имении Яковлева, например, в Калужской губ. в 50-х годах затяглых было 146 душ при 278 душах, наделенных землею, т. е. более трети.

Другой способ разрешения задачи состоял в переводе части крестьян на месячину: заставляя их работать на барщине, им вместо земельного надела давали содержание натурой, т. е. выдавали ежемесячно известное количество продуктов, необходимое для воспроизводства их рабочей силы, или же кормили их в застольной вместе с дворовыми. Месячина, встречавшаяся изредка еще в XVIII. в., теперь встречается го-

---

[1] *Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 139—140.

раздо чаще, притом не только в мелкопоместных имениях, как раньше, но и в крупных, особенно на Украине и в Белоруссии. Так Заблоцкий-Десятовский приводит в пример два крупных имения Полтавской губ., в одном из которых на месячину была переведена значительная часть крестьян, а в другом — все крестьяне поголовно [1].

В связи с расширением барской запашки увеличивалось, естественно, и количество рабочих дней, которые крестьянин должен был отдавать барщине. В конце XVIII в. нормальным количеством барщинных дней считалось три дня в неделю, хотя бывали случаи и превышения этой нормы. В XIX в. таких случаев становится все больше: барщина нередко занимает 4 дня в неделю, а иногда 5 и даже 6 дней, так что крестьянину для собственного хозяйства остается одно воскресенье. Но даже и в тех случаях, когда барщина формально была трехдневной, фактически крестьяне работали гораздо больше. Очень распространен был обычай в горячую пору устраивать по воскресеньям сплошной сгон крепостных на помещичье поле: когда нужно было спешно убрать сено или хлеб, крестьяне все поголовно выгонялись на работу не в зачет обычных барщинных дней.

Нужно еще принять во внимание распределение рабочих дней крестьянина между работой на барина и работой на себя. В страдное время, во время сенокоса и уборки хлеба, помещик старался, конечно, созывать крестьян на барщину в хорошие ясные дни, на долю же крестьян оставались дни ненастные, которые они не могли в достаточной мере использовать для своей работы. Общим правилом было, конечно, что крестьянин должен был выполнять прежде всего барскую работу, а потом уже мог работать на себя. Поэтому часто случалось, что крестьянский хлеб высыпался, пока крестьянин был занят уборкой помещичьего хлеба, или крестьянину приходилось начинать пахоту или сев, когда нужное для этого время было уже упущено. В жалобах своих на помещиков (которые

---

[1] *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч., т. IV, стр. 277, 279, 280; *И. И. Игнатович*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М. 1910, изд. 2-е, стр. 117—118.

крестьяне подавали часто, несмотря на запрещение) крестьяне постоянно указывают, что их хлеб высыпается или его выклевывают птицы, что их рожь и овес засыпает снегом, потому что они не успевают во-время убрать с поля хлеб, и им приходится голодать.

Кроме работы на барской пашне на крестьянах лежал целый ряд других натуральных повинностей, на выполнение которых крестьянину приходилось тратить немало времени. Самая тяжелая для них и самая нужная для помещика была повинность подводная: крестьянин должен был вывозить на рынок помещичий хлеб, причем приходилось перевозить его нередко на очень значительные расстояния (200—300—400 верст), чтобы продать с наибольшей выгодой для помещика. По подсчетам Заблоцкого-Десятовского, подводная повинность занимала до 800 тыс. человек летом и до 3 млн. зимой и обходилась крестьянину столько же, сколько все его летние работы на помещика.

Помимо этого, крестьяне должны были уплачивать помещику известные сборы птицей, яйцами, холстом, сукном, грибами, орехами, ягодами и пр. Все эти мелкие сборы, часто незначительные сами по себе, оказывались нередко обременительными для крестьянского хозяйства, потому что, например, собирание грибов, орехов, ягод отнимало рабочее время, занимало рабочие руки; хорошо еще, если в семье было много ребят, которых можно было использовать для этой цели; в противном же случае приходилось затрачивать на это время взрослым женщинам.

Очень важно отметить еще одну черту барщинного хозяйства первой половины XIX в. — стремление помещика точно регламентировать труд крепостных, ввести его в определенные рамки. В XVIII в. сравнительно редко практиковался точный учет крестьянских тягол, теперь же это становится общим правилом. Помещики стараются точно учитывать рабочую силу своих крепостных, вводят правила, согласно которым крестьянин, достигший известного возраста, немедленно же вербуется на барщину и принимает участие в барщинных работах до того времени, когда он уже по возрасту окажется неспособным к отбыванию барщины в полной ее мере. Обычно этот возраст устанавливался

для мужчин с 18 до 55—60 лет, для женщин — с 16 до 50—55. Но и те крестьяне, которые не достигли еще этого возраста или же переросли его, тоже не освобождаются от барщинных работ. Во многих имениях этого времени к барщинным работам привлекаются и подростки, которые несут неполную нагрузку. В некоторых имениях к работам привлекаются даже дети, которые выполняют разные работы, более или менее доступные их возрасту. Старики и старухи, отбывшие свой срок полной барщины, переводятся на более легкую работу — большей частью по помещичьему двору: окарауливают барский двор, смотрят за барской птицей и пр.

В связи с более точным учетом рабочей силы помещик стал уделять больше внимания семейным отношениям своих крестьян, потому что в зависимости от состава семьи находилось и количество рабочих единиц. При разверстке барщинных работ помещик был заинтересован в том, чтобы в его распоряжении находилось большее количество полных тягол (тягло—рабочая единица, составлявшаяся обычно из одного мужчины и одной женщины). Поэтому помещик стремился как можно раньше переженить своих крестьян. С этой целью некоторые помещики устанавливали особый налог на девичество. Девушки, достигшие определенного возраста, должны были выходить замуж; если девушка этот возраст пропустила, родители должны были платить особые взносы. У некоторых помещиков практиковалась такая система: периодически производился подсчет всех молодых девушек и молодых людей известного возраста и затем, по наряду господской конторы, их отправляли в церковь и всех оптом венчали.

Как общее правило, теперь применяется в помещичьих имениях урочная система. Крестьянин получает определенный урок, определенное задание, которое он должен выполнить в течение рабочего дня. Эти задания даются с таким расчетом, что крестьянин может выполнить задание только при максимальном напряжении своих сил, а иногда оказывается не в состоянии его выполнить в течение дня даже и при максимальном напряжении. В последнем случае у крестьянина часто остаются «хвосты», которые он вынужден отрабаты-

вать уже в свой дни, формально оставлявшиеся ему для работы в его собственном хозяйстве. Заблоцкий-Десятовский, на которого я уже не раз ссылался, приводит примеры, когда крестьянину приходилось 2—3 дня из своих собственных дней тратить на отработку недоработанных уроков.

Для повышения интенсивности барщинного труда применялись и другие меры. Бывали случаи, что во время жатвы и сенокоса, когда особенно важно было ускорить темп работы, крестьянам не давали пить, пока они не кончат дневного урока. В некоторых имениях для облегчения надзора крестьянам надевались на шею рогатки, чтобы они не могли лечь отдохнуть во время работы, пока их не видит надсмотрщик. Об обычных мерах принуждения вроде розог, побоев и пр. я распространяться не буду, так как это общеизвестно.

Следует еще сказать несколько слов о стремлении помещиков этого времени максимально использовать рабочую силу своих дворовых, что тесно связано с указанной выше общей тенденцией интенсификации труда в помещичьем имении.

В XVIII в. часто встречалась многочисленная дворня, обслуживавшая все надобности и прихоти господ. К середине XIX в. количество дворовых возрастает как следствие экспроприации крестьян помещиками. Процент дворовых за время между 8 и 10-й ревизиями (1836—1858 гг.) увеличился с 4,14 до 6,79, а абсолютное число дворовых за 7 только лет между 9 и 10-й ревизиями (1851—1858 гг.) выросло почти на 40% (с 523 тыс. до 724 тыс. ревизских душ). Особенно значительно было увеличение числа дворовых в черноземных губерниях. Почти весь этот прирост приходится на черноземную полосу (204 тыс. душ, тогда как в западной полосе дворовых прибавилось всего 5 тыс., а в нечерноземной число их уменьшилось на 8 тыс.), и главным образом на Украину и «Новороссию». В Харьковской губ. число их увеличилось за эти 7 лет на 236%, в Екатеринославской на 265%, в Черниговской на 309%, в Херсонской на 328%. Процент дворовых к общему числу крепостных в черноземных губерниях по данным 10-й ревизии был значительно выше среднего: в то время как в Московской губ. они составляли 2,92%, в Костромской 2,68%, во Влади-

мирской 2,05%, — в Курской губ. их было 9,62%, в Харьковской 11,33%, в Екатеринославской — 12,61%. Нужно еще принять во внимание, что помимо собственно дворовых были еще крестьяне «на дворовом положении» — опять-таки преимущественно в черноземных губерниях; если учесть и их, то процент дворовых по Харьковской губ., например, повысится до 16% [1].

Но, увеличивая количество дворовых, помещик стремился наиболее производительно использовать их рабочую силу — извлечь из них максимальную выгоду. Уменьшая количество прислуги, помещики заставляют часть дворовых работать на барской пашне или на вотчинной фабрике, или дают им какую-нибудь другую работу, продукты которой заранее предназначаются для продажи. Для этого заводят целые артели мастериц-кружевниц, вышивальщиц и пр., стараясь максимально интенсифицировать их труд (одна помещица только раз в год — на пасху — давала отдых своим дворовым мастерицам) и поставляя продукты их труда на рынок. В южных губерниях труд дворовых широко применялся в сельском хозяйстве. В Екатеринославской губ., как видно из материалов редакционных комиссий, «почти половина общего количества посевов производится обязательным трудом дворовых плугатырей», и «две трети пастухов состоят также из дворовых» [2].

Нередко дворовых отпускали на заработки по оброку, причем бывали случаи, когда отсылали на заработки стариков 70—75 лет. Широко развилась продажа дворовых в рекруты; некоторые помещики составляли себе из этого целый промысел, наживая таким путем значительные деньги. Многие помещики отдавали своих дворовых на прокат другим помещикам (особенно в малонаселенные губернии, где был недостаток в рабочей силе) или фабрикантам, для которых дешевизна таких «кабальных» (как они назывались) рабочих более или менее компенсировала слабую производи-

---

[1] *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч., т. IV, стр. 211, 299; *А. Лосицкий*, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, «Образование» № 11а, 1906, стр. 202—203.

[2] *А. Скребицкий*, Крестьянское дело в царствование имп. Александра II, Бонн на Рейне, 1868, т. IV, стр. 150.

тельность подневольного труда. Девушек иногда поставляли в публичные дома; имеются сведения об одной помещице, которая даже специально подготовляла своих дворовых девушек для занятия проституцией.

Помещик не ограничивается тем, что рационализирует свое барщинное хозяйство, но все более начинает вмешиваться и в хозяйство своих барщинных крестьян. Он следит за тем, чтобы у крестьян было достаточное количество скота, так как в противном случае они не смогут исправно нести барщину и удобрять господскую пашню; так, например, нижегородский помещик Демидов установил минимум 6 голов крупного рогатого скота и лошадей на тягло. Этот же Демидов запретил крестьянам продавать дрова, сено, мякину, солому без особого разрешения; за выполнением приказа следили особые надзиратели. В другом имении, Костромской губ., был заведен такой порядок: крестьянский амбар запирался на два замка; один ключ находился у хозяина, а другой у соседа, так что крестьянин не мог взять из своего амбара хлеба без ведома соседа, который должен был доложить об этом барину. Все излишки хлеба должны были сдаваться в общественный магазин, из которого хлеб выдавался в случае необходимости по распоряжению помещика. Общественные магазины заводились и многими другими помещиками, особенно для ссыпки семян.

Таким образом, расходование крестьянами продуктов собственного хозяйства, полученных с отведенного им помещиком надела, было поставлено под строгий контроль барина, который старался следить за тем, чтобы у крестьян сохранялись некоторые запасы на случай неурожая, чтобы помещику не пришлось в неурожайный год выдавать крестьянам хлеб на продовольствие и обсеменение и корм для скота из своих собственных запасов. Этот контроль помещика над крестьянским хозяйством преследовал еще и другую цель: помещик стремился регулировать отношения крестьян к рынку, чтобы сохранить свое монопольное положение на рынке, оградить себя от конкуренции со стороны своих крепостных.

Вообще вся жизнь крестьянина, вся его деятельность подвергалась мелочной регламентации, вводилась

в определенные тесные рамки; за каждым шагом крестьянина, даже в его собственном хозяйстве, зорко смотрел неусыпный глаз господина.

Неизбежным следствием интенсификации барщины и регламентации крестьянского труда было расстройство хозяйства барщинного крестьянина. Помещик отбирал себе значительную часть пашни и превращал ее в барскую запашку, до последних пределов урезывая размер крестьянского надела. Он заставлял крестьянина большую часть недели работать на барщине, оставляя крестьянину лишь обрывки времени для работы в собственном хозяйстве. Он запрещал или ограничивал продажу крестьянских продуктов, вмешивался во все детали хозяйства крестьянина и его семейной жизни. В результате крестьянину становилось очень трудно поддерживать свое хозяйство.

Крестьянин начинал разоряться, а его разорение тяжело отражалось и на хозяйстве помещика. Ведь уровень благосостояния помещичьего хозяйства был тесно связан с известным минимумом благосостояния хозяйства барщинного крестьянина. Барщинный крестьянин, как правило, отрабатывал барщину при помощи собственного инвентаря. Поэтому было важно, чтобы его инвентарь был в полной исправности — иначе он не в состоянии будет отбывать исправно барщинные работы. Нужно припомнить к тому же, что барщинный крестьянин был обязан не только работать на барской пашне, но также доставлять на рынок барский хлеб на своих лошадях, на своих санях и телегах, нередко за сотни верст. Выполнять же исправно подводную повинность мог тоже только исправный хозяин. По мере того как расстраивалось хозяйство барщинного крестьянина, он все меньше и меньше оказывался способным исправно выполнять свои повинности. Помещичье хозяйство попадало таким образом в заколдованный круг. Чем больше помещик нажимал на крестьянина с целью повышения продукции своего хозяйства, тем больше он уменьшал возможность повышения этой продукции, так как расстраивал этим хозяйство своих барщинных крестьян. Выход из этого заколдованного круга был только один — ликвидация крепостных отношений, переход к вольнонаемному труду.

4

Вопрос о преимуществах вольнонаемного труда над трудом подневольным, о его большей выгодности усиленно обсуждался в помещичьих кругах 30—40-х годов. «Возьмем барщинскую работу, — писал крупный рязанский помещик и откупщик А. И. Кошелев в 1847 г. — Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, работает сколько возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить... С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит: материалов не наготовишься, времени проработают они меньше барщинского крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое-втрое. Отчего? — Охота пуще неволи» [1]. Бывший декабрист М. А. Фонвизин в своей записке «О крепостном состоянии земледельцев в России», написанной в 1842 г., указывает на невозможность повышения технического уровня помещичьего хозяйства при сохранении крепостного труда: «Неудачи, — говорит он, — испытываемые владельцами имений при введении в них улучшенных методов земледелия и вообще системы рационального сельского хозяйства, несравненно многосложнейшего, происходят от невозможности согласить его с существованием крепостных работников [2].

Для подтверждения мысли о большей выгодности для помещиков вольнонаемного труда приводились не только теоретические соображения, но и фактические примеры, которые представляют для нас большой интерес. Вольнонаемный труд применялся, как общее правило, в купеческих имениях, потому что купцы не имели права покупать населенные земли; купцы, приобретавшие землю и желавшие вести хозяйство, могли вести его только при помощи вольнонаемного труда. При наличии капитала и возможности достать свободные рабочие руки купеческие имения давали доход, значительно превышавший доход барщинных имений

---

[1] «Биография А. И. Кошелева», т. II, М. 1892, Приложение, стр. 11—12.

[2] *М. А. Фонвизин,* Обозрение проявлений политической жизни в России и другие статьи, М. 1907, стр. 112.

той же полосы. В некоторых местностях и в помещичьих имениях, как мы видели, довольно широко применялся вольнонаемный труд, оказывавшийся более выгодным, чем труд барщинных крестьян.

По расчетам А. П. Заблоцкого-Десятовского, наемный работник с работницей в Тульской губ. обходились 170 руб. в год, включая сюда и издержки на инвентарь, тогда как арендная плата за надел земли, находящийся в пользовании крепостного тягла, составила бы, по местным ценам, не менее 288 руб., т. е. почти на 70% дороже. Тот же Заблоцкий-Десятовский приводит расчеты одного московского помещика, перешедшего от барщины к вольнонаемному труду. Вольнонаемные работник с работницей производят 43 четверти ржи, а обходятся ему, в переводе на рожь, 20,5 четвертей; крепостное же тягло обходилось ему 21 четверть ржи, а доходу давало всего 15,5 четвертей, т. е. приносило чистый убыток. Там же приведены расчеты вольского купца Рекка, обрабатывавшего вольнонаемным трудом 480 дес. в Новоузенском уезде (в заволжской части тогдашней Саратовской губ.) и получавшего до 8 тыс. руб. чистого дохода. При этом в его хозяйстве на работника приходилось более 9 десятин, а в соседнем имении князей К., при самой усиленной барщине (на помещика обрабатывалось вдвое больше, чем на крестьян), барской пашни на работника приходилось не более 5 десятин [1].

Таким образом, в распоряжении помещика сороковых годов было достаточно материала для обоснования мысли о большей выгодности наемного труда в сравнении с крепостным. Тем не менее применение наемного труда в помещичьих имениях, как мы видели, распространялось только в немногих окраинных районах. В громадном же большинстве губерний черноземной России барщина не только господствовала, но даже развивалась. В Воронежской губ., например, с конца XVIII в. до конца 50-х годов процент барщинных крестьян поднялся от 36 до 55, в Пензенской — от 48 до 75. На Украине и в «Новороссии» процент барщинных крестьян был еще выше; в Киевской губ. барщинные крестьяне составляли в конце 50-х годов 98,4%,

---

[1] *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч., т. IV, стр. 281—284.

в Полтавской — 99,4, в Екатеринославской — 99,8 а в Таврической — 100%; другими словами, почти все крепостное крестьянство южных губерний за очень немногими исключениями сидело на барщине[1].

Спрашивается, почему же помещики черноземной полосы, сознавая большую выгодность наемного труда, продолжали вести хозяйство при помощи труда крепостного. Прежде всего для перехода к наемному труду помещику нужен был капитал, которого у него как раз и недоставало, как мы уже видели раньше. С другой стороны, нужно иметь в виду, что помещику нелегко было освободиться от своих крепостных даже и в том случае, если пользоваться их трудом ему было невыгодно. Крестьяне имели известную рыночную стоимость, представляли с точки зрения помещика вещь, которая стоила денег и которую выбрасывать даром не годится.

Казалось бы, помещик мог продать ставших ему уже ненужными крепостных или заставить их выкупить свою свободу, тогда бы он и от крепостных освободился и необходимый ему капитал получил. Но ведь если бы началась массовая распродажа помещичьих крепостных, их некому было бы покупать. Уже и так в черноземном центре, где было, так сказать, перепроизводство подневольной рабочей силы, она ценилась очень дешево. Если мы сравним цены населенных и ненаселенных имений перед реформой, то мы увидим, что в черноземных губерниях разница в цене между теми и другими была очень невелика. В Орловской и Рязанской губ., например, населенные имения ценились выше ненаселенных всего на 12%, в Воронежской на 6%, в Курской на 5%, тогда как в нечерноземных, промышленных, губерниях, где крестьяне в значительной мере были заняты неземледельческими заработками, эта разница была значительно больше. Во Владимирской губ., например, населенные имения стоили дороже ненаселенных на 43%, в Ярославской на 48%; в Костромской эта разница достигала 52%. Другими словами, цена крепостных душ в черноземных губерниях составляла гораздо меньшую долю стоимости имения, чем в

---

[1] *И. И. Игнатович*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М. 1910, изд. 2-е, стр. 49, 52.

нечерноземных. На это можно, однако, возразить, что стоимость самой земли в черноземных губерниях была значительно выше, чем в нечерноземных, и что, выражая стоимость крепостных душ в процентах к стоимости земли, мы берем за основание разные величины. Привожу поэтому цифры стоимости крепостных душ без земли: средняя рыночная цена крестьянской души без земли в нечерноземной полосе была в это время 50 р. 40 к., а в черноземной — всего 20 р. 40 к., т. е. в $2^1/_2$ раза меньше [1].

Массовый выкуп крестьянской неволи тоже был совершенно неосуществим путем частного соглашения между крестьянами и помещиками. Чтобы выкупиться на волю, крестьянину нужно было иметь значительную сумму денег, которой крестьянин обычно не располагал. Только единицы могли внести выкуп сразу; подавляющая же масса крестьян была не в состоянии это сделать. Получать же выкуп в рассрочку было помещику невыгодно: это не давало ему капитала, необходимого для перехода к хозяйству с наемными рабочими. Таким образом, помещику только и оставалось довольствоваться «капиталом крепостных душ», который был в его распоряжении, и усиливать барщину, прибегая лишь к некоторым коррективам, смягчавшим невыгодность барщинного труда. Так, некоторые помещики давали крестьянам, исправно отбывавшим барщину, прирезки земельных наделов, поощряя их таким образом работать более старательно. Бывали случаи, когда крестьяне-барщинники получали некоторую плату, которая также должна была стимулировать их энергию. Иногда барская пашня обрабатывалась крестьянами из доли урожая: например, пятую или шестую часть урожая помещик уступал крестьянам. Здесь был такой же расчет: крестьяне были заинтересованы в увеличении массы продукта и в своевременной уборке урожая, так как от этого зависело количество и качество получаемой ими доли. Все эти методы поощрения чрезвычайно любопытны, так как они несомненно представляют некоторый суррогат наемного

---

[1] *П. Маслов*, Аграрный вопрос в России, т. I, изд. 4-е, СПБ. 1908, стр. 387.

труда, свидетельствуя о назревшей уже потребности помещиков перестроить свое хозяйство на капиталистический лад.

5

Интенсифицируя труд барщинных крестьян, помещик стремился увеличить массу продукта (преимущественно хлеба), выбрасываемого на рынок. И действительно, в середине XIX в., по приблизительным подсчетам современных экономистов, помещичий хлеб составлял около 90% всего хлеба, обращавшегося на рынке. В результате рынок не поглощал всего количества хлеба, выбрасываемого помещичьим хозяйством. Журналы 30 и 40-х годов переполнены жалобами помещиков, что им некуда сбывать свой хлеб. По очень приблизительным, конечно, расчетам современных статистиков, остатки хлеба, не находящего себе спроса на рынке, составляли 12—25 млн. четвертей (разные авторы дают различные цифры) [1]. М. Н. Покровский объясняет это перепроизводство помещичьего хлеба сокращением спроса на хлеб на внешнем рынке, вызвавшим резкое понижение хлебных цен в течение длительного промежутка времени с начала 20-х до конца 40-х годов. О резком понижении цен на экспортный хлеб в это время говорить не приходится, как видно из следующей таблицы [2]:

Средние цены на четверть (в рублях)

Годы	Пшеница		Рожь		Овес	
	в балтийских портах	в черноморских портах	в балтийских портах	в Архангельске	в балтийских портах	в Архангельске
1822—1826 . .	5.70	4.28	3.81	2.57	2.41	1.50
1827—1831 . .	5.84	4.26	3.34	2.27	2.34	1.85
1832—1836 . .	5.83	5.11	4.34	4.80	2.27	1.74
1837—1841 . .	8.13	5.39	4.76	3.60	2.43	1.90
1842—1846 . .	7.80	5.09	4.61	3.77	3.55	2.05

[1] *П. Лященко*, цит. соч., т. I, стр. 129—130, 135.
[2] *Г. Неболсин*, цит. соч., ч. I, стр. 60—61.

Эта таблица говорит скорее о повышательной тенденции вывозных цен. Но сокращение хлебного вывоза в некоторые периоды (первая половина 20-х и первая половина 30-х годов) действительно имело место, что можно видеть из приведенной в другом месте таблицы (см. стр. 22—23). Однако это едва ли могло создать ощутительные затруднения для сбыта помещичьего хлеба, так как вывоз поглощал сравнительно небольшую долю товарного хлеба; по тем же расчетам современных экономистов, вывоз не превышал 1/8 всего хлеба, обращавшегося на рынке.

Перепроизводство хлеба в гораздо большей степени зависело от условий внутреннего рынка, именно от условий транспорта: при отсутствии железных дорог [1], первобытных способах водного транспорта и отвратительном состоянии гужевых дорог нередко потребляющие районы испытывали голод, в то время когда в производящих районах накоплялись избытки хлеба, не находившие сбыта. Этим объясняются и резкая разница цен в производящих и в потребляющих районах и резкие колебания цен в урожайные и неурожайные годы в одной и той же местности, достигавшие особенно значительного размаха именно в районах производства. О громадной разнице цен в различных районах можно судить, например, по весенним ценам 1845 г., когда в Курской губ. рожь стоила 1 р. 50 к. четверть, а в Псковской 14—15 руб., т. е. в 10 раз дороже. Для характеристики колебания цен во времени приведу данные о ценах четверти ржи за время с 1833 по 1841 г [2].

Эти резкие колебания цен могли быть смягчены только радикальным улучшением условий транспорта, но это улучшение было недостижимо в условиях крепостного хозяйства, так как паровой транспорт—и сухопутный и водный — предполагает значительное раз-

---

[1] Постройка железных дорог в России началась довольно рано: первая железная дорога (Царскосельская) была построена еще в 1838 г., но она не имела хозяйственного значения, не имела его и Варшавско-Венская, сооруженная в 1843—1848 гг. с стратегическими целями. Первая железная дорога, имевшая экономическое значение, Николаевская, была закончена постройкой лишь в 1851 г.

[2] *П. Струве*, цит. соч., стр. 127—128, *П. Лященко*, цит. соч., т. I, стр. 33. См. таблицу на стр. 42.

витие тяжелой индустрии, а эта отрасль промышленности, как мы видели, была у нас особенно отсталой, и именно в силу того, что она была основана на принудительном труде. Все это ясно сознавалось уже современниками. Автор вышедшей в 1829 г. работы «О понижении цен на земледельческие произведения в России» А. Фомин приходит к выводу, что развитие сельскохозяйственного рынка невозможно без развития промышленности, а развитие промышленности не может совершаться достаточно быстро, пока две трети населения находятся под властью помещиков. Автор другой работы, «О ценах на хлеб в России», Веселовский (1845 г.) замечает, что проблема цен «имеет свои корни в почве общественных отношений... Она тесно связана с целым порядком многочисленных явлений, близко касается способа распределения земли между владельцами, работниками и капиталом и лежит в основании целого здания общественных отношений страны».

	Низшая цена	Высшая цена	Отношение между ними
Петербург	14.22	32.79	1:2,2
Новгород	12.31	32.00	1:2,3
Ярославль	9.26	26.28	1:2,6
Владимир	7.96	30.10	1:3,8
Москва	8.36	35.00	1:4,2
В райснах производства эта разница была еще больше			
Симбирск	4.50	21.50	1: 4,8
Пенза	3.88	21.98	1: 5,7
Рязань	5.20	33.00	1: 6,5
Тамбов	4.00	26.98	1: 6,7
Саратов	3.20	21 45	1: 6,7
Курск	3.75	30,92	1: 8,2
Тула	5.00	50.00	1:10,0
Ставрополь	5.05	61.00	1:11,1

Затруднения в сбыте хлеба побуждали помещиков искать путей к использованию остающихся излишков в своем собственном хозяйстве. С этим связывается ог-

ромный рост помещичьего винокурения в эту эпоху: в 1819 г. выкуривалось 18½ млн. ведер вина, в 1851—39½ млн., а в 1860 — около 60½ млн.; за 40 лет продукция винокуренных заводов выросла таким образом больше чем втрое. Некоторые помещики пытались переходить от чисто зернового хозяйства к производству технических растений, переработку которых также старались поставить у себя в имениях. В эту эпоху развивается, например, свеклосахарное производство: первый свеклосахарный завод (в Тульской губ.) был основан в 1802 г., в 1825 г. сахарных заводов было 47, в 1844 г. — 199, а в 1852 г. — 408. В 1848 г. было произведено сахара 800 тыс. пуд., а в 1853 — 1 200 тыс. пуд., т. е. за 5 лет производство увеличилось в 1½ раза[1]. Но такая «индустриализация» помещичьего хозяйства, помимо того что требовала значительных капиталов и, следовательно, была доступна лишь небольшой группе помещиков, наталкивалась на то же препятствие, что и другие отрасли промышленности, — непроизводительность крепостного труда, упиралась в «невозможность, — говоря словами современного экономиста (Л. Тенгоборского), — ставить усовершенствованные приборы из-за беспечности барщинного труда».

6

В то время как помещики черноземной России стремились превратить свои имения в «хлебные фабрики» и усиливали барщину, помещики нечерноземных губерний все более сокращали барщинное хозяйство и переводили своих крестьян на оброк. За время с конца XVIII в. до конца 50-х годов XIX в. процент оброчных крестьян по отношению к общей массе крепостного населения значительно увеличился: в Московской губ., например, в конце XVIII в. оброчные крестьяне составляли всего 36% крепостного населения, т. е. немного больше трети, а в конце 50-х годов XIX в. их стало уже 68%, т. е. свыше двух третей. Во Владимирской губ. оброчные составляли в конце 50-х годов 70%, в Ярослав-

---

[1] *В. И. Покровский*, цит. соч., т. I, стр. 97—99, *А. Семенов*, цит. соч., ч. III, стр. 261—281, 482, 493.

ской и Костромской—87½%[1]. В промышленных районах оброк был гораздо выгоднее для помещика, чем барщина, так как земледельческое хозяйство помещика, при неплодородной почве этих губерний, было малодоходно, оброчный же крестьянин значительную часть своего дохода получал от неземледельческого труда, занимаясь кустарным промыслом или уходя на заработки. «Оброк, — замечает упоминавшийся уже нами иностранный наблюдатель русской жизни того времени бар. Гакстгаузен, — лежит не на земле, которую помещик дает крестьянину, но на его рабочей силе и его промысле»[2].

В промышленных губерниях оброк давал помещику такой доход, какого барщинное хозяйство не могло дать при самой лучшей его постановке. Например, в с. Богородском Нижегородской губ., которое и в то время было значительным торговым и промышленным центром, минимальный оброк в 50-х годах составлял 25 руб. серебром с души; отдельные, наиболее богатые крестьяне платили и 200 руб. и 500 руб., а были и такие, что платили свыше 1 500 руб. оброка с души. Эти высокие цифры оброка не должны удивлять, если припомнить, что многие богатые крестьяне занимались торговыми операциями, наживая на них большие капиталы, а некоторые становились даже фабрикантами и заводчиками.

Были, конечно, оброчные имения и в черноземных губерниях, как были барщинные имения в губерниях нечерноземных. В земледельческих районах оброк имел место обычно лишь в двух случаях — либо у помещиков мелкопоместных, либо, наоборот, у владельцев обширных латифундий. Когда у помещика было слишком мало земли, то поставить хорошо барщинное хозяйство было просто невозможно. В этом случае оброк давал ему доход более высокий, чем он мог получить в своем собственном барщинном хозяйстве[3]. Владельцы же

---

[1] *И. И. Игнатович*, цит. соч., стр. 49.

[2] Бар. *А. Гакстгаузен*, Исследования внутренних отношений народной жизни, т. I. М. 1870, стр. 220.

[3] Этим объясняется то обстоятельство, что в черноземных Курской и Тульской губерниях процент барщинных крестьян понизился с конца XVIII в. до конца 50-х годов XIX в. с 92 до 75; в этих губерниях было особенно многочисленно мелкопоместное дворянство.

крупных латифундий часто просто не интересовались хозяйством, не занимались им, а жили постоянно в Петербурге, занимая высокие государственные посты, или в Москве, предаваясь различным удовольствиям, или же, наконец, уезжали за границу, обыкновенно в Париж, чтобы там проживать доходы, получаемые с крепостных крестьян. Среди таких владельцев оброк составлял господствующее явление: общей массы дохода от большого количества оброчных крестьян было достаточно, чтобы жить широко и «со вкусом», для перехода же от этой праздной и веселой жизни к заботам и хлопотам по расширению и улучшению своего хозяйства у такого помещика не было достаточных побуждений. Но громадное большинство помещиков черноземной полосы все же вело барщинное хозяйство, и, наоборот, подавляющее большинство помещиков нечерноземной полосы держало крестьян на оброке.

Оброки в течение первой половины XIX в., так же как и барщина, сильно возросли. В конце XVIII в. средняя норма оброка была приблизительно 5 руб. с души; в конце 50-х годов, по материалам редакционных комиссий, она поднимается до 23 руб. с тягла, что составляет на деньги конца XVIII в. приблизительно 7 р. 50 к. с души; следовательно, средний размер оброка увеличивается приблизительно в 1½ раза. В Нижегородском уезде за первую половину XIX в. оброки увеличились более, чем вдвое, а между тем цены на хлеб за это время остались почти без изменения. В отдельных случаях повышение оброка было еще более значительно. В имении Позняковых, например (той же губернии), за 30 с небольшим лет (с 1827 по 1859) душевой оброк увеличился с 6 руб. до 24 руб., т. е. ровно вчетверо, между тем как надел пашни на крестьянскую душу уменьшился с 2,1 дес. до 1½ дес.

К оброку часто присоединялась в это время и барщина: по подсчету И. Игнатович, около ⅓ владельцев оброчных имений применяли так называемую систему смешанных повинностей, т. е. соединение оброка с барщиной. Например, имение Доломанова, Калужской губ., до 1834 г. находилось на чистом оброке, причем крестьяне платили с тягла около 64 руб. ассигнациями (примерно 18 руб. серебром); кроме оброка они должны были еще только окарауливать по ночам помещи-

чью усадьбу и доставлять дрова для отопления помещичьего дома и служб; на каждое тягло приходилось при этом 7 дес. пашни. Через четверть века (в 1860 г.) крестьянский душевой надел уменьшился до 5½ дес. (почти на 30%), а оброк увеличился с 60 руб. до 75 руб. (на 25%). Помимо этого введена была барская запашка: каждое тягло должно было обрабатывать десятину пашни. Осенью и зимой привлекались к работе женщины и подростки, так как мужчины уходили на заработки, чтобы иметь возможность выплатить оброк. Кроме того каждая женщина должна была доставить помещику 10 арш. холста из своего льна и выткать 4 арш. сукна из господской шерсти, а также принимать участие в полке моркови для конского завода и выборке картофеля для крахмального. Наконец, вдовы и девушки должны были доставлять помещику в лето по 3 фунта сушеных грибов [1].

Постоянное возрастание оброка, так же как и усиление барщины, очень вредно отражалось на крестьянском хозяйстве; развитие производительных сил крестьянского хозяйства замедлялось, а если оброк становился непосильным, то и вовсе прекращалось, и хозяйство оброчных крестьян приходило в упадок.

Переводя своих крестьян на оброк, помещик в сущности ликвидировал свое хозяйство, превращаясь в чистого получателя денежной ренты. Крепостное хозяйство разлагалось таким образом и в районах распространения барщины и в районах распространения оброка. В первых мы видим массовое разорение крестьянства, подрывавшее основы барщинного хозяйства помещика и грозившее в конце концов его ликвидацией. В последних помещичье хозяйство фактически ликвидировалось, оставалось лишь крепостное право, пользуясь которым помещик выкачивал из оброчных крестьян денежную ренту.

Задерживая развитие капиталистического хозяйства в помещичьих имениях, крепостное право тормозило также развитие капиталистических отношений и в крестьянской среде. Непомерный рост денежных и натуральных повинностей разорял крестьянскую массу, замедляя процесс выделения из нее сельской буржуазии

---

[1] *И. И. Игнатович*, цит. соч., стр. 80—82, 84—85.

(о котором мы говорили выше) и мешая последней укреплять и расширять свое хозяйство. Помимо того что зажиточному крестьянину приходилось отрывать от хозяйства значительные средства на уплату оброков и податей, он не мог иметь никакой уверенности в завтрашнем дне, так как накопленного им богатства он мог в любой момент внезапно лишиться в силу произвольного распоряжения господина. А между тем известная возможность учета хозяйственных перспектив является необходимым условием развития капиталистического хозяйства.

Таким образом и в сельском хозяйстве, как и в промышленности, развитие производительных сил тормозилось наличием устаревших уже производственных отношений. И здесь ликвидация крепостного права являлась необходимой предпосылкой дальнейшего развития.

Глава II

Крестьянское движение

1

Нарастание противоречий между развивающимися капиталистическими отношениями и крепостническим строем выражалось прежде всего в развитии крестьянского движения, вызванном усилением эксплоатации крестьянства. Усиление крепостнического гнета остро ощущалось и широкой крестьянской массой и нарождавшейся сельской буржуазией, способствуя объединению различных слоев крестьянства в борьбе с общим врагом — помещиком и помещичьим государством. Интересы различных слоев крестьянства в этой борьбе были, конечно, различны. Разорявшаяся крестьянская масса боролась за элементарные условия своего существования, стремясь избавиться от нужды, голода и непосильного труда. Зажиточная же верхушка крестьянства стремилась обеспечить себе благоприятные условия для наживы и свободу эксплоатации крестьянской бедноты; к тому же деревенские богатеи имели возможность в большей или меньшей мере ослабить лежавший на них гнет путем сделок с вотчинной администрацией и государственными чиновниками, перелагая этот гнет на плечи бедноты. Но все же наличие общего врага заставляло крестьян отодвигать эти противоречия интересов на второй план, побуждая их выступать в борьбе с общим врагом единым фронтом.

За 30 лет царствования Николая I (1825—1855), по заведомо неполным данным министерства внутренних дел, насчитывается 674 случая крестьянских волнений, а если взять несколько более продолжительный проме-

жуток времени — от 1826 по 1860 г. включительно, то этих случаев можно насчитать около 1 200. Важно при этом отметить, что количество крестьянских волнений с течением времени все возрастает. По подсчету И. Игнатович, за 9 первых лет царствования Николая (1826—1834) было 145 волнений (в среднем по 16 случаев в год), за следующее десятилетие (1835—1844)— 216 волнений (21,6 случаев в год), за десятилетие 1845—1854 гг.—348 волнений (около 35 случаев ежегодно), а за следующие только 6 лет (1855—1860) — 474 волнения (т. е. по 79 случаев в год); при этом на один лишь 1860 г. приходится уже 100 случаев [1]. Эти цифры ярко показывают, как быстро возрастает количество крестьянских волнений. При этом не только растет количественная сторона движения, не только увеличивается число случаев крестьянских выступлений, но, как увидим ниже, крестьянские выступления принимают все более активный, все более решительный характер и захватывают все большую массу крестьянства.

Переходя к фактам, характеризующим крестьянское движение, я остановлюсь прежде всего на крестьянских побегах, принимающих в это время все более массовый характер. Бегут не только одиночки и отдельные семьи — снимаются с мест целые селения, даже целые волости. Поводами для массовых побегов являются обыкновенно слухи о законах, будто бы изданных правительством или действительно изданных, но произвольно истолковываемых крестьянами по-своему, согласно их желаниям. В 20-х годах, например, широко развивается самовольное движение крепостных крестьян на Урал и в Сибирь; поводом для этого послужил указ 1822 г., дозволявший переселение в Сибирь казенным крестьянам. Хотя о помещичьих крестьянах в указе ничего не говорилось, но они распространили этот указ и на себя. В 30-х годах подымается новая волна самовольных крестьянских переселений; крестьянство устремляется на Кавказ. Поводом для этого послужил указ 1832 г., дозволявший селиться в Черноморье для его колонизации даже людям, не имеющим вида на жительство. Движение на Кавказ охватило це-

---

[1] *И. И. Игнатович*, Крестьянские волнения, сб. «Великая реформа», М. 1911, т. III, стр. 46, 64.

лый ряд губерний, и правительству пришлось отменить указ 1832 г., чтобы не давать с своей стороны повода для массового передвижения крестьян. На места были командированы флигель-адъютанты, которые должны были ловить и возвращать беглецов; одних воронежских крестьян было таким образом захвачено в Донской области и возвращено около 1 200.

В 40-х годах движение на Кавказ возобновляется в еще больших размерах. Среди крепостных ходили слухи о готовящемся манифесте, согласно которому они должны быть переведены в казаки и наделены землей, если этот манифест застанет их на Кавказе. Движение охватило 14 губерний; из одного Белевского уезда Тульской губ. в 1841 г. бежало до тысячи крепостных. В 1847 г. действительно появился указ, призывающий людей свободных состояний переселяться на Кавказ. Хотя о крепостных в указе ничего не говорилось, но они опять истолковали его по-своему, и движение разрослось с небывалой до сих пор силой. В одной Курской губ. приготовились к переселению на Кавказ около 20 тыс. крепостных из 46 селений. Этот огромный поток был остановлен только вмешательством военной силы. В том же 1847 г. десятки тысяч крепостных Могилевской и Минской губ. двинулись на постройку Николаевской железной дороги, так как носились слухи, что крепостным, принимающим участие в постройке дороги, будет дарована воля. В этом же году помещичьи крестьяне Витебской губ. начали распродавать за бесценок свой скот и другое имущество, приобретать ружья и порох, перековывать лемехи на пики, и огромные массы крепостных двинулись в Петербург просить у царя воли. Общее количество их доходило до 10 тыс.; они запрудили дороги и препятствовали движению по ним. Против них отправлены были значительные военные силы: пехотный полк, батальон и две роты из других полков, витебский гарнизонный батальон и инвалидная команда; около 6 тыс. крестьян было захвачено и возвращено на места, остальные остались неразысканными.

В 1856 г. мы видим массовое движение крепостных «за волей» в Таврическую губ. Среди крестьян ходил слух, будто в Перекопе, в золотой палате, сидит царь и всем пришедшим раздает волю; все неявившиеся или

опоздавшие остаются в панской неволе, поэтому нужно торопиться. Движение охватило преимущественно «новороссийские» губернии, главным образом Екатеринославскую, в которой только 2 уезда дали до 9 тыс. самовольных переселенцев; несколько тысяч дала также Херсонская губ.

Характер побегов таким образом совершенно меняется: это уже не тайные побеги в одиночку (разумеется, были в это время и такие), а открытые самовольные переселения огромных масс, причем нередко, в силу самой массовости этого движения, мирное переселение выливается в «бунт», в кровопролитное столкновение с воинскими отрядами.

Перейду теперь к другой форме крестьянского движения — к массовому «неповиновению» крестьян помещикам и властям. Основной причиной неповиновения крепостных, как видно из правительственных расследований, была все увеличивающаяся с годами тяжесть эксплоатации крепостного труда. Из 423 случаев крестьянских волнений в николаевское царствование, о которых имеются соответствующие сведения, 208, т. е. около половины, было вызвано непосредственно экономическими мотивами, главным образом усилением барщинных повинностей. Жестокость помещиков являлась обычно лишь поводом для проявления крестьянского движения; она обостряла недовольство крестьян, побуждала к тому, чтобы это недовольство, накоплявшееся в течение ряда лет, вырвалось наружу.

Обычная форма неповиновения крестьян — отказ от работ на барщине и от уплаты оброка и других поборов в пользу помещика. Нередко «неповиновение» сопровождалось тем, что в официальных источниках называется «самоуправством», т. е. сменой властей, поставленных помещиком, иногда «буйством», т. е. расправой с вотчинными властями, самовольным распоряжением помещичьим добром и пр. Из упомянутых 423 случаев, о которых имеются подробные сведения, «самоуправство» проявилось в 208, т. е. почти в половине случаев.

Все эти случаи «неповиновения» и «самоуправства», вызывали обычно вмешательство местных властей, а если их «кроткие увещания» не оказывали действия, то присылку воинских команд. Часто одного появления

воинской команды бывало достаточно для прекращения неповиновения, но нередко приходилось применять розги, а иногда и оружие. После усмирения команды часто оставлялись на некоторое время в деревне, где следили за тем, чтобы движение не возобновлялось; кроме того содержание воинской части тяжелым бременем ложилось на крестьян и служило для них серьезным наказанием. Сопротивление крестьян местным властям отмечено в 97 случаях из 271, о которых есть соответствующие сведения, т. е. более трети этих случаев сопровождалось сопротивлением властям [1]. Значительно реже случалось сопротивление крестьян воинским командам и еще реже бывали случаи столкновения крестьян с последними, так как безоружной крестьянской толпе было трудно, разумеется, сражаться с вооруженным военным отрядом.

Большое упорство крестьяне проявляли в случаях насильственного переселения их помещиками, особенно в тех случаях, когда помещики переселяли крестьян на заводы. Тут уже нередко бывали кровавые столкновения. Для иллюстрации приведу пример. В 1815 г. владельцем Холуницких горных заводов (в Слободском уезде Вятской губ.), А. И. Яковлевым были куплены на вывод крестьяне в Яранском уезде (той же губернии) для переселения на заводы. Крестьяне однако отказались подчиниться приказанию своего нового владельца и оказали сопротивление посланной для их усмирения воинской команде, причем один солдат был убит и 24 ранено, а начальник команды, избитый крестьянами, бежал. Пришлось прислать более сильный отряд, при содействии которого крестьян удалось наконец переселить. Но крестьяне не успокоились и отправили ходоков к царю с просьбой о возвращении их на прежние места с передачей в казну. Случай этот был расследован специально командированным из Петербурга флигель-адъютантом Панкратьевым, который выяснил, в какие условия попали крестьяне на заводах и в каких условиях совершалось переселение. При переселении у крестьян были отняты деньги и лошади во избежание побегов, и крестьяне были «погнаны, как стада скотов». Сама же работа на Холуницких заводах, по его

---

[1] *И. И. Игнатович*, цит. соч., стр. 48—51.

словам, может быть названа каторжной, так как она столь же трудна, как и на Нерчинских, куда ссылали на каторгу. Снабжение крестьян продуктами производилось через заводскую контору, вследствие чего крестьяне оказывались перед конторой в неоплатном долгу. «Участь их всех, — заключает этот флигель-адъютант, которого едва ли можно заподозрить в стремлении сгустить краски,— весьма похожа на участь негров, кои томятся в американских плантациях». В течение года, по его словам, погибла от тяжелых условий жизни и работы шестая часть переселенных крестьян. В результате расследования Панкратьева комитет министров лишь предписал владельцам не злоупотреблять своею властью по отношению к крестьянам, но крестьяне, разумеется, понесли суровое наказание. Наиболее активные из них подверглись наказанию кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и ссылке в Нерчинск в каторжные работы; многие были наказаны плетьми, батогами и палками [1].

Особенно бурно проявлялось крестьянское движение в годы больших войн, которые Россия вела в первой половине XIX в. В связи с наполеоновскими войнами среди крестьян возникли всякие слухи и толки, вызванные, повидимому, крестьянской реформой, произведенной Наполеоном в герцогстве Варшавском. Еще в 1807 г. дворовые люди в Петербурге рассуждали между собой: «Бонапарт писал государю, что если он желает иметь мир, то освободил бы всех крепостных людей, чтобы крепостных не было, в противном же случае война будет всегда». В марте 1812 г. подобные же разговоры среди дворовых велись и в Москве. Ходили слухи, что если французы возьмут Москву, то все крепостные станут вольными. Эти слухи не ограничивались пределами столицы, но проникали и в деревню — отчасти благодаря связям столицы с деревней, отчасти через посредство агентов Наполеона, рассылаемых им по деревням специально с этой целью. Иногда слухи принимали совершенно фантастический характер. Рассказывали, например, что Наполеон — младший сын Екатерины II,

---

[1] *Ю. Гессен*, Принудительное обращение крестьян в горнозаводские рабочие, «Архив истории труда в России», кн. I, П. 1921, стр. 54—62.

который хочет исправить зло, причиненное крестьянам Екатериной.

Дороговизна, связанная с войной, рекрутские наборы, призыв в ополчение, оставление Москвы — все это возбуждало настроение, обостряло крестьянское недовольство. Настроение во многих местах стало настолько возбужденным, что помещики бежали из деревень. Правительство вынуждено было принять меры. Был организован шпионаж по дорогам, по шинкам, по базарам. По распоряжению Александра, в каждой губернии было выставлено полбатальона, чтобы держать крестьян в повиновении и в случае какого-нибудь волнения немедленно применить силу.

Наполеон, однако, не решился использовать это настроение крестьянства; надо полагать, он опасался зажечь пожар, который сам не смог бы погасить. Тем не менее крестьянские волнения в связи с походом Наполеона происходили, особенно в захваченных им областях или областях, близко расположенных к пути его движения. Крестьяне нападали на помещичьи усадьбы, громили их, иногда производили убийства и насилия. Были случаи, когда движение, направленное против помещиков, соединялось с движением против наполеоновской армии, разорявшей крестьян реквизициями и мародерством и возбуждавшей острое озлобление в крестьянской массе. В конце 1812 г. в Пензенской губ. произошли сильные волнения среди ополченцев; ополченцы намеревались перебить своих офицеров, которым не доверяли, как господам, явиться на фронт, разбить французов, а затем принести повинную царю и вымолить у него, в награду за победу над неприятелем, освобождение от крепостной неволи.

Бурные проявления крестьянского движения связаны были также с другой большой войной — Крымской (1853—1856 гг.). Манифест 3 апреля 1854 г. о призыве в морское ополчение, согласно которому в ополчение дозволялось вступать и крепостным крестьянам некоторых губерний (но, конечно, с разрешения их помещиков), вызвал сильное движение в 10 губерниях, и не только в тех, которые были перечислены в манифесте. Толпы крестьян двинулись к Москве записываться в ополчение.

Другой манифест, 29 января 1855 г., о народном

ополчении, обращенный «ко всем верноподданным», вызвал также большое движение в ряде губерний. Распространились слухи, что участие в ополчении даст крестьянам волю и землю. Особенно широкие размеры движение приняло в Киевской губ. Крестьяне отказывались от работ и всяких платежей, отказывались даже от всяких сношений с помещиками, бойкотировали вотчинное управление, взамен которого организовывали свое самоуправление. Администрация совершенно растерялась, помещики обратились в паническое бегство из деревень. Для усмирения движения была направлена военная сила, размеры которой свидетельствуют о том, какое серьезное значение придавало правительство этому движению. В Киевскую губ. было направлено 16 эскадронов кавалерии, дивизион пехоты, резервный батальон и 2 роты сапер; местами произошли кровавые столкновения с значительным количеством убитых и раненых.

Помимо массового крестьянского движения, развивался и индивидуальный террор со стороны крестьян по отношению к помещикам и их доверенным лицам; поджигались помещичьи постройки, совершались покушения на жизнь помещиков и их управляющих, применялись к ним разные способы физического воздействия. Был, например, высечен своими дворовыми камергер двора его величества Базилевский, придворная карьера которого кончилась в результате этого случая. Такому же воздействию подверглась одна великосветская дама; один помещик был взорван порохом, подложенным под кровать, другой брошен в огонь подожженной фабрики; помощника управляющего одного имения крестьяне заколотили цепами на току. За время с 1836 по 1854 г., т. е. за 19 лет, по данным министерства внутренних дел, было убито 173 помещика и управляющих и кроме того произошло 77 покушений (эти данные тоже очень неполны, так как далеко не все сведения доходили до министерства). За 9 только лет, с 1835 по 1843 г., было сослано за убийство помещиков 416 крепостных.

Что касается идеологии крестьянского движения первой половины XIX в., то в массе своей крестьянство продолжало оставаться на столь же низком уровне политического сознания, как и в XVIII в. Крестьяне по-

прежнему возлагали надежды на царя, от которого наивно ждали освобождения от помещичьего и чиновничьего гнета. Однако на общем фоне крестьянской темноты встречались отдельные лица, задумывавшиеся над политическими вопросами и пытавшиеся, иногда не безуспешно, пропагандировать свои воззрения в крестьянской массе.

Во «всеподданнейшем» отчете шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа за 1837 г. рассказывается об одном помещичьем крестьянине, который «слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных на фабрикантов, солдат на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом, чрез избранных из среды народа представителей, для улучшения быта простых людей»; проект свой он намеревался представить Николаю. По словам отчета, он обдумывал этот проект в течение нескольких лет и «толковал о нем с разными людьми простого звания», которые его слушали и на которых он «имел в этом случае значительное влияние». «Частный случай сей, взятый отдельно, — справедливо замечает Бенкендорф, — конечно сам по себе не представляет особой важности, но он несколько ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств своих и помещиков».

Другой крепостной явился в 1847 г. к Николаю со стихами собственного сочинения, в которых он предрекал России «события, подобные бывшим во Франции во время революции».

В 1849 г. у вольноотпущенного Семена Олейничука, учившегося в течение 6 лет в гимназии (значит, принадлежавшего в некоторой степени к «крепостной интеллигенции»), была найдена при обыске рукопись сочинения, в котором он обнаружил «мысли, противные настоящему порядку вещей и могущие вредно действовать на умы простого народа». В этом сочинении автор давал яркое изображение угнетенного положения украинского крестьянства и выражал страстный протест против крепостного права. Улучшения положения крестьянства Олейничук также ждал от царя. Еще в 1847 г. он обратился к Николаю с всеподданнейшим

прошением от имени крестьян Острожского уезда Волынской губ. о переводе помещичьих крестьян на оброчное положение по примеру казенных. Ввиду того, что Олейничук «по своим понятиям мог быть весьма вреден для низшего класса людей», он был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер в 1852 г.

В 1858 г. крестьянин Михайлов составил «записку, основанную на текстах священного писания, о равенстве людей перед богом, о тяготах зависимости крепостных людей от помещиков и о тех облегчениях, какие могут получить крестьяне по освобождении». Записку эту он читал в одной из петербургских портерных, вследствие чего петербургским обер-полицеймейстером были приняты по отношению к нему «надлежащие меры»[1].

Как видим, даже и эти отдельные единицы, поднимавшиеся над общим уровнем крестьянской массы, были далеки от сознания необходимости революционной ломки существующего политического строя и возлагали надежды на добрую волю царя, к которому обращались со своими проектами; «наивный монархизм» крестьянства продолжал тяготеть и над ними.

2

Видное место в массовом движении первой половины XIX в. занимало движение крепостных и посессионных рабочих. Движение подневольных рабочих и по своим формам и по своему содержанию стояло очень близко к крестьянскому движению, также являясь преимущественно протестом против крепостного права и крепостных отношений. Волнения крепостных и посессионных рабочих вызывались непосильной тяжестью лежавшего на них принудительного труда, нищенским вознаграждением за этот труд, недостатком продовольствия, иногда лишением пахотной земли, покосов и выпасов, жестокостью владельцев и их администрации, неправильной сдачей посессионных рабочих в рекруты вместо своих крепостных и пр., — т. е. теми же условиями крепостного быта, что и волнения крестьян. Посессионные рабочие, как и помещичьи кре-

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», подг. к печати Е. А. Мороховец 1931, вып. I, стр. 23, 72, 87, 118.

стьяне, нередко «искали вольности», т. е. добивались обращения их в государственные крестьяне. Единственным отличием является лишь то, что в волнениях рабочих большое место занимают вопросы заработной платы, естественно отсутствующие в крестьянских волнениях.

Что касается форм движения, то и здесь мы также чаще всего встречаем отказ от работ, неповиновение прибывшим для усмирения властям, столкновения с полицией и войсками. При этом отказ от работ не носит еще характера стачки, как специфического средства борьбы с капиталом, а является таким же отказом от выполнения принудительных повинностей, как и отказ крепостных крестьян от выполнения барщины. Отказываясь от работ, рабочие, как и крестьяне, стремились подчеркнуть их непосильность или обратить внимание властей на свое тяжелое положение. Можно отметить только, что выступления рабочих характеризуются часто бóльшим упорством, бóльшей организованностью, чем выступления крестьян, что объясняется самыми условиями труда промышленных рабочих, привыкших к совместным действиям в процессе общей работы.

Приведу несколько иллюстраций. На крупной посессионной мануфактуре Осокина в Казани волнения не прекращались с конца XVIII в. Рабочие много раз подавали в высшие правительственные органы, императору Павлу, великому князю Михаилу Павловичу жалобы, в которых указывали на тяжелые условия работы, на низкую заработную плату, на жестокости и притеснения владельца и просили даровать им свободу, ссылаясь на то, что они не были куплены владельцами, а происходят из казенных крестьян. В ответ на эти жалобы правительство неоднократно требовало от них подписки в беспрекословном повиновении владельцу, но дать такую подписку рабочие упорно отказывались. В 1820 г. правительство решило применить меры строгости: 11 человек было сослано на Иркутскую суконную фабрику, многие подвергнуты «полицейским наказаниям», т. е. порке. Но рабочие не смущались; напротив, они заключили между собою тайное письменное соглашение, обещавшись ни в коем случае не уступать требованиям властей. Дело об этом тайном соглашении рассматривалось Казанской уголовной палатой, по при-

говору которой 11 человек было наказано плетьми. Но после этого рабочие трижды подавали жалобы непосредственно Николаю I — как на Осокина, так и на губернатора, причем последний раз (в 1836 г.) явились толпой к тому месту, где проезжал Николай во время своего пребывания в Казани. За это рабочие жестоко поплатились: большинство из них было наказано розгами, а наиболее активные частью были сданы в солдаты, частью сосланы в Сибирь. Но дать подписку в повиновении владельцу рабочие, за немногими исключениями, все же отказались. Полувековое упорство осокинских рабочих в отстаивании своей «свободы» в конце концов увенчалось успехом. В 1849 г. они были обращены в государственных крестьян.

Большое упорство проявили также крепостные крестьяне Ревдинского завода (на Урале), выполнявшие вспомогательные работы по поставке на завод угля. С декабря 1824 г. до февраля 1826 г. они упорно боролись за понижение нормы выработки, которую считали для себя непосильной. Когда на завод была прислана для усмирения воинская команда, рабочие собрались в церковь, где «перед престолом божиим» дали единогласно присягу «выстаивать и ни под каким видом друг другу не изменять», закрепив свое обязательство целованием «образа спасителя». Однако, подвергнутые жестокой порке, они вынуждены были сдаться. Но в 1841 г. волнения начались снова на той же почве; рабочие подали исправнику прошение на высочайшее имя, а вызванным для усмирения войскам оказали упорное сопротивление, отбиваясь кольями, камнями, кусками чугуна и пр. Только при помощи картечи они были рассеяны, причем оказалось 33 убитых и 62 раненых.

Очень любопытны попытки организации революционных обществ, возникшие в среде подневольных заводских служащих. Инициатором одной попытки был крепостной заводчика Яковлева Алексей Лоцманов, служивший в конторе Верхнеисетского завода на Урале и преподававший в заводской школе. Детство свое он провел в Москве, где учился в пансионе; просил отпустить его на волю, но получил отказ. Под влиянием прочитанных им книг, из которых он упоминал на допросе между прочим «Дух разума» Гельвеция и какую-

то «записку о якобинцах», у него явилась мысль организовать «общество для распространения идей свободы». Общества он однако не организовал, но в 1827 г. в руки начальства попал написанный им еще в 1823 г. проект послания на имя либерального вельможи Мордвинова, в котором он заявлял о своей ненависти к «династии, властвующей ныне над потомками древних славян» и о своем «усердии к новому монарху — свободе». Лоцманов был арестован и заключен в Бобруйскую крепость, где просидел 5 лет.

Весною 1836 г. на Чермозском заводе Лазаревых (тоже на Урале) возник кружок «приверженцев свободы», состоявший из нескольких заводских служащих и учеников горнозаводской школы; выработан был устав организации и составлено воззвание. «Во всех известных странах света, — говорится в этом воззвании, — не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российским государством полное право иметь своих крепостных людей... с неограниченною властью не только от самих господ, но и от равных крепостных людей... Для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и об ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и чрез то заслужим благодарность потомства». По высочайшему повелению все 9 участников «общества» были сданы в солдаты [1].

Как видим, эти инициаторы создания революционных обществ сумели уже отрешиться от тяготевшего над крестьянской массой «наивного монархизма» и стали на путь революции. Правда, это были лишь единичные исключения.

---

[1] *К. Пажитнов*, Волнения фабрично-заводских рабочих, «Архив истории труда в России», кн. I, 1921, стр. 87—88; кн. II, 1921, стр. 132—133.

Среди государственных и удельных крестьян волнения также бывали ежегодно, хотя число их было значительно меньше, чем среди крестьян помещичьих.

Государственные крестьяне, составлявшие значительную долю сельского населения (по 8-й ревизии 1836 г. их насчитывалось около 9 млн. душ мужского пола, т. е. 42% всего крестьянского населения)[1], не были в такой же мере бесправны, как крестьяне помещичьи: они сохраняли личные и имущественные права, имели известную свободу в выборе занятий, имели свой выборный суд и свое выборное управление (главной функцией которого была, правда, раскладка повинностей), могли жаловаться на управлявших ими чиновников. Но все же они были крепостными, только не отдельного помещика, а всего помещичьего государства: они были крепки земле, на которой сидели, и своему крестьянскому состоянию, из которого не могли выйти. Помимо подушной подати они платили в казну оброк, а в некоторых имениях пахали так называемую «десятинную пашню», т. е. отбывали барщину. Выборные должностные лица всецело подчинялись чиновникам казенной палаты и земской полиции; председателями крестьянских сословных судов (нижних и верхних расправ) были также назначенные сверху чиновники. К тому же казенные крестьяне находились под постоянной угрозой перемены своего положения. Раздачи в частную собственность, широко практиковавшиеся в XVIII в., правда, прекратились с 1801 г., но отдача в аренду частным лицам и массовое перечисление в удельное ведомство или в военные поселяне практиковалось вплоть до конца 30-х годов.

Земельное обеспечение государственных крестьян было крайне неравномерно: в одних общинах на душу приходилось более 20 дес., в других — менее 1/2 дес.; 63 тыс. душ в 30-х годах было совсем безземельных. Так как государственные подати и оброчные платежи раскладывались подушно, то часто платежи совершенно не соответствовали доходности хозяйств. В результате накоплялись большие недоимки: за десятилетие 1826—1836 гг. было сложено за безнадежностью недо-

[1] *Н. Огановский*, цит. соч., ч. II, стр. 237.

имок на 67 млн. руб. ассигнациями, однако в 1836 г. их все же числилось 63 млн. руб.

Низкая доходность казенных имений побуждала правительство поставить вопрос о повышении уровня экономического благосостояния крестьян как средства поднять их платежеспособность. Признано было необходимым упорядочить хозяйство крестьян, изменить систему обложения, урегулировать управление ими. В 1836 г. государственные крестьяне были изъяты из ведения министерства финансов, в котором они до этого находились, и переданы в ведение специально для этого учрежденного V отделения собственной е. в. канцелярии, во главе которого был поставлен П. Д. Киселев, один из видных участников «секретных комитетов» по крестьянскому делу, которого Николай называл своим «начальником штаба по крестьянской части». В декабре 1837 г. V отделение было преобразовано в министерство государственных имуществ, а Киселев назначен министром.

За время своего управления министерством (1838—1856 гг.) Киселев провел ряд существенных мероприятий. Было произведено наделение безземельных крестьян землями, для чего отведено около 3 млн. дес., не считая 2 с лишним млн. дес. леса. На случай неурожаев устроены были сельские хлебозапасные магазины, из которых за 18 лет было отпущено около 15 млн. четвертей хлеба в пособие. Организован был мелкий кредит: ежегодно выдавалось в среднем свыше 1½ млн. руб. ссуд. Оброчная подать за пользование землей, взимавшаяся ранее с души, переложена была на землю, в результате чего достигнуто было большее соответствие между платежами и доходностью хозяйства; упорядочено было отбывание рекрутской повинности, реформированы органы суда и управления. Наконец, значительно увеличено было количество школ: в 1838 г. было всего 60 школ с 1½ тыс. учащихся, а к 1856 г. школ было свыше 2½ тыс., а учащихся почти 111 тыс.

Финансовые результаты произведенных реформ были значительны: за 19 лет с начала управления Киселева (1838—1856) собрано было с государственных крестьян 502 млн. руб., тогда как за 19 лет, предшествовавших реформам Киселева (1819—1837), было собрано всего 391 млн. руб., т. е. доходы казенных

имений возросли на 28%. При этом недоимка, составлявшая в 1837 г. 33 млн. руб., понизилась до 17 млн. руб., т. е. уменьшилась почти вдвое [1].

Но реформы Киселева, благодетельные для казны, отнюдь не были таковыми для крестьян. С переложением оброка с души на землю размеры оброка были значительно повышены, реформированный Киселевым аппарат суда и управления обходился крестьянам значительно дороже старого. Для пополнения хлебозапасных магазинов введен был особый хлебный сбор, а в некоторых местах и общественная запашка. Наделение малоземельных крестьян землей сопровождалось принудительным переселением их из малоземельных имений в многоземельные. В результате лежавшее на крестьянах бремя платежей и повинностей значительно увеличилось.

Юридическое положение удельных крестьян, которых насчитывалось по 8-й ревизии всего 800 тыс., т. е. 4% сельского населения, было близко к положению крестьян государственных, но удельные крестьяне были крепостными не всего помещичьего государства в целом, а его верхушки — императорской фамилии, на содержание которой шли собираемые с них доходы.

Земельное обеспечение их, так же как и государственных крестьян, было очень неравномерно в разных селениях — от 1 дес. до 28 дес. на душу (по данным 1800 г.). С течением времени удельные земли постепенно расширялись за счет свободных казенных земель, а в 30-х годах был произведен в широких размерах обмен малоземельных удельных имений на многоземельные казенные.

Удельные крестьяне, как и государственные, помимо подушной подати платили оброк, который все повышался; в 30-х годах подушный оброк и у них был заменен поземельным и установлены нормы наделов. В связи с этим в многоземельных имениях получились отрезки, которые сдавались местным же крестьянам в аренду за особую плату. В результате получилось огромное повышение крестьянских платежей: в Саратовской губ., например, платежи, включая арендную плату

---

[1] С. *А. Князьков*, Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян, сб. «Великая реформа», М. 1911, т. II, стр. 214, 217, 228.

за отрезки (составлявшие 28% земли, находившейся в пользовании крестьян), увеличились на 140%, т. е. почти в 2½ раза.

Кроме того с конца 20-х годов в удельных имениях стала вводиться общественная запашка для пополнения хлебозапасных магазинов, часто значительно превышавшая потребность магазинов, так как излишки хлеба продавались и значительная часть вырученных денег поступала в пользу удельных чиновников, в виде вознаграждения за усердную службу. С 1829 по 1861 г. департамент уделов выручил от продажи хлеба с общественной запашки около 14 млн. руб. серебром, из которых удельные чиновники получили «наградных» более 6 млн.[1].

Таким образом результатом реформ по отношению к государственным и удельным крестьянам было еще большее отягощение крестьян — увеличение податного гнета, усиление эксплоатации их крепостническим государством и его верхушкой, императорской фамилией. Применявшиеся при осуществлении реформ методы — бюрократический произвол, начальственное предписание, голое принуждение — усиливали со своей стороны недовольство крестьян реформами и способствовали росту крестьянских волнений.

Особенно упорные и бурные волнения государственных крестьян приходятся как раз на 40-е годы, т. е. на годы реформ Киселева. В течение 4 лет до начала реформ (1836—1839), по данным министерства внутренних дел, было всего 8 случаев волнений, т. е. по 2 в среднем в год; за следующие 10 лет (1840—1849) было 45 случаев, т. е. по 4,5 в год, причем иногда волнения принимали грандиозные размеры, охватывали одновременно несколько уездов, сопровождались столкновениями с войсками. Наиболее значительные из них были непосредственно связаны с мероприятиями нового министерства. Крестьяне восставали против нового порядка суда и управления, обременявшего волостной бюджет, против повышения оброков в связи с переложением их с души на землю, против увеличения хлебных сборов на пополнение хлебозапасных магази-

---

[1] *В. А. Боголюбов,* Удельные крестьяне, сб. «Великая реформа», М. 1911, т. II, стр. 235, 251—252, 254.

нов, против общественной запашки, вводившейся в некоторых местах с той же целью, против принудительного введения культуры картофеля, против насильственного переселения из малоземельных местностей в многоземельные и пр.

В 1840—1843 гг. движение охватило 25 уездов 8 губерний и выливалось нередко в очень бурные формы: разгром сельских расправ и волостных правлений, захват и раздел между собой казенных денег, расхищение хлебозапасных магазинов, истребление посадок картофеля, самовольные перевыборы должностных лиц, избиение старшин и сборщиков, чиновников управления государственных имуществ и земской полиции, освобождение силой арестованных, вооруженное сопротивление посланным для усмирения воинским командам. В Тотемском и Кадниковском уездах Вологодской губ. в 1840 г. в движении принимало участие до 20 тыс. крестьян, в Челябинском уезде в 1843 г.— до 40 тыс. В 1842 г. в Пермскую и Вятскую губернии, где движением было охвачено 8 уездов, была двинута артиллерия; в Челябинский уезд в 1843 г. было отправлено 10 тыс. пехоты и конницы и 10 орудий.

Среди удельных крестьян особенно значительные волнения приходятся на 30-е годы, т. е. опять-таки на годы реформ, о которых упоминалось выше. Волнения происходили главным образом на почве введения или расширения общественной запашки и замены подушного оброка поземельным. Особенно бурные формы приняли волнения в 30-х годах в Симбирской губ. среди бывших казенных крестьян, переданных в удельное ведомство в обмен на отошедшие в казну малоземельные удельные имения.

Иногда происходили волнения казенных крестьян на почве рекрутских наборов. Так в 1839 г. в Виленской губ. подлежащие набору молодые люди скрывались в лесах, а крестьяне, собираясь толпами, оказывали вооруженное сопротивление разыскивавшим их властям. В 1849 г. такое же вооруженное сопротивление при наборе было оказано крестьянами Ковенской губ. В той же губернии волнения на этой почве повторились и в 1855 г. (во время Крымской войны), причем в некоторых уездах дело дошло также до вооруженных столкновений. В Новоалександровском

уезде, например, где от рекрутской повинности скрылось до 180 человек, крестьяне стреляли в станового пристава и убили одного из понятых. Волнения на почве рекрутских наборов представляют интерес в том отношении, что здесь крестьяне выступают уже не только против своего непосредственного начальства, но и против помещичьего государства в целом.

Бывали случаи, когда волнения вспыхивали одновременно на значительной территории, захватывая различные разряды крестьян. Летом 1839 г., в связи с многочисленными пожарами, вызванными повсеместной засухой, возникло широкое движение среди помещичьих, казенных и удельных крестьян 12 губерний, принявшее во многих местах очень бурные формы. Поводом для волнений были широко распространившиеся слухи о поджогах, производимых будто бы помещиками и чиновниками. «Распространились слухи, — писал в своем отчете царю шеф жандармов Бенкендорф, — что поджоги производят помещики для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое ее императорскому высочеству великой княгине Марии Николаевне[1]. Говорили о появлении покойного князя Константина Павловича[2], о казни дворянам и, наконец, поверили, что поджигает правительство для переселения усадьб по новому плану». «Говорили, что его высочество наместник женится на дочери турецкого султана и на радостях сожгут три губернии». «Подобные слухи и внушения, — писал Бенкендорф о движении в Симбирской губ., — ожесточили крестьян, потерявших доверие к помещикам и земским чиновникам, и были причиною буйства неимоверного. Крестьяне, убежденные в том, что поджигают, кидались на первого, кто подавал сомнение, били и арестовывали сельских писарей, приказных голов, становых приставов». В с. Шигонах Сенгилеевского уезда убили помещика Кроткова

[1] Дочь Николая I, вышедшая за герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

[2] Связь имени Константина с восстанием декабристов создала ему известную популярность, совершенно не соответствующую ни его личным свойствам, ни его политическим симпатиям, ни его деятельности; хотя Константин умер еще в 1831 г., имя его нередко встречается во время крестьянских волнений значительно позднее, вплоть до 1861 г.

и бросили его в огонь; убит был также его камердинер Воробьев. В с. Юрловке Корсунского уезда крестьяне избили приехавшего туда исправника Колюпанова и бросили его в огонь «будто бы за поджигательство, по разнесшимся между простого народа ложным мнениям и недоверию в том помещикам и полицейским управлениям». В с. Репьевке того же уезда, согласно донесению симбирского губернатора, «возмущение началось по слухам, что помещик послал приказ в контору сжечь деревню»; при первом же пожаре «бунтовщики привязали к хвосту лошади бурмистра и мучили жестоко и его сына; священник, увещевая с управителем, едва успел спастись в церковь». В с. Топорнине Сызранского уезда крестьяне «жестоко избили помещика Топорнина по подозрению в поджоге». В удельной деревне Ахметлее того же уезда крестьяне арестовали по подозрению в поджоге голову Большесайманского приказа и двух писарей и, продержавши их под караулом двое суток, отправили к становому приставу. В другой удельной деревне, Старо-Тимошкине Сызранского уезда, крестьяне не допустили к тушению пожара прибывшего туда голову Анкудиновского приказа, а бывших с ним двух сельских писарей «жестоко и бесчеловечно избили и, связав им руки и ноги, представили к становому приставу». При этом они говорили, что в случае приезда к ним кого-либо из удельных чиновников «живых из деревни не выпустят». В удельном селе Троицкий-Сунгур того же уезда крестьяне «не пустили земского исправника в селение, а переменили ему лошадей у околицы, говоря, что ему там нечего делать без удельного депутата».

То же происходило и в Тамбовской губ. «Веря общим слухам, что поджигают помещики», крестьяне во время пожара в с. Дворянитине Кирсановского уезда «присудили двух к смерти и одного заколотили палками и кольями; другой бежал. Двух дворовых людей имели намерение повесить. Старосты селений, собравшись, хотели осудить всех помещиков к виселице. В выгоревшем с. Рассказове Тамбовского уезда крестьяне делали заговор бросить в огонь всех помещиков и земских чиновников». «Кому же придет на ум, — говорили тамбовские крестьяне, — разорять нас,

кроме господ. На то они и господа, чтобы нам было худо». В Саратовской губ. также «ожесточенный народ буйствовал, видя истребление домов и имущества. В с. Балтаве два человека брошены в огонь. В с. Хованщине оказано сопротивление и насилие земской полиции». В Городищенском уезде Пензенской губ. «проезжавший во время пожара губернский землемер сочтен зажигателем, избит и оставлен на два дня привязанный к городьбе». В Керенском уезде той же губернии, «подозревая помещиков в поджогах», крестьяне «одного сковали, другого не впустили в имение»; в с. Татарской Лаке того же уезда крестьяне избили помещика Дуракова, упрекая его в том, будто он «взял 3 тыс. руб., чтобы пустить по миру все село», затем связали его и положили на раскаленные уголья, а потом выбросили на улицу. В Казанской губ. крестьяне губернского предводителя дворянства Еремеева «пришли в волнение от слухов, что он намерен выжечь свое имение, не имея права владеть им». В Костромской губ. «по случаю значительных пожаров в казенных и помещичьих лесах носились слухи, что их умышленно поджигают лесные чиновники для сокрытия производившейся с давнего времени запрещенной порубки» [1].

Объединение крестьян различных разрядов в борьбе с общим врагом — помещиками и чиновниками, широкий размах движения и бурные его формы, толки о поголовном истреблении ненавистных угнетателей — все это выделяло движение, связанное с пожарами 1839 г., из ряда «обычных» крестьянских волнений и заставило правительство обратить на него особенное внимание. В Приволжские губернии, где движение было особенно сильно, был командирован по повелению Николая I жандармский генерал Перфильев, которому предоставлено было право требовать для усмирения крестьян нужное количество войск из местных гарнизонов и поручено организовать военно-полевые суды для расправы с «главными виновниками» беспорядков.

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, стр. 32—35; *Е. Мороховец*, Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г., «Труды Института истории», вып. I, М. 1926, стр. 439—441; *И. И. Дубасов*, Очерки из истории Тамбовского края, вып. I, Тамбов 1900, стр. 226—228.

Но, облекая Перфильева чрезвычайными полномочиями, Николай, однако, выражает надежду, что он будет пользоваться ими «с должной осторожностью и самою строгою осмотрительностью», и при конфирмации приговоров военно-полевых судов постарается по возможности «избежать утверждения смертных приговоров», за исключением «только крайних и неизбежных случаев, если бы таковые могли возникнуть»[1]. Военно-полевому суду было предано несколько сот человек; все, признанные по суду виновными, были приговорены к смертной казни. Но Перфильев заменил всем осужденным смертную казнь другими видами наказания — шпицрутенами, кнутом, плетьми, розгами — с последующей ссылкой в Сибирь на поселение.

4

Настроение крестьян становилось все более неспокойным, опасность всероссийского взрыва становилась все более ощутительной, и правительственные круги давали себе в этом ясный отчет. «Простой народ, — писал царю в своем всеподданнейшем отчете за 1839 г. шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф, — ныне не тот, что был за 25 лет перед тем... Весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению, а между тем во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству... В этом отношении обращают на себя внимание солдаты, уволенные в бессрочный отпуск... Потеряв привычку к крестьянским трудам, не имея собственности, чуждые на родине, они возбуждают ненависть противу помещиков своими рассказами о Польше, остзейских губерниях[2] и вообще могут вред-

---

[1] *Е. Мороховец*, Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г., «Труды Института истории», вып. I, М. 1926, стр. 445.

[2] В Польше крепостное право было отменено в 1807 г., когда Царство Польское входило в состав герцогства Варшавского. В Прибалтийском крае освобождение крестьян (без земли, как и в Польше) было произведено законами 1816, 1817 и 1819 гг.

но действовать на умы народа». «Мнение людей здравомыслящих, — прибавляет Бенкендорф, — таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, можно бы начать действовать в этом духе. Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность государю. Они стоят вне закона, ибо помещик может без суда ссылать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (de facto) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так, например, можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жеребью или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов, а что всего важнее, разделив Россию на полосы, по качеству почвы, климату и промышленному положению края, — определить число рабочих дней на господина, по мере занимаемой крестьянином земли, и определить по той же мере оброк. Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, — заключает он, — и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительна, когда будет предпринята самим правительством, тихо, без шуму, без громких слов, и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны»[1].

Растущую опасность для существующего строя сознавали и наиболее проницательные из помещиков. «Нет такого нелепого слуха,—писал в 1855 г. видный ученый и публицист, самарский помещик К. Д. Кавелин,— нет такого неправдоподобного повода, который бы не служил для крепостных достаточным предлогом для предъявления старинных притязаний на освобождение. Зловещим предзнаменованием служит при этом то обстоятельство, что полумирные восстания крепостных постепенно принимают все более и более обширные размеры... Все это может убедить даже самого близорукого и ослепленного, что народ сильно

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, стр. 31—32.

тяготится крепостной зависимостью, и при неблагоприятных обстоятельствах из этого раздражения может вспыхнуть и разгореться пожар, которого последствия трудно представить»[1].

Кавелину вторил другой известный публицист, самарский же помещик Юрий Самарин. «При современном состоянии крепостного сословия, — писал он в 1856 г., — пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд государя в Москву (как это было в 1843 г.), всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания. Все это возможно в каждую минуту, и никакая полиция, разумеется, добросовестная, не поручилась бы за один день спокойствия... Прежняя безропотная покорность крепостных людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением... Теперь уже редко проходят безнаказанно такие злоупотребления, против которых лет 50 тому назад никто бы не стал и роптать, и очень часто распоряжения вовсе не жестокие и не противные законам, но стеснительные или придирчивые, встречают прямое сопротивление... По частным, но достоверным сведениям, в последние годы в некоторых подмосковных губерниях — Тульской, Рязанской, Тверской — крестьяне стали довольно часто подвергать своих помещиков *телесным исправительным наказаниям,* чего прежде не бывало. Едва ли это не самый верный признак падения нравственного авторитета помещичьей власти»[2].

Понятно, что при таких обстоятельствах правительство настороженно прислушивалось к многочисленным жалобам крепостных на помещиков, несмотря на то, что екатерининский закон 1767 г., запрещавший крепостным жаловаться на своих господ, не был отменен и жалобы продолжали рассматриваться как престу-

---

[1] *К. Д. Кавелин,* Записка об освобождении крестьян в России, Собр. соч., т. II, стр. 32—33.

[2] *Ю. Ф. Самарин,* О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе, Соч., т. II, М. 1878, стр. 33, 64—66.

пление. Очень большое внимание на «злоупотребления помещичьей власти» обращало III отделение. В результате производившихся им расследований губернаторы и предводители дворянства нередко получали выговоры за то, что они допускают чрезмерное отягощение крестьян повинностями в пользу помещиков. Некоторые исправники и становые подвергались за попустительство даже судебному преследованию; имения помещиков, неумеренно использовавших свои права, брались в опеку, т. е. владельцы их отстранялись от непосредственного распоряжения своими крестьянами. Замеченные в «злоупотреблении» своей властью помещики подвергались высылкам, арестам и судебным преследованиям, причем эти меры применялись даже к крупным магнатам и высоким сановникам. Так, в 1859 г. был устранен от управления своими имениями тайный советник Шереметев, а имения его были взяты в опеку. Другой тайный советник, Жадовский, был даже заключен в тюрьму (в 1855 г.); правда, помимо жестокости и «безнравственного поведения», ему еще вменялись в вину «дерзкие выражения насчет верховной власти».

Нередко, однако, взятые в опеку имения через год-другой возвращались в распоряжение своих владельцев, а судебные дела о злоупотреблениях помещичьей властью велись чрезвычайно долго и часто кончались ничем. Так дело о вопиющих безобразиях князя Кейкуатова, начатое производством в 1841 г., не было еще окончено и в 1857. Но все же эти меры правительственной власти против помещиков, «злоупотреблявших» своею властью, и покровительствовавших им органов власти на местах чрезвычайно показательны. Они свидетельствуют о том, что правительство считало нарастание крестьянского недовольства опасным для существующего строя; выступая против отдельных представителей господствующего класса, оно защищало интересы класса в целом.

Огромный размах крестьянского движения в 50-х годах заставил задуматься над крестьянским вопросом даже и те круги поместного дворянства, которые экономически не были заинтересованы в ликвидации крепостного права, так как не стремились перейти к капиталистическому хозяйству. «Призрак пугачевщи-

ны, — пишет историк русского крестьянства В. И. Семевский, — вечно стоял в глазах нашего дворянства и как грозное memento mori (напоминание о смерти. — *Е. М.*) напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков»[1]. Александр II был совершенно прав, когда, повторяя приведенные выше слова Бенкендорфа, говорил московскому дворянству в самом начале своего царствования (30 марта 1856 г.), что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно само собою начнет отменяться снизу», т. е. нужно поторопиться с реформой, чтобы предотвратить революцию. «Если бы крестьяне, — справедливо замечает Семевский, — не выражали протеста против крепостного права и пассивно и активно, то крепостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и долее 1861 года»[2].

Но не только рост крестьянского движения заставил правительство поставить на очередь вопрос об отмене крепостного права. Громадную роль в этом отношении сыграла также неудача России в Крымской войне 1853—1856 гг. Черноморский флот был потоплен во время осады Севастополя, и по Парижскому миру 1856 г. Россия была лишена права восстановить его. Значит, в течение неопределенного времени не приходилось мечтать о захвате новых турецких областей. Мало того, по одному из условий Парижского трактата пришлось уступить часть прежних приобретений на Балканах — устья Дуная.

С другой стороны, поражение России в Крымской войне выдвинуло на первую очередь вопрос о постройке железных дорог, который был тесно связан с вопросом о развитии крупной промышленности. «Армия погибла, — писал Энгельс, — от гигантских размеров страны, от продолжительных переходов до театра войны; необходимо было уничтожить колоссальные расстояния, построив сеть железных дорог, отвечающую стратегическим целям»; но «немыслимо построить и эксплоатировать широкую сеть железных до-

---

[1] *В. И. Семевский*, Крестьянский вопрос в России, СПБ 1888, т. II, стр. 571.

[2] Там же, стр. 571.

рог, не имея отечественной промышленности, производящей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д.». Но «если для России, — писал Энгельс в другом месте, — после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь в *одной* форме, т. е. в *капиталистической*, а не в какой-либо иной» [1].

Разгром России в Крымской войне наглядно показал также правящей группе техническую отсталость именно тех отраслей промышленности, которые непосредственно обслуживали армию, и заставил признать необходимость повышения техники в этих отраслях промышленности. А эти отрасли, как мы видели, основаны были преимущественно на принудительном труде, на труде крепостных или посессионных рабочих; стало быть, и с этой стороны, со стороны военных потребностей помещичьего государства, необходимо было поставить вопрос о ликвидации крепостного права.

Наконец, нужно отметить еще один момент. Крымский разгром подорвал уверенность самодержавия в своих силах, сделал его более податливым к уступкам, а с другой стороны, придал больше смелости и настойчивости буржуазно-либеральным слоям, выступившим в это время в пользу «обновления» существующего социально-политического строя.

«Какая сила, — писал Ленин, — заставила крепостников взяться за реформу».? «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока *свергнут снизу*» [2].

---

[1] *Ф. Энгельс*, О России, Харьков 1924, стр. 36—37. Переписка Ф. Энгельса с Николаем — оном, «Летописи марксизма», III(XIII), 1930, стр. 138—139.

[2] *Ленин*, «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция, Соч., т. XV, стр. 143.

Глава III

Борьба классов вокруг крестьянской реформы

1

3 января 1857 г. состоялось первое заседание нового секретного комитета по крестьянскому делу, под председательством самого императора, а 20 ноября и 5 декабря 1857 г. последовали высочайшие рескрипты на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова и петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева с предписанием приступить к организации губернских дворянских комитетов для разработки реформы на основе выработанных секретным комитетом принципов. Буржуазные историки уверяли, что с опубликованием этих рескриптов крестьянское движение сразу затихло и крестьяне стали терпеливо ожидать окончания разработки проектов, всецело доверяя царю, который-де не даст их в обиду. На самом деле крестьянское движение не только не прекратилось, но, напротив, в эти последние годы перед реформой достигло особенно значительных размеров. По данным III отделения, в 1858 г. было 86 случаев движения, в 1859 г. — 90 случаев, а в 1860 г. — 108 случаев [1]. Растет и индивидуальный террор против помещиков и их доверенных лиц: за два только года (1858—1859), по тем же данным, крестьянами было убито 27 помещиков, управляющих и старост и совершено 30 неудачных покушений.

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, стр. 123, 132, 133, 146.

Опубликование рескриптов вызвало повсюду оживленные толки о близкой воле и усилило крестьянское нетерпение. Неизвестный, назвавший себя Корибут-Дашкевичем, содержавшийся в Саратовской тюрьме, пишет в составленной им в апреле 1859 г. записке, что, переходя из края в край и скрывая свое происхождение, он имел возможность сделать множество наблюдений, дающих полное представление о настроении крестьян в это время. «После первых высочайших рескриптов, — пишет он, — все помещичьи крестьяне заговорили о свободе полной, безусловной. Они ждали, что их уволят со всею землей, и они будут жить как казенные и отбывать равные с ними повинности одной казне». Особенно возбуждали крестьян кое-где «нелепые толки, что уже свобода утверждена государем, но что местные власти скрывают это по просьбе владельцев». «12-летний выкуп усадеб крестьяне поняли так, что они заплатят владельцам выкуп по самым баснословно дешевым ценам, выведенным из ложных слухов, за дома и огороды, а полевая земля вырежется уже безданно-беспошлинно и будет навсегда их собственностью [1]. Так думает большая половина, меньшая уверена, что слова «12-летний выкуп» означают срок, в который казна сама уплатит помещикам за усадьбы, а крестьяне, получа в свое распоряжение всю, какая есть в имениях, полевую землю, будут отбывать только повинности казне, на одних правах и условиях с казенными крестьянами». «Изредка пролетает молва, что давно уже были бы крестьяне отпущены, да господа-то все упрашивают сенат и государя, чтобы отсрочить и дать время помещикам позапастись доходами, которых уже после получать не будут». «Еще одно нелепое ожидание: что со дня уничтожения крепостного права каждый крестьянин волен или остаться в своем доме жить, или переехать на вольные степи, и в обоих случаях от него зависит заплатить за усадьбу и жить или бросить ее и, не пла-

[1] По первоначальному правительственному проекту крестьяне должны были получить при освобождении только усадьбы, которые они должны были выкупить в течение 12 лет; полевая же земля целиком оставалась в собственности помещиков, которые должны были предоставить известную часть ее крестьянам лишь в пользование за повинности

тя ничего, уехать»; так они толкуют слова рескриптов, что «крестьяне должны остаться более или менее крепкими земле»[1].

Аналогичные сведения о толках среди крестьян, вызванных опубликованием рескриптов, сообщает и П. И. Якушкин, тоже много бродивший среди крестьян и внимательно вслушивавшийся в их разговоры. «Большей частью толки крестьян, — пишет он, — вращались около одного пункта: земля будет наша. Они говорили, что «землю сам бог зародил, что барин и пахать-то не умеет — что он с землей будет делать?» Это мнение, что земля будет крестьянская, еще крепче утвердилось, когда было объявлено, что дворовые люди не получают наделов землей. «Дворовые люди не получают земли, — на раз мне случалось слышать, — оттого, что дворовые люди не умеют пахать земли; да ведь и дворяне тоже пахать не умеют; зачем же им земля?»[2].

Наблюдения «Корибут-Дашкевича» и Якушкина всецело подтверждаются и другими источниками. Те же настроения и ожидания вызвало у крестьян учреждение губернского комитета, например, в Нижегородской губ. «Весть о цели учреждения дворянского комитета, быстро распространившись по губернии, сильно заняла умы крестьян, представляя освобождение их в самых широких размерах, в виде безвозмездного отвода им всех или большей части помещичьих земель и угодий, свободы от всяких обязательств к помещику, и все это в самом близком времени. В этом ожидании крестьяне начали уклоняться от исполнения повинностей к помещикам, в особенности от уплаты оброков, и простирали свое настроение в ожидаемом освобождении до того, что обвиняли дворянство в умышленном замедлении хода этого дела»[3].

«Распространившиеся вообще между крестьянами

---

[1] «Нелепые толки и надежды помещичьих крестьян», Записка неизвестного, именовавшего себя Корибут-Дашкевичем, «Русский архив» 1874, № 8, стр. 452—453, 456.

[2] *П. Якушкин*, Велик бог земли русской, Соч., СПБ 1884, стр. 2.

[3] *А. Л. Богодуров*, Обзор хода крестьянского дела в Нижегородской губ., «Нижегородский сборник», т. I. Н. Новгород 1867, стр. 8.

превратные толки о предоставлении им свободы, — писал 9 апреля 1858 г. губернатору васильский уездный предводитель дворянства Сущев, — как мне известно, чрезвычайно усилились. Действительному положению этого дела они верят очень мало, и некоторые из них твердо убеждены, что в скором времени непременно последует такое распоряжение, по которому вся господская земля перейдет к крестьянам и они будут освобождены от всякого влияния на них помещиков». 30 июля 1860 г. он же писал губернатору, что «случаи неповиновения учащаются, и это влияние (влияние предводителя дворянства. — *Е. М.*) наконец начинает ослабевать». «Причины всего этого, — добавляет он, — понятны: крепостные отношения на самом деле рушились, хотя закон этот еще существует; и вот из неопределенного отношения двух сословий происходят волнения, или иначе, проникший в народ принцип свободы вступил в борьбу с отжившим свое время крепостным правом. А с продолжением такой неопределенности кто знает, какие размеры может принять эта борьба» [1].

Повышение нервности и возбудимости крестьян отмечается и в Рязанской губ. Здесь также «ко времени реформы крестьяне стали требовательнее к помещикам; самые незначительные случаи давали повод к жалобам на жестокое обращение. С другой стороны, в ожидании перемены своего положения и, конечно, в смысле обеспечения его владением землей крестьяне оказывали неповиновение таким распоряжениям помещиков, которые последние несомненно вправе были делать, но тем не менее считались несправедливыми ввиду ожидания реформы, долженствующей упразднить это право» [2].

Это же подтверждается и официальными данными. Во всеподданнейшем отчете за 1858 г. шеф жандармов князь В. А. Долгоруков пишет, что крестьяне «при ожидании переворота в их судьбе находятся в напря-

---

[1] *В. Снежневский*, Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее, «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. III, Н. Новгород 1898, стр. 59—60, 62—63.

[2] *А. Повалишин*, Рязанские помещики и их крепостные, Рязань 1903, стр. 241.

женном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода. У них, как выражаются помещики, руки опустились, и они не хотят ни за что приниматься с усердием. Многие понимают свободу в смысле вольницы; некоторые думают, что земля столько же принадлежит им, сколько помещикам; еще же более убеждены, что им принадлежат дома и усадьбы... Крестьяне не могут понять, почему они должны будут выкупать усадьбы, которые ими обстроены и в которых жили отцы и деды их». Ожидая воли, крепостные «уклоняются от платежа оброка и других повинностей», «оказывают неповиновение старостам и самим владельцам», а в тех случаях когда «помещики в распоряжениях своих не сообразовались с настоящим духом времени», происходили более значительные волнения, «требовавшие личного действия высших губернских властей или пособия воинских команд». «Такие волнения, более или менее важные,— по словам шефа жандармов,— проявлялись в продолжение года в 25 губерниях».

Князь Долгоруков указывает также, какие именно действия помещиков, «не сообразовавшихся с настоящим духом времени», способствовали росту крестьянского движения. «Некоторые дворяне... выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами. Одни переносили крестьянские усадьбы на новые места или переменяли у них земляные участки; иные переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром; третьи отпускали крестьян на волю без земли и вопреки их желанию, сдавали их в рекруты за счет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение,— одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от лишнего числа людей и чтобы сколь возможно меньшее число их наделять землею. Засим, некоторые, но весьма немногие, помещики, не изменяя прежнего управления, своими несправедливыми и суровыми поступками выводили крестьян из терпения» [1].

Обилие крестьянских волнений на почве «предупредительных» мероприятий помещиков побудило прави-

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I, стр. 123—124.

тельство в том же 1858 г. издать ряд законов, ограничивающих в этом отношении свободу действий дворянства. Указом 2 марта 1858 г. запрещено было перечислять крестьян в дворовые, т. е. обезземеливать их. Закон 8 августа того же года обязывал суды лично опрашивать отпускаемых на волю крестьян об их желании выйти на волю. Закон 4 ноября предписывал судам удостоверяться, получат ли крестьяне, переселяемые помещиком, землю и «все необходимое» на новых местах. Указом 5 ноября запрещалось принимать помещичьих крестьян в рекруты в зачет будущих наборов.

Но эти законы не остановили помещиков, и крестьянское движение на этой почве не прекращалось. Усилились также волнения крепостных и посессионных рабочих. Среди государственных крестьян также начинают усиливаться волнения, вероятно в связи с общим возбуждением крестьянской массы в ожидании реформы. При волнениях помещичьих крестьян казенные крестьяне нередко проявляют сочувствие, а иногда даже оказывают поддержку. Появляются опять выступления, объединявшие крестьянство разных разрядов.

Яркий пример такого рода выступлений представляет движение 1859 г. против винных откупов, разорявших крестьянство. «В течение 1859 г., — писал в своем всеподданнейшем отчете шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков, — случилось у нас событие совершенно неожиданное. Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков... Возвышение новым откупом цен на вино, весьма дурное его качество и увеличение дороговизны на все вообще предметы привели крестьян к решимости отказаться от вина, если не навсегда, то по крайней мере временно. Это началось в Саратовской, и вслед затем зароки повторились в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях. Крестьяне на мирских сходках добровольно отрекались от вина, целыми обществами составляли о своих обетах письменные условия, с назначением денежных штрафов и телесных наказаний тем, которые изменят этому соглашению, и торжественно с молебствиями, присту-

нали к исполнению условий. Этим примерам последовали в скором времени жители разных местностей Самарской, Орловской, Владимирской, Московской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, а также Воронежской, Курской, Харьковской и других губерний. Содержатели откупов всемерно старались отклонить крестьян от трезвости: угрожали взысканием правительства за уменьшение питейных доходов, понижали цены на вино, даже предлагали оное в некоторых местах безвозмездно. Но крестьяне твердо хранили свои обеты и только в двух случаях отступили от своих намерений: 1) в Сердобском уезде Саратовской губ. откупщик объявил, что цена водки повышена для того, чтобы уделять по 1 рублю с ведра на их выкуп, и это удержало крестьян от составления условий о трезвости; 2) Московской губ. в Серпуховском уезде содержатель откупа заплатил за жителей с. Дракина недоимок 85 руб. и также успел от зарока их отклонить».

Правительство признало нужным обратить внимание на «самовольные поступки ревнителей трезвости, которые принуждали других к воздержанию штрафами и взысканиями», и местным властям было предписано «не допускать произвольного составления жителями каких-либо обществ и письменных условий, а также самоуправных наказаний».

Но в борьбе с винными откупами крестьяне не ограничились бойкотом, а перешли к разгромам питейных домов. В Пензенской губ. в течение трех недель (май—июнь 1859 г.), по свидетельству того же отчета, было разгромлено более 50 питейных домов, причем «местные начальники и сельские старшины были оскорбляемы, подвергались побоям и даже смертным угрозам; в селе Исе ранен офицер, а в городе Троицке толпа с кольями напала на прибывшую воинскую команду». В то же время в Московской губ. крестьяне, собравшиеся на ярмарку к Иосифову монастырю (в Волоколамском уезде), разгромили три питейных дома, а вслед затем «местные жители разбили также дома в семи селениях Волоколамского и Богородского уездов». «Слухи об этих событиях, — писал Долгоруков, — переходя из одного места в другое, произвели подобные беспорядки в Тамбовской, потом в Саратов-

ской, Самарской, Симбирской, Тверской, Оренбургской и Казанской, наконец, во Владимирской, Смоленской и Вятской губерниях... Буйства эти происходили большею частью при сборищах крестьян на ярмарки и на базары, сопровождались нанесением побоев служителям откупов, сельским старшинам и в некоторых местах чиновникам земской полиции, из которых одного крестьяне ранили, а двух покушались убить. В Самарской губ. староста села Тирша от полученных побоев умер. В гор. Вольске крестьяне избили нижних чинов, переломали их оружие и ранили городничего. В гор. Бугуруслане толпа смяла призванную команду казаков». В результате «в 12 губерниях разграблено 220 питейных заведений, предупреждено 26 покушений»[1]. В охваченные волнениями места были направлены воинские команды; в Пензенскую губ. был командирован генерал-адъютант Яфимович, в Тамбовскую — генерал-адъютант Толстой, в Самарскую — генерал-лейтенант Ладыженский с двумя сотнями казаков. «Наиболее виновные» были арестованы и преданы суду, другие подвергнуты наказанию розгами.

Крестьяне таким образом проявляли очень большую активность в период подготовки реформы, и эта активность, несомненно, оказывала влияние на ход разработки реформы и на ее содержание. Но непосредственного участия в подготовке реформы крестьяне, разумеется, не принимали, да и не могли принимать, поскольку их стремления — получить всю землю и всю волю и освободиться таким образом от всякой экономической и юридической зависимости от помещиков, и притом без всякого выкупа — резко противоречили стремлениям последних сохранить эту зависимость в большей или меньшей мере, в тех или иных формах, а за уступаемую ими часть земли и власти получить хороший выкуп.

Не говоря уже о крепостных — бесправных рабах, которые, так сказать, «естественно» не могли быть допущены к участию в подготовке реформы, к этому делу не были допущены и представители буржуазии, очень заинтересованной, как мы знаем, в ликвидации крепостничества и встретившей весть о постановке

---

[1] «Крестьянское движение 1827-1869 гг.», вып. I, стр. 134—136.

реформы на очередь с живейшим сочувствием. После опубликования упомянутых рескриптов московское купечество устраивает ряд торжественных обедов, на которых ораторы из буржуазии горячо приветствуют грядущую отмену крепостного права, открывающую широкую дорогу для развития промышленности и торговли. «Когда новый порядок, — писал крупный купец, миллионер-откупщик В. А. Кокорев,— сообщит довольство крестьянам, тогда вся торговля разовьется и примет другие размеры, значит и мы, купцы, будем иметь новую огромную выгоду». В целях ускорения и облегчения реформы Кокорев обратился даже к купечеству с предложением собрать по подписке особый фонд на предмет выкупа усадеб освобождаемых крестьян.

Московский генерал-губернатор гр. Закревский вмешался, однако, в это дело, запретил рассылку брошюр с описанием купеческих обедов и обратился к шефу жандармов с просьбой решительно прекратить вмешательство купечества не в свое дело: «Как купец и откупщик, — писал гр. Закревский о Кокореве, — он не принадлежит к сословию, которое по высочайшей воле решает теперь вопрос об уничтожении крепостного права. В настоящее время для назидания и вразумления дворян нужны основательно и зрело обдуманные проекты и сочинения, а не западные митинги, развивающие демократические идеи, и не застольные речи честолюбивого купца, который, делая себя адвокатом близкого ему по крови крепостного сословия, хочет выдвинуться вперед и стать во главе народа»[1].

Верхушка господствующего сословия, державшая в своих руках государственную власть, естественно, не хотела допускать «посторонних» к делу крестьянской реформы, затрагивавшему самые существенные интересы этого сословия. Дело это должно было целиком остаться в руках дворянства.

2

Рескриптами на имя Назимова и Игнатьева предписано было учредить первые губернские дворянские ко-

---

[1] *Барсуков Н.* Жизнь и труды Н. Н. Погодина, т. 15, С.-Петербург, 1910 г., стр. 487—489, 500—501.

митеты для подготовки проектов реформы с учетом местных условий, а к концу 1858 г. губернские комитеты были учреждены повсеместно. Губернские комитеты составлялись из выборных представителей местных дворянских обществ (по 1—2 от уезда), к которым присоединялось по два (на губернию) члена по назначению от правительства (также из среды местного дворянства), которые, как предполагалось, должны были отстаивать не узко-местные, «а общегосударственные» интересы, т. е. общеклассовые интересы помещиков. Проекты, выработанные губернскими комитетами, направлялись в Петербург, в редакционные комиссии, которые должны были, на основании этих проектов, выработать общий законопроект. Редакционные комиссии состояли из назначаемых правительством чиновников, но в их работе должны были принимать участие, по приглашению председателя, эксперты из состава губернских комитетов или вообще из числа «опытных помещиков». Всем делом подготовки реформы руководил «Главный комитет об устройстве сельского состояния», преобразованный 8 января 1858 г. из секретного комитета, учрежденного год тому назад.

В губернских комитетах, хотя и состоявших только из представителей поместного дворянства, не могло быть единодушия, так как и само поместное дворянство не представляло уже в это время единого целого. Губернские комитеты поэтому стали ареной более или менее ожесточенной борьбы между различными группами дворянства, интересы которых разнились между собой в зависимости от того, какое экономическое положение занимала та или иная группа, какой характер носило ее хозяйство.

Самыми непримиримыми крепостниками были мелкопоместные дворяне типа гоголевских «старосветских помещиков», хозяйство которых носило в большей или меньшей мере натуральный, потребительский характер, было очень слабо связано с рынком. Для этого слоя возможность перейти к капиталистическому хозяйству была почти исключена, так как и размеры земледелия его были незначительны, и та сумма, которую они могли получить за выкуп крепостных душ, была слишком мала, чтобы можно было говорить о

какой-нибудь коренной перестройке хозяйства. Мелкопоместным дворянам реформа могла причинить только разорение, и потому они были самыми последовательными ее противниками. Я лично знал одну мелкопоместную дворянку, которая до самой смерти не могла простить Александру II манифеста 19 февраля; услышав об убийстве Александра народовольцами, она истово перекрестилась и прошептала: «собаке — собачья смерть».

Мелкопоместные дворяне, владельцы менее 20 душ крепостных, составляли самую многочисленную группу: по данным 10-й ревизии (1858 г.), они составляли 39,5% поместного дворянства, но удельный вес этой группы был ничтожен: в их руках находилось всего 3% крепостных душ. Эта группа не была даже представлена в губернских комитетах и таким образом лишена была возможности защищать в них свои интересы.

Экономически не заинтересована была в реформе и стоявшая на другом полюсе группа дворянства — крупная земельная знать, которая большей частью не вела своего хозяйства, не жила даже у себя в деревне, а проживала преимущественно в Петербурге, занимая высшие государственные посты и принимая непосредственное участие в управлении государством. Эта группа также не думала о переходе к капиталистическому хозяйству, но она понимала необходимость реформы в целях сохранения в своих руках политической власти и старалась провести реформу таким образом, чтобы сущность крепостных отношений сохранилась и после реформы, хотя бы и в других формах, чтобы ей и впредь была обеспечена возможность получения денежной ренты.

Наиболее, пожалуй, яркими выразителями интересов этой «феодальной» группы были члены петербургского комитета гр. Шувалов и Платонов, решительно возражавшие против наделения «освобождаемых» крестьян землею в собственность и предлагавшие взамен этого предоставить «освобожденным» крестьянам землю лишь в «бессрочное пользование» за повинности — барщину или оброк, при сохранении вотчинной власти помещика. Близко к петербургскому проекту стоял проект члена главного комитета кн. П. П. Гага-

рина, который предлагал освободить крестьян без полевого надела, с одной лишь усадьбой, причем в руках помещика должна была остаться полицейская власть над крестьянами.

Такого рода «освобождение» привело бы неизбежно к тому, что крестьянин, привязанный усадьбой к месту, но не имеющий земли, должен был бы арендовать помещичью землю на каких угодно кабальных условиях, находясь в полной экономической зависимости от помещика; сохранившаяся же полицейская власть помещика держала бы крестьян и в юридической зависимости от него. При таких условиях помещик имел полную возможность сохранить крепостные отношения, несмотря на формальное освобождение крестьян.

Крупных феодалов было немного: всего 3,6% помещиков владели имениями свыше 500 душ, но удельный вес их был очень велик: в их руках была сосредоточена почти половина крепостных душ — 44%. К тому же в руках этой небольшой кучки находилась и политическая власть, которой она воспользовалась, конечно, в своих групповых интересах.

Среди «буржуазной» части помещиков, тоже были расхождения интересов, выразившиеся в разнообразии предложенных ими проектов. Наиболее «буржуазным» является проект тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского, принятый большинством тверского губернского комитета. Унковский предлагал освободить крестьян совершенно от помещичьей власти, с «уничтожением всяких взаимных их обязательств и отношений», с наделением крестьян землей в собственность и с выплатой помещику «капитального выкупа деньгами или облигациями». При этом «справедливость требует, — писал Унковский, — чтобы при таком освобождении крестьян помещики были вознаграждены как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобождаемых крестьян»; за землю крестьяне «конечно» должны заплатить сами, за личную же их свободу помещики должны быть вознаграждены государством [1].

---

[1] *Г. Джаншиев*, А. М. Унковский и освобождение крестьян, М. 1894, стр. 58—71.

Такой способ освобождения крестьян был наиболее выгоден средним помещикам нечерноземной промышленной полосы, стремившимся перейти к капиталистическому производству. Земля там представляла мало ценности, поэтому выгодно было заставить крестьян купить у помещиков значительное количество земли. Рабочие же руки там стоили дорого, поэтому помещику нужно было получить вознаграждение не только за потерю земли, но—главное—за потерю рабочей силы. Таким образом помещик мог получить значительный денежный капитал, который можно было вложить в какое-нибудь торговое или промышленное предприятие или сельскохозяйственное производство, развернув капиталистическое хозяйство на оставшейся земле, пользуясь тем, что под руками был емкий и все возраставший рынок на продукты сельского хозяйства, в связи с развитием промышленности в этом районе. С другой стороны, освобождение крестьян по этому проекту, наиболее «буржуазному» из всех помещичьих проектов, наиболее последовательно стремившемуся к ликвидации крепостных отношений, дало бы сильный толчок развитию промышленности, а следовательно, содействовало бы быстрому развитию сельскохозяйственного рынка.

За достаточное наделение крестьян землей в собственность за выкуп высказывался и самарский помещик Ю. Ф. Самарин, представлявший интересы помещиков слабо населенной степной полосы, давно мечтавших перейти от барщины к наемному труду. Но, в противоположность Унковскому, он горячо возражал против осуществления выкупа «немедленно и повсеместно», настаивая на установлении временного переходного периода (лет на 10—12), «пока не установится само собой равновесие между предложением и запросом на вольный труд — этот почти небывалый у нас товар». В течение этого периода помещик пользуется правом на определенное количество обязательных барщинных дней и сохраняет вотчинную власть по отношению к крестьянам. Немедленное же и полное освобождение крестьян, по мнению Самарина, лишило бы помещиков слабо населенных степных губерний рабочих рук и заставило бы их ликвидировать свое хозяйство.

Владельцы барщинных имений густонаселенных губерний черноземной полосы были однако весьма несклонны отдавать крестьянам, хотя бы и за высокий выкуп, драгоценную землю. Выразитель их интересов богатый полтавский помещик М. П. Позен высказывался за предоставление крестьянам в собственность за выкуп только усадебных земель, вся остальная земля должна сохраниться в руках помещиков. В установлении временного переходного периода черноземные помещики были менее заинтересованы, так как в густо населенных чисто земледельческих черноземных губерниях не предвиделось недостатка в рабочих руках, но все же Позен соглашался предоставить временно в пользование крестьян за повинности небольшой полевой надел с сохранением за помещиком вотчинной власти. При этом переходный период должен быть ограничен определенным сроком, по истечении которого земля возвращается помещикам; в случае же добровольного соглашения с крестьянами помещику должно быть предоставлено право прекратить обязательные отношения и до истечения установленного срока. Таким образом вся сельскохозяйственная площадь имения сохранялась в руках помещика, крестьянин же превращался в батрака, привязанного к земле полученной им усадьбой. Сохранение в руках помещика вотчинной полиции давало ему возможность прибегать в случае необходимости и к мерам внеэкономического принуждения.

Помещики «средней руки», владельцы 20—100 душ, и более крупные помещики, занимавшие место между ними и земельными магнатами (владельцы 100—500 душ), составляли больше половины всего дворянства (54%) и сосредоточивали в своих руках большую часть крепостных душ (51%), но интересы их, как мы видели, были очень разнообразны. Дворяне черноземной или нечерноземной полосы, помещики густо или слабо населенных губерний, владельцы оброчных или барщинных имений — все они выдвигали различные программы реформы, более или менее противоречивые.

Но как бы ни были различны интересы разных помещичьих групп, какого бы ожесточения ни достигала иной раз борьба между ними, все же это была борьба внутри одного и того же класса, и притом класса гос-

подствующего, стремившегося сохранить свое экономическое и политическое господство ценою больших или меньших уступок назревшим потребностям капиталистического развития. Основная линия борьбы вокруг крестьянской реформы проходила вовсе не между «крепостниками» и «либералами», как это изображала либеральная историография, а между помещиками и крестьянами. В то время как крестьяне стремились получить «всю землю» и «всю волю», т. е. освободиться окончательно от эксплоатации со стороны помещиков-крепостников и от их власти над собою, чего возможно было достигнуть лишь революционным путем, путем свержения самодержавия и экспроприации помещичьих земель, — помещики (и «крепостники» и «либералы») были одинаково заинтересованы в том, чтобы предотвратить крестьянскую революцию, чтобы уладить дело мирным путем, путем уступок и соглашений. Борьба между крепостниками и либералами шла лишь из-за меры необходимых уступок: если крепостники, не заинтересованные экономически в реформе, стремились ограничиться лишь минимумом уступок, необходимых для предотвращения революции, либералы, заинтересованные в капиталистическом развитии страны, требовали таких уступок, которые дали бы известный простор этому развитию.

Объективно борьба между крепостниками и либералами шла лишь из-за степени решительности поворота русской деревни на «прусский» путь капиталистического развития (по терминологии Ленина), тогда как крестьяне боролись за «американский» путь этого развития. «И те и другие (т. е. помещики и крестьяне. — *Е. М.*), — писал Ленин, — отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечивало бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения». «В первом

случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров. Во втором случае основной фон—перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»[1].

Победителями из борьбы между различными группами дворянства вышли в конце концов крупные магнаты-крепостники — наиболее сильная экономически группа, державшая к тому же в своих руках и политическую власть. Были сделаны более или менее значительные уступки всем другим группам (кое в чем были предусмотрены даже интересы мелкопоместных), учтены были и интересы «государственные», т. е. интересы фиска и «общественного спокойствия», важные для господствующего класса в целом, но на всей реформе 19 февраля лежит яркая печать ее сугубо крепостнического происхождения.

3

Классовая борьба вокруг крестьянской реформы развертывалась в эти годы также и на страницах периодической печати. Большинство журналов того времени представляло интересы тех или других помещичьих групп и защищало те же точки зрения, которые сталкивались между собой в губернских комитетах. Поэтому на этих журналах я не буду останавливаться. Коснусь лишь тех немногих журналов, которые подходили к решению крестьянского вопроса не с точки зрения помещиков, а с точки зрения крестьян. Такими журналами были: зарубежный «Колокол», издававшийся в Лондоне А. И. Герценом, и петербургский «Современник», во главе которого стоял Н. Г. Чернышевский.

Практическая программа «Колокола» была очень умеренна: она сводилась к двум пунктам — свобода слова и освобождение крестьян с землей. «На первый случай,— писал Герцен еще в 1856 г. в «Полярной звезде», — вся программа наша сводится на потребность

---

[1] *Ленин*, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции, Соч., т. XI, стр. 349.

гласности, и все знамена теряются в одном — в знамени *освобождения крестьян с землею*. Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю! А с становыми и квартальными мы сделаемся потом...» «Задавленные властью, — писал он в 1857 г. в «Колоколе», — неправосудием, взятками, безгласностью, неуважением к лицу, мы хотим безбоязненно говорить, чтоб обмениваться друг с другом мыслями, обличить злоупотребления, от которых само правительство краснеет и которые оно никогда не остановит без гласности. Мы хотим освобождения крестьян от помещичьей власти и всей податной России от палок; конечно, это не rêveries [1], это очень положительно и чрезвычайно немного».

Говоря об освобождении крестьян с землею, Герцен не требовал передачи крестьянам всей помещичьей земли, ограничиваясь закреплением за ними лишь той части земли, которая фактически находилась в их пользовании. Не требовал он и безвозмездного отчуждения этой земли у помещиков. Напротив, в редактируемом им «Колоколе» его друг и ближайший сотрудник Н. П. Огарев поместил ряд статей, доказывавших необходимость выкупа отчуждаемых у помещиков земель государством с последующим взысканием с крестьян выкупной суммы с процентами. Необходимость выкупа он мотивировал тем, что безвозмездное отчуждение помещичьих земель, которое он принципиально признает правильным, является неосуществимым на практике, так как вызовет решительный отпор со стороны всей помещичьей массы, за исключением «разве только нескольких отдельных личностей». Крестьяне же, по мнению Огарева, охотно пойдут на выкуп, чтобы этой ценой освободиться сразу от помещичьей власти и сохранить в своих руках землю. «Мужик не завистлив, — писал Огарев, — он спокойно предоставит эти выгоды помещику, лишь бы отделаться от него».

Как видим, практическая программа «Колокола» была близка к программе либералов; не даром «Колокол» пользовался вначале очень большой популярностью в либеральных кругах, тем более, что и тактика «Колокола» в это время также была близка к тактике

---

[1] Мечты.

либералов. Пропаганда «Колокола» была обращена не к крестьянской массе, а к «образованному обществу» и даже к самому царю, на которого Герцен, как и либералы, возлагал большие надежды. «Государь, — обращался он к Александру II в «Полярной звезде» в 1855 г., — дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... нам есть что сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам, — она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий, эти страшные следы презрения к человеку». С своей стороны Герцен обещает «принести огромную жертву»: «я готов, — пишет он, — ждать, стереться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сделаете для России». С подобными письмами Герцен неоднократно обращался к Александру II и в «Колоколе».

Опубликование рескриптов, положивших начало крестьянской реформе, Герцен приветствовал восторженной статьей. «*Ты победил, галилеянин* [1], — обращался он к Александру II, — нам легко это сказать потому, что у нас в нашей борьбе не замешано ни самолюбие ни личность. Мы боролись из-за дела; кто это сделал, тому и честь... Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударом каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог, все равно освобождение крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут».

Но при всей близости практической программы «Колокола» к программе либералов эта программа все же отличалась от последней одним существенным моментом. Для Герцена, как и для Огарева, она имела ценность не сама по себе, а лишь как «первый шаг», за которым необходимо должны последовать другие, лишь как первое звено в цепи мероприятий, направленных к осуществлению «крестьянского социализма».

---

[1] Слова, приписываемые римскому императору IV в. нашей эры Юлиану, ведшему безуспешную борьбу с христианством, обращенные им будто бы к Христу.

«Освобождение крестьян, — писал Герцен еще в 1851 г.,— сопряжено с освобождением земли; освобождение земли в свою очередь, — начало социальной революции, провозглашение сельского коммунизма».

Зародыш социализма Герцен видел в сельской общине; через общину русский народ, по его мнению, может притти непосредственно к социализму, минуя стадию капиталистического развития. В то время как на Западе борцом за социализм является пролетариат, в России эта роль принадлежит крестьянству, усвоившему благодаря общине коллективистическую психологию и выработавшему в себе коллективистические навыки. «Народ русский все вынес, но удержал общину; община спасет народ русский». «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government [1] по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем стоит вопрос о будущем России, т. е. вопрос о той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада». «Вы видите, — писал Герцен в 1851 г. французскому историку Мишле, — какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая без сомнения подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания... Говорят, что община поглощает личность и что она несовместима с ее развитием. В этом мнении есть доля правды. Всякий неразвитый коммунизм подавляет отдельное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама в себе средство отчасти восполнить этот недостаток». Таким средством является «подвижная община работников — артель», представляющая «соединение людей одного мастерства на общий прибыток общими силами».

Задача России поэтому не повторять путь Западной Европы, а развивать зародыши социализма, заложенные «в самой природе славянского племени», — общину и артель. «Артель и сельская община, раздел

---

[1] Самоуправление.

прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сил в волости, управляющиеся сами собой, — это краеугольные камни, на которых зиждется храмина нашего будущего свободно-общинного быта».

Но чтобы община могла привести к социализму, «надо освободить элементы русской общинной жизни от примесей, приданных ей татарщиной, царизмом, бюрократией и немецкой казармократией посредством режима приказов, крепостного права и т. п. Взяв эти элементы за естественный исходный пункт, надо развить, просветить их революционной идеей Запада, на пользу всеобщей науки о благополучии человечества». Эту задачу должна взять на себя интеллигенция, образованная молодежь.

Таким образом в противоположность либералам Герцен исходил не из интересов развития помещичьего хозяйства, а из интересов крестьянских масс, из идеи освобождения этих масс от эксплоатации крепостников-помещиков. Если либералы, стремившиеся к превращению крепостной вотчины в капиталистическое предприятие, были сторонниками «прусского» пути капиталистического развития русской деревни, то Герцен, стремившийся к полному освобождению крестьянской массы от гнета крепостников-помещиков, объективно был борцом за «американский» путь этого развития. В этом именно объективный смысл его «общинного» социализма, в этом революционность его позиции, заставившая его в конце концов решительно порвать с либералами и выступить сторонником крестьянской революции.

В начале 60-х годов, разочаровавшись в своих утопических надеждах на возможность решения крестьянского вопроса в интересах крестьянских масс путем реформ, осуществляемых царским правительством и в «благих намерениях» самого царя, он резко критикует реформу и разрывает со своими прежними либеральными друзьями, как Кавелин и др. Теперь он приветствует растущее крестьянское движение и призывает образованную молодежь итти «в народ». «Да, — пишет он в октябре 1861 г., — спящий «Северный колосс», «исполин, царю послушный», просыпается, и вовсе не таким послушным, как во времена Гавриила Романовича Державина. Доброго утра тебе, пора, по-

ра! богатырский был твой сон, ну и проснись богатырем. Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свежим утренним воздухом да и чихни, чтоб спугнуть всю эту стаю сов, воронов, вампиров, Путятиных, Муравьевых, Игнатьевых[1] и других нетопырей... Чихни, исполин, и от них следа не останется, кроме несмываемых пятен польской и крестьянской крови». «Прислушайтесь, — обращается он к студенчеству, — благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. *В народ! к народу!* — вот ваше место...»

Правда, и теперь еще Герцен не сразу отказался от надежд на то, что «власть царская» может стать «властью народной»; он убеждает молодежь подождать с призывом к оружию, пока власть не выскажется окончательно, и лишь тогда, когда не останется никакой надежды на мирное решение вопроса, звать народ к вооруженной борьбе. «Придет роковой день — станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, как *желанный день*. Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в мономаховой шапке, или во фригийской[2], — все равно»[3].

«Герцен видел «социализм», — писал Ленин — в освобождении крестьян с *землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве, — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет ни грана социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 1848 г.» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в

---

[1] Царские сановники.

[2] «Фригийский колпак» якобинцев во время Великой французской буржуазной революции.

[3] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. VI, стр. 449; т. VIII, стр. 45, 49, 197—198; т. IX, стр. 257, 260, т. XI, стр. 258, 260; т. XV, стр. 374—376.

1861 г. и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения». «Но Герцен принадлежал к помещичьей барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения... Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом демократ все же брал в нем верх... Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России, в 40-х годах. Когда он увидал его в *60*-х годах, он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции»[1].

Чернышевский был гораздо более последовательным революционером-демократом, чем Герцен, хотя и сходился с ним в некоторых своих взглядах. Крестьянскую реформу он тоже рассматривал как предварительное условие развития в России социализма. Сельскую общину он не считал проявлением национального славянского духа, как это представлялось Герцену, а видел в ней признак отсталости нашего общественного развития, благодаря которой у нас сохранились еще общинные порядки, существовавшие в свое время и у народов Запада, но исчезнувшие под влиянием развития капитализма. Но как и Герцен, Чернышевский думал, что наличие общины может дать России возможность непосредственно перейти к социалистическому строю, минуя стадию капитализма, и избежать тех бедствий, которые несет капитализм народным массам

---

[1] *Ленин*, Памяти Герцена, Соч., т. XV, стр. 466—468.

«Экономическое движение в Западной Европе породило страдания пролетариата. Мы нимало не сомневаемся в том, что эти страдания будут исцелены, что эта болезнь «не к смерти, а к здоровью», но переносить свои страдания для Западной Европы все-таки тяжело, и врачевание этих страданий требует долгого времени и великих усилий. У нас, принимающих ныне участие в экономическом движении Европы, сохранилось противоядие от болезни, соединенной с этим движением на Западе, и мы поступили бы очень нерасчетливо, если бы по нелюбви к патриархальности вздумали отступиться от него в такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригодным для предохранения нас от страданий, видимых нами на Западе».

Сохранение общины, по мнению Чернышевского, облегчит для России переход к коллективному хозяйству на земле, с применением крупных машин и других усовершенствований передовой техники земледелия, тогда как западноевропейскому крестьянству придется пройти долгий и трудный путь перевоспитания, чтобы отрешиться от своих собственнических инстинктов. «Введение лучшего порядка дел, — писал он в одной из статей 1857 г., — чрезвычайно затруднено в Западной Европе безграничным расширением юридических прав отдельной личности. Для введения союзного производства в этих землях надобно в целом народе, огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтоб оно взяло верх над обычаями и привычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен, — надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы». Но «то, что представляется утопиею в одной стране, существует в другой, как факт... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта».

Чернышевский видел, что процесс капиталистического развития захватил уже и Россию, но тем более считал необходимым дорожить общиной, как средством избавления от бедствий капитализма. «Того не-

льзя скрывать от себя, — писал он в той же статье, — что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влияниям тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в среду полного действия закона конкуренции. В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедноты и бездомности. Но при новой эпохе усиленного производства, в которую вступает Россия, многие из прежних экономических отношений, конечно, изменятся сообразно потребностям времени... Но каковы бы ни были эти преобразования, да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием, — да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями, — на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком».

Но для того чтобы община могла оправдать возлагаемые на нее надежды, Чернышевский считал необходимым наличие ряда условий. «Как ни важен представляется мне, — писал он, — вопрос о сохранении общинного владения, но он все-таки составляет одну сторону дела, которому принадлежит. Как высшая гарантия благосостояния людей, до которых он относится, этот принцип получает смысл только тогда, когда уже даны другие низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора». Этими гарантиями он считал, во-первых, «принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении», т. е. передачу земли крестьянам; во-вторых, писал он, «рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения», т. е. когда крестьяне

получат землю без выкупа или по крайней мере за небольшой выкуп[1].

В своих статьях 50-х годов по крестьянскому вопросу Чернышевский подробно развивал свою программу крестьянской реформы, надеясь одно время на осуществление этой программы мирным путем, и даже восторженно приветствовал, совсем в герценовских тонах, появление рескриптов Александра II, положивших начало реформе, о чем после вспоминал со стыдом. «Благословение, — писал он, — обещанное миротворцам и кротким, увенчает Александра II счастием, каким не был увенчан еще никто из государей Европы, — счастием одному начать и совершить освобождение своих подданных».

Но очень скоро, уже в том же, 1858 г., он понял всю неосновательность каких бы то ни было надежд на Александра II. Тем не менее он пытался в легальной печати повлиять в интересах крестьянских масс на подготовлявшуюся реформу, доказывая необходимость и целесообразность отмены крепостного права без урезывания крестьянских наделов и со сведением размеров выкупа к минимуму. Вскоре он, однако, убедился, что в виде реформы готовится наглый обман и бесстыдное ограбление крестьянства. Тогда он пришел к выводу, что разрешение вопроса о земле в интересах крестьянства возможно лишь в результате свержения царского самодержавия победоносным народным восстанием. В своей прокламации «Барским крестьянам» (1861 г.) он разъяснял крестьянам необходимость для них политической свободы: «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было». Прокламация прямо призывает крестьян к восстанию, к вооруженной борьбе за политическую свободу, советуя лишь не торопиться, не выступать разрозненно, а собирать силы и ждать сигналы от руководящего центра[2].

---

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Полн. собр. соч., т. III, стр. 183, 186, 303; т. IV, стр. 306, 322, 329, 331.

[2] *Н. Г. Чернышевский*, Избр. соч., т. I, М. — Л. 1928, стр. 149—152.

Те же мысли содержатся и в принадлежащем по всей вероятности его перу «Письме из провинции» за подписью «Русский человек», напечатанном в «Колоколе» еще в феврале 1860 г.[1]. «К концу царствования Николая, — пишет автор письма, — все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти человеческие права для народа, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается... С начала царствования Александра II немного распустился ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чаду, как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землею. Все говорили об умеренности, об обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою». «Нет, — обращается он к Герцену, — не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора не поможет!.. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат. К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь, вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать»[2].

Требуя перехода земли без выкупа к крестьянам, обусловливая этот переход свержением самодержавия и призывая крестьян к вооруженной борьбе за землю и волю, Чернышевский выступал в качестве идеолога крестьянской революции, которая должна была направить русскую деревню на «американский» путь капиталистического развития. «Чернышевский, — писал Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о

---

[1] Некоторые исследователи считают автором этого письма ближайшего сотрудника Чернышевского по «Современнику» Н. А. Добролюбова.

[2] *А. И. Герцен*, Полн. собр. соч., и писем, т. X, стр. 226—229.

переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[1]. И если Герцен, вышедший из дворянской среды, нередко колебался между демократизмом и либерализмом, как мы видели выше, то разночинец Чернышевский был чужд этих колебаний. «Чернышевский, — писал Ленин, — развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»[2].

---

[1] *Ленин*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. XV, стр. 144.

[2] *Ленин*, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. XVII, стр. 342.

Глава IV

Положения 19 февраля

1

4 марта 1859 г. открылась деятельность редакционных комиссий, задачей которых было выработать проект положений о крестьянах на основе проектов, представленных губернскими комитетами[1]. Редакционные комиссии как учреждение государственное старались руководствоваться в своей работе преимущественно мотивами «государственного» порядка, т. е. интересами помещичьего класса в целом. Но члены редакционных комиссий — как чиновники, так и приглашенные правительством «опытные помещики» — были все же помещиками, представлявшими интересы различных помещичьих групп; поэтому внутри редакционных комиссий продолжалась та же борьба, которая шла раньше в губернских комитетах.

По основным вопросам реформы первоначально одержала верх все же «государственная» точка зрения. С этой точки зрения были решительно отвергнуты проекты безземельного освобождения крестьян, хотя сторонники освобождения без земли были и среди членов комиссий. Крестьяне должны были получить земельный надел, который должен был служить обес-

[1] Учреждены были две редакционные комиссии: одна — для выработки общих «положений» для всех губерний, другая — для выработки местных «положений» для отдельных местностей, причем разрешалось по усмотрению председателя устраивать соединенные заседания обеих комиссий. Председатель комиссий Я. И. Ростовцев фактически слил обе комиссии в одну, но название (во множественном числе) сохранилось.

печением исправного отбывания ими государственных повинностей./Наделение крестьян землей преследовало еще и политическую цель: оно должно было предотвратить образование «класса свободных, но бездомных и безземельных работников», т. е. пролетариата, наличие которого могло бы грозить опасностью для «государственного спокойствия». Теми же политическими соображениями подсказывалось и сочувственное отношение комиссий к вопросу о выкупе крестьянского надела в собственность, правда, при непременном условии согласия на выкуп со стороны помещиков; предполагалось, что образование многочисленного класса мелких земельных собственников расширит опорную базу самодержавия и упрочит существующий политический строй. «Увольнение с землею, — писал еще в 1857 г. гр. Киселев вел. князю Константину Николаевичу, — в моем понятии есть условие необходимое не только в экономическом, но и в политическом отношении. Во Франции собственники земли, коих считается 7 миллионов, составляют класс людей покойных и преданных правительству, как защитнику их собственности»[1].

«Государственными» соображениями руководствовались редакционные комиссии и при решении другого важного вопроса — вопроса о размерах наделов и крестьянских повинностей за пользование ими. Соглашаясь с тем, что о «достаточном» наделении крестьян землей не может быть речи, так как от этого очень пострадали бы интересы помещиков, редакционные комиссии все же приняли значительно более высокие нормы, чем это предполагалось многими губернскими комитетами. Размеры повинностей были установлены, наоборот, меньшие, чем предполагали губернские комитеты, хотя и редакционные комиссии соглашались, что за основу при исчислении размера повинностей нужно принимать не ценность надела, а существующие повинности, которые якобы «вполне соответствуют» средствам крестьян. Позиция редакционных комиссий в этом вопросе основывалась на том, что крестьяне, чрезмерно обделенные землею и непосильно обложенные повинностями в пользу помещи-

---

[1] *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч., т. II, стр. 334—335.

ков, будут плохими плательщиками государственных налогов.

Те же «государственные» соображения руководили редакционными комиссиями и в решении третьего важного вопроса — об административном устройстве крестьян. Большинство губернских комитетов высказывалось за сохранение вотчинной власти помещиков над «освобожденными» крестьянами. Редакционные же комиссии высказались против сохранения вотчинной власти, решив создать особое крестьянское управление, подчиненное общим административно-полицейским органам. Высказываясь за «замену прежней полицейской безотчетной власти и безотчетного суда помещика правильным полицейским и судебно-полицейским устройством крестьян», комиссии мотивировали свое решение тем, что «кроме непосредственного влияния на будущее благосостояние освобождаемых крестьян, вопрос о лучшем в этом отношении устройстве их имеет первостепенную важность и в видах сохранения общего порядка и спокойствия».

В августе 1859 г. первоначальный проект «Положений» о крестьянах был уже составлен, но затем он еще в недрах редакционных комиссий подвергся изменениям в связи с замечаниями депутатов от губернских комитетов, вызванных в Петербург (в два приема) для участия в рассмотрении выработанного комиссиями проекта. Нормы земельных наделов для многих уездов были понижены, во многих губерниях был повышен крестьянский оброк, причем было установлено, что размер крестьянских повинностей может быть пересмотрен через 20 лет (разумеется, в сторону повышения).

10 октября 1860 г. редакционные комиссии закончили свою работу, и проект поступил в Главный комитет по крестьянскому делу. В результате горячих прений в проект внесены были еще некоторые изменения в интересах крепостников: нормы крестьянских наделов для многих местностей были еще более понижены.

В Государственном совете, куда проект поступил из Главного комитета для окончательного обсуждения, в него было внесено, по предложению кн. П. П. Гагарина, еще одно изменение в интересах крепостников: в тех

случаях, когда крестьяне соглашались получить четверть нормального надела, он предоставлялся им в собственность бесплатно. Приманкой «даровщины» крестьяне побуждались брать ничтожные наделы, заслужившие впоследствии название «нищенских», «сиротских» или «кошачьих».

19 февраля 1861 г. одобренный Государственным советом проект был утвержден Александром II, т. е. получил силу закона.

2

«Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», касались двух сторон крестьянского быта: личной зависимости крестьян от помещиков и поземельных отношений. Я начну с поземельных отношений, так как степень личной зависимости крестьян от помещика определялась в известной мере тем, как складывались поземельные отношения между помещиком и крестьянами. При этом мне придется остановиться на трех моментах: 1) на поземельном устройстве крестьян, 2) на крестьянских повинностях и 3) на так называемой выкупной операции.

Что касается поземельного устройства крестьян, то здесь нужно остановиться прежде всего на обязательном наделении крестьян землей, которое либеральные историки усиленно подчеркивали, видя в нем особенно благотворную для крестьян сторону реформы. Благотворность эта, однако, весьма сомнительна: правда, помещик был обязан предоставить крестьянам надел, но и крестьяне были обязаны этот надел получить. В тех случаях, когда крестьяне, недовольные теми тягостными условиями, на которых этот надел давался, пытались от него отказаться, их заставляли насильно взять его, иной раз даже с применением военной силы. Принудительное навязывание крестьянам надела объясняется, как мы видели, тем, что надел рассматривался, как обеспечение уплаты крестьянами государственных повинностей и повинностей по отношению к помещику. В законе так прямо и сказано, что надел предоставляется крестьянам «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком». С другой стороны, предполагалось, что наделение крестьян землей преду-

предит образование пролетариата, который мог бы, в силу своей беспокойной природы, нарушить существующий общественный порядок.

Лишь по истечении 9 лет крестьяне имели право отказаться от надела, а следовательно, и освободиться от связанных с ним повинностей. Но осуществление этого права было обставлено такими условиями, что воспользоваться им крестьяне могли лишь в редких случаях, не говоря уже о том, что отказаться от земли, за пользование которой крестьяне платили высокие повинности в течение 9 лет, психологически было трудно.

Что касается размеров надела, то этот вопрос предоставлялся добровольному соглашению между помещиком и крестьянами, но этому добровольному соглашению ставились все же некоторые рамки: крестьяне не могли требовать надела выше определенной нормы, но, с другой стороны, и помещик не имел права урезать надел ниже установленного законом предела. Меньше этого минимального надела крестьяне могли получить только в том случае, если до реформы фактический надел был ниже этой нормы.

Поземельное устройство крестьян определялось так называемыми «местными положениями». Кроме «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», был издан ряд «местных положений», которые были построены на одинаковых принципах, но разнообразились между собой в деталях, в зависимости от местных условий. Для примера я возьму местное положение, относящееся к губерниям «великороссийским», «новороссийским» и белорусским.

По этому положению вся территория, которой оно касалось, была разделена на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную. Для черноземной и нечерноземной полос было установлено две нормы — высшая и низшая, причем низшая норма была в 3 раза ниже высшей. Для степной полосы устанавливалась только одна «указная» норма, но, как мы увидим, эта норма могла быть также уменьшаема до трети, как и в двух остальных полосах. Эти нормы были различны по губерниям и уездам. В нечерноземной полосе высшая норма составляла по разным губерниям от 3 до 7 десятин на ревизскую душу (т. е. на душу мужского

пола, зарегистрированную по 10-й ревизии 1858 г.), низшая — от 1 дес. до 2 дес. 800 саж. В черноземной полосе эта норма была ниже: высшая—от 2 дес. 1 800 саж. до 6 дес., а низшая — от 2 200 кв. саж. до 2 дес. В степной полосе «указная» норма составляла в разных местах от 3 до 12 дес. Таким образом, норма крестьянского надела колебалась по разным местностям от 12 дес. до 2 200 саж. (т. е. несколько менее десятины).

В пределах этих норм «Положение» предоставляло помещику право, не спрашивая согласия крестьян, производить «отрезки» в свою пользу от старых крестьянских наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы. Если старый крестьянский надел превышал высшую норму, установленную «Положением» для данной местности, этот излишек помещик мог отрезать себе; это уменьшение надела могло быть проведено и дальше, если бы оказалось, что за наделом крестьян в распоряжении помещика остается меньше трети всех удобных земель, находившихся в его владении. В степной же полосе помещик мог произвести урезку крестьянского надела и в том случае, если на его долю оставалось меньше половины всей удобной площади. Кроме того, по добровольному соглашению с крестьянами, крестьянские наделы могли быть урезаны еще больше — до половины высшего или указного надела, а если земля выкупалась крестьянами в собственность, то даже до трети этой нормы. Мало того, если между помещиком и крестьянами достигалось соглашение о бесплатном отводе надела, то надел мог быть уменьшен до четверти высшей, или указной нормы. Этот «дарственный», или «нищенский», надел, как его называли (введенный по предложению кн. П. П. Гагарина), получил особенно большое распространение в губерниях Нижнего Поволжья, где земля была дешева и крестьяне легко поддавались увещаниям помещиков принять дарственный надел в расчете на то, что они смогут по дешевой цене арендовать у помещика необходимую им землю.

«Положения», таким образом, предоставляли помещикам очень широкие возможности в урезывании тех наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы. Этими возможностями помещики и воспользова-

лись в больших размерах, особенно в черноземных губерниях, где земля имела большую ценность.

Лес, как общее правило, в крестьянский надел не включался. Помещик обязан был предоставить крестьянам лесную площадь лишь в обильных лесом северных, северо-западных и северо-восточных губерниях, да и то только в тех случаях, когда лесные участки находились в пользовании крестьян до реформы и когда они были расположены далеко от значительных городов, сплавных рек и железных дорог, т. е. когда лес не представлял рыночной ценности. Далее, помещик обязан был предоставить крестьянам прогон для скота к водопою, но выбор места для прогона предоставлялся усмотрению помещика, который имел возможность в данном случае руководствоваться исключительно своими интересами.

Закон не обязывал также помещика урегулировать чересполосицу крестьянских и помещичьих земель, обычно существовавшую в крепостное время. Разверстание крестьянских и помещичьих земель предоставлялось всецело усмотрению помещика: если он потребует этого разверстания, то оно производится независимо от согласия крестьян; если же крестьяне этого пожелают, а помещик не согласится, то чересполосица сохраняется попрежнему. Это давало помещику возможность использовать чересполосицу для усиления эксплоатации крестьян. Далее, помещику предоставлялось право переносить крестьянские усадьбы на другое место, если это вызывалось его хозяйственными соображениями. Наконец, помещик имел право в любой момент, до тех пор пока крестьяне не перешли на выкуп, требовать обмена крестьянского надела на ту землю, которую он оставил за собой, если на отведенной крестьянам земле оказывались какие-нибудь полезные ископаемые или если крестьянская земля оказывалась нужной помещику для устройства дренажа, для проведения дороги или прогона, для устройства пристани или перевоза на реке и т. п.

Таким образом крестьянские наделы и после реформы сохранили свою неустойчивость: помещик мог в любой момент отобрать у крестьян полученную ими землю и дать им взамен другую, если это оказывалось для него выгодным. Как видим, «Положения

19 февраля» предоставляли помещику чрезвычайно широкие возможности распределить свою и крестьянскую землю наиболее выгодным для себя образом.

3

Переходя к вопросу о крестьянских повинностях, нужно прежде всего сказать, что помещик обязан был предоставить крестьянам земельный надел не в собственность, а лишь в «постоянное пользование» (мы видели только что, в какой мере это пользование можно действительно назвать «постоянным»). Отходящая к крестьянам земля продолжала оставаться юридически помещичьей собственностью, за пользование которой крестьяне должны были нести известные повинности до тех пор, пока они не перейдут на выкуп, т. е. пока между ними и помещиком не будет заключена выкупная сделка. До этого времени крестьяне считаются «временно обязанными», пользующимися помещичьей землей за повинности. Размер и форма повинностей также предоставлялись добровольному соглашению между помещиком и крестьянами; если же добровольное соглашение не состоится, то вступают в силу соответствующие статьи «местных положений».

«Положения» устанавливали два вида повинностей — оброк и барщину, т. е. те же виды повинностей, которые существовали до реформы. Размеры оброка по «великороссийскому» «положению», которым я пользуюсь для примера, колебались от 8 до 12 руб. за душевой надел в зависимости от местности. В основу исчисления оброка были положены фактические размеры оброка, существовавшие накануне реформы; если припомнить, что крестьянский оброк платился не только из доходов от земледельческого хозяйства крестьян, но и из разных неземледельческих доходов, то станет ясно, что, уплачивая оброк, крестьянин платил не только за пользование помещичьей землей, но и за пользование собственной рабочей силой; оброк таким образом носил попрежнему характер феодальной повинности. Естественно, что никакого соответствия между оброком и доходностью крестьянского надела не было: самый высокий оброк

(10 руб.) платили крестьяне имений, расположенных под Петербургом, где, как известно, земля весьма невысокого качества, затем шли Петербургская, Московская и Ярославская губ. и промышленные уезды Владимирской (10 руб.), тогда как, например, крестьяне черноземных Курской и Воронежской губ. платили всего 9 руб.

Нужно еще сказать, что помещики имели право ходатайствовать о повышении оброка сверх установленных норм в тех случаях, когда отходящая от крестьян земля имеет какие-нибудь особые выгоды по своему положению (близость к городу, к торговой пристани, наличие торговых центров и пр.) или если в данной местности распространены какие-нибудь особенно выгодные промыслы. Правда, крестьянам тоже разрешалось ходатайствовать в известных случаях о понижении оброка ниже нормы, но ходатайства помещиков и крестьян были, разумеется, не равносильны.

Наконец, нужно коснуться еще одной стороны оброка: непропорциональности количеству полученной крестьянами земли в одной и той же местности — так называемой «градации» оброка. Градация состояла в том, что первая десятина полученного крестьянами надела ценилась дороже следующих десятин, так что, если крестьяне получали неполный надел, то каждая десятина обходилась им дороже, чем при получении полного надела, т. е. чем меньше земли получал крестьянин, тем дороже она ему стоила.

Приведу конкретный пример. В Холмском уезде Псковской губ. полный душевой надел (высшая норма) равнялся 6 дес.; за этот надел крестьяне должны были платить оброку 8 руб. Но при этом на первую десятину надела падала половина оброка, т. е. 4 рубля, на вторую — четверть оброка, т. е. 2 руб., остальные же 2 руб. распределялись поровну на остальные 4 десятины, т. е. по 50 коп. на десятину. Если крестьяне получали неполный надел, т. е. не по 6 дес. на душу, а, например, по 4 дес., то оброку они должны были платить вместо 8 руб. с души 7 руб., т. е. каждая десятина обходилась им по 1 р. 75 к. вместо 1 р. 33 к., которые они платили бы, если бы получили полный надел; если же они получали только 2 дес.,

т. е. треть полного надела, то платить им приходилось 6 руб., т. е. десятина обходилась уже в 3 руб.

Такая резкая градация устанавливалась для нечерноземной полосы; в полосах черноземной и степной она была несколько меньше. Например, в Красноуфимском уезде Пермской губ. за нормальный надел (тоже 6 дес.) оброку полагалось 9 руб., т. е. по 1 р. 50 к. за десятину; при этом на первую десятину падало 4 руб., остальные 5 руб. раскладывались поровну на остальные 5 дес., т. е. по 1 руб. на десятину. Таким образом, получая две трети надела, крестьяне платили 7 руб., т. е. по 1 р. 75 к. за десятину; получая треть надела — 5 руб., т. е. по 2 р. 50 к. за десятину.

Что касается губерний «малороссийских», юго-западных и северо-западных, т. е. Украины, Литвы и частью Белоруссии, то там градация отсутствовала совершенно.

Какой смысл введения градации? Почему она была введена не везде и в разных районах была различна? Как видно из приведенных выше примеров, градация давала помещикам возможность еще более увеличивать несоответствие между размером оброка и доходностью земли, о котором я упоминал, т. е. еще более повышать плату за приобретенное крестьянами право располагать своей рабочей силой. А так как рабочая сила особенно дорого ценилась именно в нечерноземной полосе, то в градации были заинтересованы именно нечерноземные помещики. В этой полосе градация служила, кроме того, побуждением для крестьян брать побольше ненужной помещику земли. За неполный надел крестьянам приходилось платить, как мы видели, немного меньше, чем за полный, — прямой расчет взять полный надел. Помещику же выгодно было сбыть крестьянам побольше земли, хотя бы и за небольшую плату, так как это в общей сложности значительно повышало размер получаемой помещиком денежной суммы, чего особенно добивались нечерноземные помещики. Недаром изобретение градации принадлежит дворянам нечерноземной полосы — именно, тверскому губернскому комитету.

В черноземных губерниях, где помещики дорожили землей, градация была меньше, чтобы крестьяне легче могли примириться с урезкой земли, так как в

этом случае им приходилось значительно меньше платить. Менее всего были заинтересованы в повышении платы за освобождаемые рабочие руки помещики Украины и Западного края, где рабочие руки были очень дешевы, так как там было много безземельных крестьян, но где была особенно дорога земля. Отсутствие градации облегчало здесь помещикам борьбу за землю: полный надел оказывался нередко непосильным для крестьян, и это в еще большей степени, чем в черноземных губерниях, заставляло их примириться с урезкой надела.

Я упоминал о том, что повинности крестьян состояли не только в оброке, но и в барщине; в барщинных имениях барщина могла сохраниться и после реформы — опять же по добровольному соглашению между помещиком и крестьянами. Добровольным соглашением определялись также и размер и порядок отбывания барщины; если же по этим вопросам соглашения не удавалось достигнуть, то барщина отбывалась на основании «положений». Согласно «великороссийскому» «положению», за каждый душевой надел крестьяне должны были отрабатывать в год 40 дней мужских и 30 женских, причем и мужчины и женщины должны были являться на работу с своим инвентарем — совсем как до реформы. Барщинной повинности подлежали мужчины от 18 до 55 лет, а женщины от 17 до 50 лет, т. е. тоже приблизительно так, как это практиковалось обычно до 19 февраля. Относительно барщины также введена была градация, как и относительно оброка. В том же Холмском уезде за две трети полного надела (4 дес.) приходилось отрабатывать 34 мужских дня вместо 40, т. е. лишь немногим меньше, а за треть надела (2 дес.) — 20 мужских дней, т. е. половину.

Интересно остановиться на распределении барщинных дней по временам года и дням недели. Большую часть барщинных дней (3/5) крестьяне должны были отрабатывать в летнее полугодие, которое крестьянину было особенно дорого для своей работы. Порядок распределения барщинных работ по дням недели зависел исключительно от помещика: последний мог потребовать крестьян на работу в любой день, за исключением праздников, с тем лишь, чтобы общее число

дней в неделю не превышало определенной нормы. Если крестьянин не может работать по болезни, то за него должны отработать другие крестьяне или он сам должен отработать по выздоровлении; если он болеет более 6 месяцев, то может быть лишен земельного надела.

Устанавливались и нормы выработки: губернские присутствия должны были выработать урочные положения, в которых точно указывалось, какие работы должны быть выполнены барщинным крестьянином в течение дня. Для тех работ, которые нельзя было перевести на урочное положение, установлена была продолжительность рабочего дня — 12 часов в летние месяцы и 9 часов в зимние. При этом время на передвижение крестьян к месту работы, если расстояние не превышало 6 верст, в рабочие часы не включалось, при расстоянии же свыше 6 верст время на передвижение засчитывалось в рабочее время, но помещик имел право удерживать крестьян на месте работы в течение нескольких дней, пока они не кончат работу.

Крестьянам-барщинникам разрешалось переходить на оброк, если они этого пожелают, даже без согласия помещика, но, во-первых, не ранее как через 2 года после издания «положений» и, во-вторых, при условии отсутствия казенной и помещичьей недоимки. Кроме того о желании перейти на оброк крестьяне должны были заявить за год вперед. У помещика оставалась, таким образом, возможность оттянуть переход с барщины на оброк, если ему это было выгодно.

Сверх оброка или барщины крестьяне должны были оказывать помещику «немедленную помощь» для ограждения его от всяких насильственных действий, а также в случае пожара, наводнения, появления саранчи и пр.

Нужно еще сказать, что взыскание оброков и барщинных повинностей с крестьян-недоимщиков приравнивалось к взысканию казенных сборов и производилось преимущественно перед всеми другими обязательствами, лежавшими на крестьянах; для погашения недоимки могло быть продано имущество крестьянина, сам он мог быть отдан принудительно в заработки,

наконец, у него мог быть отобран полевой надел и даже усадьба.

Как видим, повинности временно обязанных крестьян ничем по существу не отличаются от повинностей крепостных. Это та же денежная или отработочная рента, только более или менее регулируемая законом. Помещик не мог уже теперь назначать крестьянам оброки и барщинные работы по своему произволу, а должен был руководствоваться «добровольным соглашением» или «положениями 19 февраля». Кроме того были отменены мелкие поборы — птицей, маслом, яйцами, ягодами, грибами, холстом, шерстью и пр. Эти сборы имели ничтожное хозяйственное значение для помещиков, а между тем очень раздражали крестьян, так как в них особенно наглядно выражался феодальный характер зависимости крестьян от помещиков. С этого рода поборами помещики расстались поэтому легко [1].

4

Перейдем теперь к третьему вопросу — к вопросу о выкупе. Крестьяне находились на положении «временно обязанных» до тех пор, пока не состоится выкупная сделка между крестьянами и помещиком отно-

---

[1] Нужно сказать, что жизнь скоро внесла поправки в эту часть «положений 19 февраля». Прежде всего очень быстро изжила себя барщина; ведь барщина могла быть выгодна помещику лишь при том условии, что размеры барщины и порядок ее отбывания помещик мог устанавливать по своему произволу. Поскольку произвол помещика в этом отношении был ограничен «положениями 19 февраля», постольку барщина становилась для него невыгодной и помещики сами от нее отказывались, переводя своих крестьян с барщины на оброк. Но и получение оброков с временно обязанных крестьян, при ограничении власти помещика, было связано с целым рядом затруднений: накапливались недоимки по оброку, взыскивать их было хлопотно и долго. Поэтому помещики предпочитали сразу развязаться с крестьянскими повинностями и переводили крестьян на выкуп. Через 20 лет после реформы (к 1881 г.) сохранилось всего 15% временно обязанных крестьян, а согласно указу 28 декабря 1881 г. и этих крестьян помещики должны были перевести на выкуп к 1 января 1883 г. Таким образом, с 1883 г. временно обязанных отношений в Европейской России больше не существовало. Только с этого времени и можно считать крепостное право окончательно ликвидированным (по крайней мере по отношению к Европейской России).

сительно выделенной крестьянам земли. С момента заключения этой сделки крестьяне перестают быть временно обязанными и превращаются в «крестьян-собственников».

Специальное «Положение» о выкупе различало право выкупа усадьбы от права выкупа полевого надела. Усадьбу крестьянин мог выкупить в любое время, когда захочет, при условии, однако, отсутствия недоимки на его наделе. При этом он должен сговориться с помещиком относительно размеров выкупной суммы (или определить эту сумму на основании «Положения») и внести эту сумму целиком вперед. Что касается полевого надела, то здесь дело обстояло иначе. Выкупить полевой надел крестьянин мог только с согласия помещика; но если крестьяне не хотели почему-либо переходить на выкуп, а помещику это было нужно, то помещик мог принудить крестьян заключить выкупную сделку. Вопрос о выкупе полевого надела предоставлялся, таким образом, всецело усмотрению помещика.

Размеры выкупной суммы определялись опять-таки либо добровольным соглашением, либо на основании «положения», путем капитализации оброка из 6%, т. е. путем помножения суммы оброка на $16^2/_3$. Но крестьяне не могли, конечно, уплатить помещику сразу всю сумму капитализированного оброка. Это доступно было только отдельным единицам из числа наиболее богатых крестьян, да и то это было возможно только там, где было подворное, а не общинное землевладение (в общинных селениях выкупать полевой надел можно было только всей общиной). Помещику же важно было получить всю выкупную сумму сразу: в противном случае заключение выкупной сделки с крестьянами вообще не имело для него никакого смысла.

Чтобы удовлетворить в данном случае интересы помещиков, правительство организовало так называемую «выкупную операцию», которая состояла в том, что помещик получал из казны (частью деньгами, большей частью процентными бумагами) ссуду в размере 80% выкупной суммы, если крестьяне получали полный надел, или 75%, если крестьяне получали надел неполный. Расплачиваться же за эту ссуду дол-

жны были крестьяне, внося в казну ежегодно в течение 49 лет так называемые «выкупные платежи» в размере 6% выкупной ссуды. В эти 6% входили 1/2% погашения ссуды, 1/2% на организационные расходы по выкупной операции и 5% роста. Разницу между выкупной суммой и выкупной ссудой (остальные 20 или 25%) крестьяне должны были уплатить помещику наличными вперед, при заключении сделки [1].

Так как в основу исчисления выкупной суммы была положена сумма оброка, а в последнюю входила, как мы видели, не только плата за пользование землей, но и плата за распоряжение своей рабочей силой, то и выкуп нужно рассматривать не как выкуп земли, а как выкуп феодальных повинностей — оброка и барщины,—т. е. выкуп в сущности личности крестьянина.

Выкуп личной зависимости не распространялся только на дворовых: так как дворовые не получали земельного надела, то не были связаны с помещиком обязательными отношениями и освобождались без выкупа. Правда, они освобождались не сразу; в течение двух лет после издания закона дворовые должны были оставаться в прежнем положении: либо выполнять лежавшие на них работы и нести ту службу, которую они несли до реформы, оказывая «беспрекословное повиновение» помещикам, либо, если они ходили по оброку, как это часто бывало, — уплачивать оброк в прежнем размере. До срока дворовый мог быть освобожден только с согласия господина; если же дворовый сам не хотел уйти до срока, а помещик его к этому принуждал (многие помещики стремились освободиться от дворовых, которые теперь часто являлись бременем), то помещик должен был внести известную сумму на обеспечение освобождаемого дворового за время, остающееся до истечения двухлетнего срока.

5

Переходя к правовому положению крестьян по «положениям 19 февраля», прежде всего нужно сказать, что они получили ряд гражданских прав; могли

---

[1] При неполном наделе ссуда составляла 75%, а не 80, потому что учитывалась меньшая платежеспособность крестьян.

заключать всякого рода сделки, предъявлять иски, заниматься торговлей и промыслами, владеть движимым и недвижимым имуществом, вступать в брак без согласия помещика и пр. Из бесправного раба, представлявшего собственность своего господина, крестьянин превращался в личность, обладающую по закону определенными правами. Крестьяне перестали быть на положении рабочего скота, который можно было продавать, обменивать, закладывать, дарить; помещик терял право вмешиваться в семейную жизнь крестьянина, с него была снята ответственность за уплату крестьянами податей и за отбывание ими рекрутской повинности.

Все это являлось крупным шагом по пути от феодального права к праву буржуазному, но и в этом отношении реформа остановилась на полдороге: помещики сохранили целый ряд прав, принадлежавших им до реформы. Помещик имел право созвать сельский сход, тогда как сами крестьяне были лишены этого права (только должностным лицам крестьянского управления предоставлено было право созыва схода). Помещик имел право отвода волостного писаря, если находил его «неблагонадежным» (писарь играл большую роль в волости, так как часто это был единственный грамотный человек в составе волостного управления).

По отношению к временно обязанным крестьянам права помещика были гораздо шире. Он сохранил право опеки над крестьянами и представительства их интересов на суде, хотя бы они этого и не желали; сохранил право вотчинной полиции,— ему были подчинены в полицейском отношении сельские власти; имел право приостановить исполнение любого постановления сельского схода, мог требовать смены выборных должностных лиц сельского управления, мог требовать исключения из сельского общества неугодного ему крестьянина, а до учреждения волостных судов (волостные суды были введены повсюду, правда, уже к концу 1861 г.), ему принадлежало в прежнем объеме и право суда над своими бывшими крепостными. Наконец, как мы видели, помещик сохранил право на принудительный труд временно обязанных крестьян — оброк и барщину.

Но так или иначе, значительной части своих прав и своей власти над крестьянами помещики лишились, даже по отношению к временно обязанным. Для управления крестьянами были созданы новые органы, сохранившие однако целый ряд черт феодально-крепостного режима.

Это, прежде всего, органы выборного крестьянского управления — сельские и волостные сходы и избираемые ими должностные лица. Все домохозяева сельского общества, состоявшего обычно из крестьян, принадлежавших одному помещику, составляли сельский сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей и других должностных лиц. В волости же, состоявшей из ряда смежных сельских обществ, собирался волостной сход, состоявший из представителей сельских обществ и избиравший волостное правление с волостным старшиной во главе и волостной суд, которому были подсудны по мелким гражданским и уголовным делам крестьяне данной волости (лица других сословий судились волостным судом лишь в случае их на то согласия).

Крестьянское управление было чрезвычайно ограничено в своей компетенции. В «Общем положении» были точно перечислены все вопросы, которыми могли заниматься сельские и волостные сходы; если крестьяне на сходах выходили за пределы этих вопросов, то за это подлежали ответственности как участники сходов, принимавшие участие в обсуждении неподлежащих вопросов, так и должностные лица, допустившие это обсуждение. Подлежавшие же ведению сходов вопросы касались преимущественно раскладки и сбора податей и порядка отбывания всякого рода повинностей; в тех обществах, где было сохранено общинное землевладение, к этому присоединялись вопросы, касавшиеся земельных распорядков.

Должностные лица сельского и волостного управления несли целый ряд сложных полицейских обязанностей. Сельский староста должен был следить за исправным отбыванием крестьянами податей и повинностей — казенных, земских, мирских и помещичьих, — должен был наблюдать за составлением «ревизских сказок», т. е. за представлением сведений, собиравшихся с целью определения податной способности

населения, должен был наблюдать за содержанием дорог и мостов, распоряжаться подачей помощи в чрезвычайных случаях, например, при пожарах, наводнениях и пр. Волостной старшина, кроме всех этих обязанностей, лежавших и на нем, должен был объявлять законы и распоряжения различных властей, охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, предупреждать и пресекать преступления и проступки, задерживать бродяг, беглых, дезертиров и преступников, следить за нераспространением среди крестьян вредных слухов и пр.

Крестьянское управление было поставлено в непосредственную зависимость от администрации. Все должностные лица сельского и волостного управления должны были беспрекословно исполнять распоряжения и требования судебных следователей, земской полиции и всех вообще установленных властей. Кроме того над крестьянским управлением было поставлено и специальное должностное лицо — мировой посредник, все распоряжения которого должны были также беспрекословно исполняться должностными лицами крестьянского управления.

Основной функцией мировых посредников было содействие соглашению крестьян с помещиками и составлению так называемых «уставных грамот», в которых точно определялись размеры получаемого крестьянами надела, его местоположение, крестьянские повинности — вообще все условия, на которых крестьяне получали землю. Помимо этой основной своей обязанности, мировые посредники должны были утверждать выборных должностных лиц крестьянского управления, могли отменять постановления крестьянских сходов, должны были осведомляться обо всех вопросах, какие на этих сходах рассматривались и решались, рассматривали жалобы на органы крестьянского управления, могли налагать взыскания на крестьянских выборных должностных лиц — подвергать их аресту или штрафу.

Мировые посредники назначались губернатором, по рекомендации предводителей дворянства, из местных дворян, обладавших определенным земельным цензом. Таким образом мировой посредник, с одной стороны,

был органом центральной власти, а с другой — был тесно связан с местным дворянством, в значительной степени являясь его представителем, защищающим его интересы. Над мировым посредником стоял уездный съезд, состоявший из всех мировых посредников уезда, под председательством уездного предводителя дворянства, а над мировым съездом — губернское по крестьянским делам присутствие, состоявшее отчасти из чиновников, отчасти из местных дворян-помещиков, под председательством губернатора.

Крестьянские учреждения были устроены, как видим, таким образом, что власть отдельного дворянина-помещика над крестьянами заменялась в значительной мере властью представителей местного дворянского общества.

Далее, сельское общество было связано круговой порукой, т. е. все общество отвечало за исправность отбывания податей и повинностей каждым его членом. Наконец, в тех местностях, где до реформы существовало общинное владение землей, там это общинное владение было сохранено и «положениями 19 февраля». Община имела при этом принудительный характер, т. е. крестьяне не имели права выйти из нее. Это право они могли получить только тогда, когда они выкупят окончательно свой надел. Какой смысл имело сохранение общины как принудительного учреждения? Во-первых, общинное владение землей должно было обеспечивать правильность отбывания крестьянами повинностей, потому что оно было соединено с периодическими переделами земли: уравнительное распределение земли между крестьянами-общинниками имело целью обеспечить возможность каждому из них исправно отбывать свои повинности. Во-вторых, общинное землевладение должно было предохранить крестьянство от развития в его среде пролетариата, о чем крепостнические круги очень заботились.

Крестьянское управление, таким образом, носило прежде всего тяглый характер. Это был по преимуществу орган, задачей которого было обеспечение правильного поступления государственных податей и правильного отбывания помещичьих повинностей. Кроме того крестьянское управление, подчиненное органам правительственной власти, входило таким

образом в систему правительственного аппарата, являлось низшей его ячейкой, всецело зависевшей от верхушки. И само правительство рассматривало крестьянское «самоуправление» не как право крестьян, а как обязанность. Поэтому, например, лица, избираемые на ту или иную должность по крестьянскому управлению, не имели права отказаться без уважительных причин, точно оговоренных в «общем положении» 19 февраля. Крестьянское «общественное» управление служило таким образом не интересам крестьян, а интересам помещиков и помещичьего государства, обеспечивало эксплоатацию крестьян помещиками непосредственно и через посредство государственной власти, представлявшей интересы тех же помещиков.

6

К «положениям 19 февраля» был присоединен ряд «дополнительных правил», касающихся отдельных групп крепостного населения.

Одни из этих правил касаются крестьян мелкопоместных владельцев, т. е. помещиков, владевших менее, чем 21 душой крестьян. Стремясь оградить интересы помещиков, правила эти ставят крестьян в еще более тяжелые условия, чем основные «положения». Во-первых, помещик не обязан был увеличивать фактически существовавший до реформы крестьянский надел даже в том случае, если он был значительно меньше низшей нормы (а это бывало нередко в мелкопоместных имениях); если же крестьянин до реформы не имел надела, то земли он не получал совсем и освобождался на тех же условиях, что и дворовые. Правда, крестьяне, не получившие земельного надела, имели право переселяться на казенные земли, причем получали от казны денежное пособие на «обзаведение и устройство жилищ» и на приобретение скота и земледельческих орудий и пользовались в течение определенного срока льготами по уплате податей и отбыванию рекрутской повинности. Крестьяне, получившие земельный надел, тоже могли переселиться на казенные земли либо перейти на положение дворовых (т. е. освободиться бесплатно, но без земли), но только с согласия помещика, причем в обоих случаях

полученный ими земельный надел возвращался помещику. Наконец, помещик имел право передать своих крестьян казне вместе с их земельным наделом, за что получал от казны вознаграждение в сумме капитализированного из 6% годового оброка (т. е. помноженного на 16²/₃).

Помимо всего этого мелкопоместным владельцам, «которые будут признаны особенно нуждающимися», оказывалось денежное пособие из казны.

Особые правила касались крепостных и посессионных рабочих. На крепостных крестьян, отбывавших барщину в качестве рабочих на промышленных предприятиях своих владельцев, распространено было действие «общего» и соответствующих «местных» положений (с некоторыми лишь изъятиями), а также «положение о выкупе». Земельный надел крепостные рабочие получали лишь в том случае, если они пользовались землей до реформы. В противном случае за ними сохранялась лишь усадьба. Рабочие, не имевшие усадеб, а жившие в хозяйских помещениях, приравнивались при освобождении к дворовым. Барщинная повинность отменялась немедленно и заменялась денежным оброком; исключение составляли лишь горные заводы и соляные промыслы, где барщина заменялась оброком постепенно, в течение трех лет. Замена барщины оброком по отношению к промышленным рабочим всецело соответствовала интересам владельцев, так как в промышленных предприятиях принудительный труд был особенно невыгоден для предпринимателя.

Что касается посессионных рабочих, то, согласно правилам о людях, приписанных к частным горным заводам, «мастеровые», т. е. люди, работавшие непосредственно на заводах и в рудниках (а также разного рода служащие), пользовавшиеся ранее покосами или пахотной землей, также получали земельный надел в постоянное пользование за повинности, но этот надел (за исключением усадьбы) не подлежал выкупу; зато мастеровые могли от него отказаться, освободившись таким образом и от связанных с ним повинностей. Мастеровые, не пользовавшиеся ранее землей, надела не получали, сохраняя лишь усадьбу, за пользование которой платили определенный оброк, причем

имели право выкупить ее в собственность. Мастеровые, не имевшие отдельной усадьбы и жившие в заводских помещениях, при освобождении приравнивались к дворовым. На «сельских работников», исполнявших на заводе вспомогательные работы, совмещая с ними свое земледельческое хозяйство, распространялись «Общее» и «местное» «великороссийское» положения (с некоторыми изъятиями), а также «положение о выкупе».

Глава V

Крестьянское движение в связи с реформой

1

Как видим, говорить об освобождении крестьян от крепостной зависимости по «положениям 19 февраля» можно с некоторым правом лишь по отношению к дворовым и к крестьянам-собственникам, т. е. к тем крестьянам, которые заключили с помещиком выкупную сделку. По отношению же к временно обязанным крестьянам говорить об отмене крепостного права можно только в кавычках: поскольку существовало состояние временно обязанных крестьян, постольку сохранялась и крепостная зависимость. Помещики-крепостники сохранили по отношению к временно обязанным свое право на докапиталистическую ренту в ее денежной и отработочной форме (оброк и барщина), сохранили немалую часть своей вотчинной власти. Значительная же часть той власти, которой лишались отдельные помещики, переходила в руки дворянско-помещичьих органов — мировых посредников — и всецело подчиненных им должностных лиц крестьянского сословного управления.

Реформа 19 февраля, разумеется, ни в коей мере не соответствовала ожиданиям крестьян, жаждавших перехода к ним без выкупа всех помещичьих земель и полного освобождения от помещичьей власти. Даже современный реформе дворянский публицист (Иван Аксаков) должен был признать, что реформа «противоречила всем естественным и закономерным требованиям народа».

Это несоответствие отлично понимали, конечно, и правящие круги. Поэтому и в правящих кругах и среди широкой массы дворянства накануне опубликования манифеста о реформе были очень распространены опасения крестьянских волнений на почве недовольства реформой. Даже в самом Петербурге дворянство и правительство не чувствовали себя в безопасности. «Общий страх от ожидаемого 19 числа обнародования манифеста о свободе, — писал в своих воспоминаниях сенатор Лебедев, — доходит до соглашения о соединении в этот день несколько семейств вместе, до перемены замков и до заготовления оружия на случай нападения». Принц Ольденбургский укрепил свой дворец. Многие дворянские семейства уложили чемоданы и приготовились бежать за границу. Петербургским генерал-губернатором была дана специальная инструкция о действиях войск на случай возмущения.

Характерно, что манифест, подписанный 19 февраля, был объявлен только 5 марта. Правительство не сразу решилось его опубликовать, тем более, что 19 февраля пришлось на масленице, которая сопровождалась обычно усиленным употреблением вина. О том, какое настроение царило в это время во дворце, сообщает один из генералов «свиты его величества», рисующий чрезвычайно колоритную картину: «Послышался какой-то гул, как бы выстрел. Генерал-губернатор посылает узнать, что такое, и ему докладывают, что это глыба снегу скинута с дворцовой крыши. Через несколько времени послышался колокольный звон; опять опрометью скачет фельдъегерь и, возвратившись, докладывает, что звонили у Исаакия по поводу похорон какого-то священника»[1]. Как видим, настроение во дворце было настолько напряженное, что всякий шум, услышанный с улицы, наводил уже на мысль о надвигающейся буре народного негодования.

В провинцию были командированы специальные лица — свитские генералы и флигель-адъютанты—особы, состоявшие непосредственно при царе и облечен-

---

[1] *С. П. Мельгунов*, Александров день, сб. «Великая реформа», т. V, стр. 166—168.

ные на этот случай чрезвычайными полномочиями. Данная им инструкция предписывала «в случаях каких-либо между крестьянами беспокойств, неповиновения или ослушания, смотря по важности обстоятельств, по соглашению с начальником губернии, отправиться на место и принять все меры, необходимые для прекращения оных, требуя полного содействия как земской и городской полиции и всех вообще местных властей, так, в случае надобности, и ближайших воинских начальств, которые и обязаны все требования их исполнять беспрекословно» [1].

2

Правительство оказалось весьма предусмотрительным. Крестьянское движение после опубликования манифеста широкой волной разлилось по всему пространству крепостной России. Из 47 губерний Европейской России, на которые распространялось действие «положений 19 февраля», крестьянское движение проявилось с большей или меньшей силой в 45, т. е. в 96% общего числа. Общее число случаев движения за один только 1861 г., по официальным сведениям, дошло почти до 1 200, т. е. достигло числа случаев за предшествующие 35 лет, причем движением было охвачено около 2 тыс. селений.

Самый манифест возбудил среди крестьян недоумение и недоверие: крестьяне никак не хотели допустить, что манифест действительно выражает волю царя, на которого они возлагали свои надежды. Среди крестьян распространялись слухи, что царская воля подменена, что манифест и «положения» не настоящие, что они подделаны дворянами и чиновниками, что нужно доискаться настоящей воли, которую царь дал крестьянам, но чиновники и дворяне скрыли. Другие, не подвергая сомнению подлинность актов 19 февраля, говорили, что эти акты неправильно толкуются чиновниками и попами, которые обманывают народ в интересах дворянства. Появляется целый ряд толкователей из грамотных крестьян, которые пыта-

---

[1] *А. З. Попельницкий*, Первые шаги крестьянской реформы, сб. «Великая реформа», т. V, стр. 180.

ются истолковать манифест и «Положения» в духе крестьянских интересов и чаяний.

При всей широте распространения, крестьянские волнения этого времени носили преимущественно пассивный характер, выражаясь в отказе от работ на барщине, от уплаты оброков, от подписания уставных грамот и пр. Крестьяне не хотели поверить, что царь их обманул, что дарованная им «воля» ставила их в некоторых отношениях в еще более тяжелое положение, чем то, в котором они находились до реформы. Они ждали поэтому «настоящей» воли, которая должна была прийти от царя, ограничиваясь пока пассивным сопротивлением. До активного протеста дело доходило обычно лишь благодаря вмешательству властей, которые сразу же применяли более или менее суровые репрессии, возбуждавшие крестьян и доводившие их иной раз до кровавых столкновений с полицией и войсками. В большинстве же случаев, ввиду пассивного преимущественно характера движения, властям удавалось его ликвидировать без применения оружия, посредством массовой порки, но зато уже розог не жалели. По словам англичанина Мэккензи Уоллэса, бывшего в начале 70-х годов в России и написавшего о ней книгу, никогда так часто не применялись розги, как в первые месяцы после «освобождения».

Чаще всего волнения крестьян выражались в отказе от выполнения повинностей в пользу помещика. Согласно «положениям 19 февраля», до введения уставных грамот крестьяне должны были отбывать оброки и барщину в прежнем размере. Это, естественно, вызывало недоумение со стороны крестьян, которые отказывались верить законности этого требования и прекращали отбывание повинностей. На этой почве возникли, между прочим, самые крупные волнения того времени — в Казанской и в Пензенской губерниях.

Волнение крестьян в Казанской губ., центром которого было село Бездна Спасского уезда, вспыхнуло весною 1861 г. и продолжалось более месяца, охватив три смежных уезда. В отдельных селениях были случаи захвата помещичьих земель и лесов, но в большей части охваченных движением селений крестьяне

лишь прекратили отбывание всяких повинностей в пользу помещиков и отказались выдать властям бездн-нинского крестьянина Антона Петрова, разъяснявшего «положения 19 февраля» в желательном для крестьян смысле. Прибывшему в Бездну свитскому генерал-майору гр. Апраксину крестьяне пытались даже поднести хлеб-соль, но по распоряжению гр. Апраксина был произведен расстрел безоружной толпы. Дано было несколько залпов на близком расстоянии, и жертв было очень много. По свидетельству самого Апраксина, было 51 убитых и 77 раненых, лечивший же раненых врач утверждает, что пострадавших было более 350. Антон Петров был предан военно-полевому суду и расстрелян.

Другое крупное волнение, в Пензенской губ., охватившее приблизительно в это же время также три уезда и продолжавшееся около месяца, было более бурным: там дело дошло (в с. Черногае Чембарского уезда) до вооруженного столкновения крестьян с войсками. Крестьяне прогнали посланную для их усмирения роту, а начальство арестовали. Прибывший после этого со значительными военными силами свитский генерал-майор Дренякин расправился с крестьянами также путем расстрела и жестокой порки, за что получил «высочайшую благодарность».

Очень большое количество волнений было связано с введением уставных грамот. Крестьяне часто отказывались подписывать уставные грамоты, иногда даже в тех (очень редких конечно) случаях, когда уставная грамота не только не ухудшала, а даже улучшала положение крестьян. Как мы уже знаем, уставные грамоты должны были быть введены повсеместно в двухлетний срок, т. е. к 19 февраля 1863 г. В связи с этим среди крестьян во многих местах распространились слухи, что именно в этот день будет издан настоящий манифест, который даст крестьянам «настоящую волю», составлявшую предмет их стремлений; но те, кто подпишет уставную грамоту, тем самым потеряют право на получение настоящей воли. Вот почему крестьяне часто так упорно и дружно отказывались от подписания грамот. В сущности, уставные грамоты могли быть введены и без согласия крестьян, на основании «положений 19 февраля», но мировые

посредники обычно старались во что бы то ни стало добиться «добровольного соглашения», не останавливаясь перед применением насилия для достижения этой «добровольности».

Своей деятельностью мировые посредники часто обостряли крестьянское недовольство и способствовали возникновению волнений. На почве введения уставных грамот дело доходило иногда до столкновений с войсками.

Интересные статистические данные о введении уставных грамот сообщает шеф жандармов кн. Долгоруков в своем «всеподданнейшем» отчете за 1862 г. (к этому времени уже почти истекли 2 года, в течение которых должно было закончиться составление уставных грамот). К концу 1862 г. были введены в действие уставные грамоты по отношению к 6 млн. 747 тыс. душ крестьян, что составляло более $^2/_3$ общего числа бывших крепостных. Из них согласились подписать уставные грамоты всего 2 млн. 834 тыс.; остальные 3 млн. 913 тыс. душ, несмотря на все старания начальства, так и не подписали уставных грамот. Больше половины уставных грамот (58%) было введено в принудительном порядке, на основании «положений 19 февраля». Эти цифры показывают, как непоколебима была уверенность крестьян в получении ими «настоящей воли». Они не хотели связывать себя подписанием грамот, справедливо рассуждая, что фактом подписания они признали бы «положения 19 февраля» и выразили бы свое согласие на их введение.

В отчетах шефа жандармов имеются и другие цифры, касающиеся итогов реформы, которые также небезынтересно привести. За первые три года после 19 февраля (1861—1863) «наиболее значительные» только случаи «неповиновения крестьян» имели место в 1962 имениях; военные команды были введены в 660 имений; «сопротивление» и «буйство» были оказаны крестьянами в 412 имениях; из числа сопротивлявшихся убито и ранено (в одном только 1861 г.) 210, заключено под стражу 1 712, предано суду 1 213, наказано шпицрутенами и розгами 4 777, сослано в Сибирь и другие места 220, отдано в арестантские роты и рабочие дома 144.

Начиная с 1864 г. размах движения резко сокращается, и к концу 60-х годов оно постепенно затихает [1]:

Годы	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869
Число случаев движения . .	1176	400	386	75	93	70	сведений нет	54	53

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. II, М. 1931, стр. 17—18, 40, 70, 94, 117—118, 132, 145, 155.

Глава VI

Крестьянская реформа на „окраинах". Реформа в отношении государственных и удельных крестьян

«Положения 19 февраля» распространялись на 47 губерний Европейской России (за исключением Польши, Финляндии и Прибалтийского края), на Ставропольскую губ. и Сибирь (в Сибири количество крепостных было ничтожно). Но условия, вызвавшие реформу, действовали с большей или меньшей силой и в ряде других областей Российской империи; поэтому с реформой 1861 г. был связан ряд аналогичных реформ, касавшихся национальных окраин, не затронутых «положениями 19 февраля». С другой стороны, политические обстоятельства заставили правительство немедленно же сделать ряд поправок к «положениям 19 февраля», касавшихся некоторых национальных районов.

1

В Прибалтийском крае (Эстонии и Латвии) капиталистическое хозяйство на помещичьих землях развилось значительно раньше, чем в коренной России, и помещики там были более заинтересованы в ликвидации крепостных отношений. К тому же и помещики и правительство были обеспокоены ростом крестьянского движения, усиливавшегося в связи с обострением противоречия между развивавшимся капиталистическим производством и феодальным строем деревни.

Уже в начале XIX в. среди крупного дворянства Прибалтики было немало сторонников крестьянской

реформы, и по их инициативе реформа была произведена вскоре после окончания наполеоновских войн: 23 мая 1816 г. было утверждено «учреждение для эстляндских крестьян», 25 августа 1817 г. — аналогичное «учреждение о курляндских крестьянах», 26 марта 1819 г. — «положение о лифляндских крестьянах» [1]. На основании этих актов эстонские и латышские крестьяне освободились от личной зависимости, но земля целиком оставалась у помещиков. При этом крестьянам запрещалось переселяться за пределы губернии и даже временно оставлять свою губернию, «поскольку многочисленность поселян... находится в весьма невысокой соразмерности к пространству поместьев», — как было откровенно сказано в эстляндском «учреждении» 1816 г.

Крестьяне таким образом превращались либо в батраков, работавших у помещиков по найму, либо в арендаторов помещичьих земель, уплачивавших аренду деньгами или работой, причем арендатора помещик мог в любое время согнать, если земля понадобится ему для расширения своего хозяйства или для сдачи другому лицу на более выгодных для помещика условиях. Реформа, построенная на таких основаниях, удовлетворяла как сторонников капиталистического хозяйства, так и крепостников, которые могли сохранять попрежнему оброк и барщину, только в новых юридических формах, на основе «свободного договора». К тому же помещики сохраняли право вотчинной полиции и суда и ряд других феодальных привилегий.

Такое «освобождение» не могло, конечно, успокоить крестьянские волнения, которые продолжались и после реформы. Особенно значительных размеров крестьянское движение достигло в начале 40-х годов. В 1841 г. в Лифляндии вспыхнула забастовка батраков, которые отказывались работать на помещиков и толпами ходили по имениям, снимая с работ своих товарищей. К батракам присоединились крестьяне-арендаторы, отказывавшиеся вносить арендную плату и

---

[1] Прибалтийский край делился на три губернии: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Коренное население Эстляндии и северной части Лифляндии составляли эсты, Курляндии и южной части Лифляндии — латыши; помещиками были немцы, потомки рыцарей-меченосцев, завоевавших в XIII в. Эстонию и Латвию.

отрабатывать аренду на помещичьих полях. Волнения охватили всю Лифляндию и угрожали распространиться на другие губернии Прибалтики. В Лифляндию были двинуты войска, и движение было подавлено. Но в том же году движение вспыхнуло снова: среди крестьян распространились слухи о переселении их в южные губернии, где им будут якобы отведены земли. Крестьяне толпами устремились в города, где безуспешно пытались добиться разрешения на переселение. Никакие уговоры со стороны начальства не помогали, и только при помощи военной силы властям удалось водворить «порядок».

В 1842 г. среди латышских и эстонских крестьян распространились слухи, поддерживаемые отчасти православным духовенством, что перешедшие в православие крестьяне[1] будут наделены землею. Крестьяне прекращали работу на помещиков и толпами по нескольку сот человек шли в города к православным священникам с заявлением о желании перейти в православие. Несмотря на разъяснения начальства и аресты «подстрекателей», движение продолжалось до 1846 г., особенно усилившись после правительственного разъяснения, что принявшие православие крестьяне освобождаются от лежавших на них тягостных повинностей в пользу лютеранской церкви. В результате более 100 тысяч эстов и латышей приняли православие. Но так как земли они, конечно, не получили, то в 1847 г. среди них появилась обратная тяга к лютеранству, и на этой почве вновь начались волнения.

Крестьянские волнения 40-х годов заставили помещиков пойти на дальнейшие реформы. 23 января 1845 г. по их инициативе были изданы «дополнительные статьи» к «Положению о лифляндских крестьянах» 1819 г. Этими статьями воспрещалось занимать семейных крестьян-арендаторов барщинными работами более 4 дней в неделю, рабочий день был ограничен 12 часами, проезд на работу на дальнее расстояние зачитывался за рабочее время, запрещено было заставлять крестьян работать за долги свыше года и пр.

9 июля 1849 г. было утверждено новое «лифлянд-

---

[1] Эсты и латыши принадлежали к лютеранскому вероисповеданию.

ское крестьянское поземельное уложение». Согласно этому «уложению», «податная» земля, т. е. земля, сдававшаяся в аренду крестьянам, не могла быть использована помещиком иначе, как путем сдачи в аренду или продажи крестьянам данной волости. Но в то же время уложение оставляло за помещиком право продавать эту землю не только крестьянам, но и лицам других сословий, при условии уплаты лежавших на ней государственных повинностей. Кроме того помещики получили право отрезать от крестьянской земли известную часть в свою пользу, якобы для поселения на ней своих наемных рабочих. Фактически от крестьянской земли было отрезано на основании этого закона 17% ее общей площади.

В «уложение» 1849 г. был включен устав Крестьянского банка, основанного лифляндскими помещиками с целью создания «консервативного сословия мелких землевладельцев». При покупке крестьянами помещичьих земель банк уплачивал помещику (процентными бумагами) 60% стоимости купленной земли, крестьяне же должны были погашать банку эту ссуду в рассрочку на 40—50 лет.

5 июля 1856 г. Александром II было утверждено новое «положение о крестьянах Эстляндской губ.», аналогичное лифляндскому. Введение этого положения сопровождалось значительными волнениями. Крестьяне заявляли, что местные власти умышленно извратили смысл этого закона в интересах помещиков, и отказывались признавать его. В 1858 г. для «усмирения» их были посланы в разные места губернии воинские команды, которым крестьяне оказали сопротивление. В одном месте толпа вооруженных крестьян до 1½ тыс. человек бросилась на присланную полуроту, убила ее командира, ранила другого офицера и 13 солдат. Движение было подавлено «решительными мерами»; «зачинщики» были преданы военному суду.

Но все же пришлось издать «дополнительные правила» к «положению» 1856 г. (23 января 1859 г.); этими правилами устанавливался порядок регулирования крестьянских повинностей, воспрещалось вводить барщинную форму аренды на новых участках и на тех участках, где она последнее время не применялась, предоставлялось дворянскому собранию (ландтагу)

право совсем запретить арендные договора с барщинной оплатой аренды.

Аналогичные статьи были включены и в новое «положение о крестьянах Лифляндской губ.», изданное 13 ноября 1860 г. Минимальный срок аренды по этому «положению» устанавливался в 6 лет, причем договор должен быть заключен в письменной форме. Если помещик по истечении срока отказывал крестьянину в возобновлении арендного договора или ставил ему такие условия, что он сам вынужден был отказаться, то помещик обязан был дать крестьянину некоторое вознаграждение за сделанные последним улучшения, увеличившие ценность участка.

6 сентября 1863 г. были утверждены «правила» для курляндских крестьян, регулировавшие арендные отношения. Между прочим, на основании этих «правил», аренда с отработками должна была постепенно заменяться денежной арендой; последним сроком для перевода всех арендаторов с отработочной аренды на денежную было установлено 23 апреля 1868 г. Нужно сказать, что в Курляндии, где капиталистическое хозяйство развивалось быстрее, чем в других губерниях Прибалтики, замена барщинных работ денежной арендой производилась постепенно еще с 40-х годов путем добровольных соглашений между помещиками и крестьянами.

14 мая 1865 г. и лифляндским помещикам было предписано не заключать новых отработочных договоров, а старые ликвидировать к тому же сроку — 23 апреля 1868 г.

4 июня того же года эстляндским помещикам и крестьянам-арендаторам было предоставлено право, по инициативе каждой из сторон, превращать издельную аренду в денежную. После этого барщина стала быстро вытесняться денежной арендой, а 25 марта 1868 г. последовало распоряжение прибалтийского генерал-губернатора о замене оставшихся еще в Эстляндии барщинных повинностей денежной арендой к 23 апреля того же года. Таким образом к 23 апреля 1868 г. отработочная аренда была отменена во всем Прибалтийском крае (фактически, правда, она практиковалась в отдельных случаях и позднее).

Что касается правового положения прибалтийских

крестьян, то «правилами» 9 июня 1863 г. было отменено прикрепление крестьян к своей губернии. Крестьянам предоставлено было право получать от волостного начальства паспорта для временного проживания во всех городах и селениях империи, а также переселяться в другие губернии на постоянное жительство с припиской к городским и сельским обществам «податных сословий». «Положением» же 19 февраля 1866 г. в прибалтийских губерниях вводилось крестьянское общественное управление, построенное на тех же началах, которые легли в основу соответствующих разделов «Общего положения 19 февраля 1861 г».

Заботы правительства об урегулировании арендных отношений и о замене барщинных работ денежной арендой вызывались непрекращавшимися крестьянскими волнениями на почве арендных отношений, закабалявших крестьян и ставивших их в безвыходное положение. «Размер арендных обязательств крестьян,— писал шеф жандармов кн. Долгоруков в своем отчете царю за 1861 г.,— зависит преимущественно от землевладельцев, которые притом пользуются правом удаления каждого крестьянина из своего имения, так что последнему приходится или соглашаться на условия, для него обременительные, или же оставлять свою оседлость; но в последнем случае он не принимается в других имениях иначе, как с обязательством повинностей более тягостных, чем прежде. Таким образом, по неопределенности труда в пользу помещиков и по отсутствию права наследственного владения землею, находящейся в пользовании крестьян, сии последние ожидают перемен и продолжают делать переселения во внутренние губернии» [1].

Бывали случаи, когда крестьяне готовы были бежать за границу. В 1861 г. крестьяне имения барона Штакельберга на острове Вормсе (Эстляндской губ.) отказались от платежа оброка и исполнения барщинных работ и отправили депутацию к шведскому королю с просьбой о разрешении им переселиться в Швецию. В 1863 г. в Курляндии в семи имениях гр. Зиберга-Платена крестьяне отказались от возобновления арендных договоров и отправили в Петербург пове-

[1] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. II, стр. 23.

ренных с ходатайством о наделении их бесплатно землею, а когда помещик сдал их участки новым арендаторам, отказались покинуть свои усадьбы. Когда исправник при помощи воинской команды арестовал «зачинщиков», крестьяне силой освободили арестованных. Движение было подавлено лишь с прибытием 4 рот войска. В этом же году были волнения в Рижском и Венденском уездах Лифляндской губ.; крестьяне прекратили работы на помещиков и уплату оброков и требовали уменьшения арендных повинностей. В Рижский уезд пришлось направить воинскую команду.

В 1865 г. в Курляндской губ. среди крестьян распространились слухи о разрешении будто бы переселяться в Западный край и внутренние губернии, где они будут бесплатно наделены землей. Крестьяне собирались толпами по нескольку сот человек для обсуждения планов переселения; многие, готовясь к переселению, продавали за бесценок свое имущество. Движение удалось прекратить без применения военной силы.

В 1868 г. на той же почве возникло широкое движение в Эстляндской губ. Крестьяне и батраки распродавали свое имущество и большими партиями, пешком и на лодках, двинулись в Петербург с целью добиться переселения на Кавказ. Их перехватывали на дороге и возвращали на родину, иногда при содействии воинских команд, но около тысячи человек все же достигли столицы, и лишь через некоторое время их удалось оттуда удалить, причем часть из них была водворена в Новгородской губ.

Законодательство о крестьянах Прибалтики, при всем своеобразии отношений в этом крае, развивалось в общем направлении основных принципов реформы 19 февраля 1861 г. (за исключением наделения крестьян землей). При этом феодальные привилегии дворянства сохранились здесь в значительно большей степени, чем в коренной России. Помещикам принадлежало исключительное право владения и пользования лесом, право охоты и рыбной ловли на всей территории края, не исключая и крестьянских земель, монопольное право содержать промышленные и торговые предприятия в деревне; только на помещичьих землях

могли строиться поселки и местечки, устраиваться базары и ярмарки. Помещики сохранили в значительной мере право вотчинной полиции на своих землях; фактически принадлежавшее помещикам право назначения приходских пасторов ставило лютеранское духовенство в прямую зависимость от помещиков, превращая его в непосредственное орудие помещичьих интересов, и пр. Многие из этих привилегий не были закреплены законом, а покоились на обычном праве, подкрепляемом частными договорами, но это не меняет сущности дела. Всеми этими привилегиями прибалтийские помещики широко пользовались в своих хозяйственных целях, искусно комбинируя методы капиталистической эксплоатации с методами внеэкономического принуждения.

2

По отношению к Литве, Белоруссии и Правобережной Украине, в связи с польским восстанием 1863 г., был принят ряд мероприятий, вносивших существенные изменения в соответствующие «местные положения» и имевших в виду расположить в пользу правительства литовских, белорусских и украинских крестьян, чтобы отвлечь их от участия в восстании. По указам 1 марта и 2 ноября 1863 г. в литовских и белорусских губерниях вводился обязательный выкуп временно обязанными крестьянами их наделов, причем все обязательные поземельные отношения между крестьянами и помещиками прекращались и временно обязанные крестьяне превращались в крестьян-собственников. При этом оброк, предусмотренный в уставных грамотах, понижался на 20%, следовательно в такой же мере понижался и выкуп. Согласно указу 30 июля 1863 г. на тех же основаниях прекращались обязательные отношения между крестьянами и помещиками в Правобережной Украине. Кроме того в Литве и Белоруссии были образованы поверочные комиссии для пересмотра уставных грамот. В результате деятельности этих комиссий площадь крестьянских наделов увеличилась в разных местностях от 25 до 70%, а повинности были понижены от 2 до 16%.

Этим ловким маневром правительству удалось отвлечь крестьян от участия в восстании, благодаря

чему восстание в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине правительству удалось подавить очень скоро. Успех этой демагогической политики побудил правительство применить аналогичные методы и по отношению к крестьянству Царства Польского.

В Царстве Польском крестьяне были освобождены в 1807 г., когда оно не входило еще в состав Российской империи[1]; освобождение произошло там без земли, как и в Прибалтийском крае, и крестьяне также превратились в батраков или арендаторов помещичьей земли за деньги или отработки. В 1846 г. в соседней Галиции произошло крестьянское восстание, которое нашло некоторый отклик в Царстве Польском. Чтобы успокоить польское крестьянство, правительство, по инициативе самих помещиков, указом 26 мая 1846 г. закрепило за крестьянами арендуемые ими участки и запретило повышать размер денежных платежей и барщинных работ.

Польские революционеры очень хорошо понимали значение поддержки крестьян для успеха восстания. Поэтому центральный народный комитет в первый день открытого восстания — 10 (22) января 1863 г. — обратился с декларацией к народам Польши, в которой провозглашал равноправие всех польских граждан без различия веры и национальности, происхождения и сословия, а также заявлял, что все земли, которыми крестьяне пользуются за оброк или барщину, становятся немедленно их полной собственностью без всякого выкупа, помещики же будут вознаграждены за свои убытки из общегосударственных средств.

Чтобы отвлечь польское крестьянство от участия в восстании, царское правительство должно было пойти дальше декларации Центрального комитета, и оно нашло в себе достаточно политического смысла, чтобы это сделать. 19 февраля 1864 г. был издан ряд указов, в силу которых за крестьянами Царства Польского не только закреплялись в собственность без выкупа все земли, фактически находившиеся в их пользовании, но им возвращались также те участки, которые были

---

[1] Царство Польское было присоединено к России по решению Венского конгресса 1815 г.

присоединены к помещичьим землям после 1846 г. Кроме того им предоставлялся в собственность весь живой и мертвый инвентарь, находившийся в усадьбах, и сохранялись старинные права на пользование помещичьими лесами и пастбищами. Все повинности крестьян в пользу помещиков немедленно отменялись, а накопившиеся недоимки не подлежали взысканию. Отменялись также все ограничения крестьянских прав, вытекавшие из феодальных привилегий помещиков: запрещение устраивать в крестьянских усадьбах водяные и ветряные мельницы и другие промышленные предприятия, запрещение покупать вино помимо помещичьих заводов и помещичьих питейных домов и пр.

Помещичье правительство не могло однако произвести безвозмездную экспроприацию помещичьих земель и доходов, хотя бы эти помещики и были поляки. Помещики должны были получить вознаграждение из особого фонда, причем одним из источников пополнения этого фонда служил поземельный налог, который крестьяне должны были уплачивать в казну, помимо прочих казенных платежей, взамен отменных оброков и барщинных работ. В этом поземельном налоге заключался, таким образом, в скрытой форме частичный выкуп полученной крестьянами земли. Царское правительство и здесь нашло способ обмануть крестьян.

3

Реформа коснулась и так называемых «царан» Бессарабской области. Царанами назывались в Бессарабии свободные хлебопашцы, сидевшие на помещичьих или монастырских землях. Положение о царанах 24 января 1834 г. предоставляло им право заключать добровольные условия с владельцами о пользовании землей за повинности, с правом перехода на земли других владельцев. Среди бессарабских царан также неоднократно возникали волнения на почве взаимоотношений с землевладельцами. В 1858 г. волнения охватили 13 помещичьих селений; царане добивались от местного начальства переселения их на казенные земли и, получив отказ, пытались самовольно занять эти земли. Движение было подавлено военной силой.

Особыми правилами, присоединенными к «положениям 19 февраля», к царанам были приравнены бессарабские крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости. Как и царане, они не получали при освобождении земельного надела, причем им предоставлялось право заключать с владельцами добровольные соглашения о пользовании землей и о связанных с этим повинностях. Но в то же время в Одессе была учреждена комиссия для пересмотра существующих постановлений о царанах. Результатом работы этой комиссии явилось «положение о поземельном устройстве царан» 14 июля 1868 г. «Положение 14 июля» устанавливало порядок наделения помещичьих и монастырских царан землей в постоянное пользование за повинности и порядок выкупа ими земельных наделов применительно к «положениям 19 февраля».

4

В 60-х годах крестьянская реформа была проведена и на Кавказе.

После присоединения к России Грузинского и Имеретинского царств и владетельных княжеств Мингрелии, Гурии и Сванетии русское правительство признало за грузинскими дворянами по отношению к их крестьянам все права, которыми пользовались дворяне в России. С развитием в Грузии денежно-товарных отношений грузинские помещики, так же как и русские, стремились повышать эксплоатацию своих крепостных, с той только разницей, что в Грузии помещики почти не вели своего собственного хозяйства, и усиление эксплоатации крестьян выражалось преимущественно в увеличении оброков и всякого рода феодальных сборов.

Рост феодальной эксплоатации, непосильный гнет податей и натуральных повинностей, налагавшихся на грузинских крестьян русским правительством, безграничный произвол военных и гражданских властей, доходивший до невероятных насилий и жестокостей по отношению к населению, — все это создавало почву для непрерывных крестьянских волнений, превращавшихся нередко в бурные вооруженные восстания.

Борьба крестьян против русского владычества

обычно переплеталась с борьбой против грузинских помещиков тем более, что грузинское дворянство широко воспользовалось предоставленным ему правом государственной службы и многие представители его занимали должности офицеров местных воинских частей и чиновников местных административных учреждений, являясь ревностными проводниками колониальной политики царизма. Так, горцы Восточной Грузии, восставшие в 1804 г. против русского владычества, попутно разоряли имения помещиков, сохранивших верность русскому правительству, захватывали в плен и избивали грузинских князей и дворян. Во время упорного и бурного восстания в Кахетии в 1812 г., распространившегося на всю Восточную Грузию, крестьяне также расправлялись с наиболее ненавистными помещиками, жгли и громили отдельные помещичьи и церковные имения. Во время восстания 1819—1820 гг. в Имеретии, по свидетельству местных властей, «некоторые крестьяне желали случаем бунта освободиться от повинностей своих к помещикам». Во время восстания 1828—1829 гг. грузинские дворяне, «пытавшиеся образумить народ, были избиты разъяренной чернью, угрожающей даже сжечь их дома и истребить сады».

С этой стороны особенно интересно гурийское восстание 1841 г. Направленное вначале против податного гнета, наложенного русским правительством, восстание очень скоро обратилось против гурийских помещиков. Жалуясь на непосильные поборы, крестьяне отказывались от платежа оброков, дворовые уходили из помещичьих усадеб, начались разгромы имений князей и дворян. Борьба против русского владычества стала рассматриваться восставшими крестьянами, как средство освободиться от своих собственных феодалов, поддерживаемых русскими штыками. Гурийские дворяне, вначале пытавшиеся использовать восстание в целях восстановления своего политического влияния, быстро переменили фронт и приняли активное участие в подавлении движения; лишь отдельные единицы из их среды остались с крестьянами до конца. Восстание охватило всю Гурию; по официальным сведениям, в нем приняло участие более 7 тыс. крестьян. Повстанцы разбили отряд полковника Брусилова, захватили все укрепленные пункты, уничтожили все заградительные

посты на турецкой границе, осадили административный центр Гурии — Озургети, и пытались взять его штурмом. Лишь при помощи значительной военной силы (4 тыс. человек при 10 орудиях) русскому командованию удалось подавить восстание, продолжавшееся около четырех месяцев.

Из многочисленных восстаний, направленных непосредственно против помещиков, особенно значительным было мингрельское восстание 1857 г. Начавшееся в январе 1857 г. в имениях правительницы Мингрелии кн. Екатерины Дадиани[1] движение охватило к маю все крепостное население Мингрелии; в нем принимало участие 11—14 тыс. крестьян. Лозунгами восстания были: отмена сословных привилегий князей и дворян, так как «все люди — братья», и уничтожение фактически существовавшей торговой монополии владетельных князей, вздувавшей цены на продукты. Вооруженные отряды повстанцев обходили селения, приводя крестьян к присяге и снимая с работ дворовых в помещичьих усадьбах. Отбывание повинностей в пользу помещиков повсюду было прекращено; некоторые помещики были арестованы, в некоторых имениях были захвачены и разделены между крестьянами помещичьи запасы. Но в общем движение носило умеренный характер, — может быть потому, что оно возглавлялось зажиточным крестьянством, из среды которого вышли и его непосредственные руководители. Этим же, вероятно, объясняется и доверчивость руководителей по отношению к русским властям, в значительной мере способствовавшая ликвидации движения.

Рост крестьянского движения в Грузии, так же как и в России, был одним из главных стимулов крестьянской реформы. Вскоре после опубликования манифеста 19 февраля последовало высочайшее повеление кавказскому наместнику кн. Барятинскому приступить к разработке проекта реформы, руководствуясь принципами «положений 19 февраля». Разработка первоначальных проектов, как и в России, была поручена местному дворянству. Ввиду значительно более сла-

---

[1] Мингрелия была присоединена к России еще в 1803 г., но вплоть до восстания сохраняла видимость автономии и управлялась своими владетельными князьями.

бого развития капитализма в Грузии, чем в России, проекты грузинского дворянства носили еще более «феодальный» характер, что отразилось и на последовавших законодательных актах, сохранивших значительно больше элементов крепостничества, чем «положения 19 февраля».

Реформа в Грузии была проведена по частям: указ 13 октября 1864 г. с приложенным к нему местным положением и дополнительными правилами касался только Тифлисской губ., т. е. Восточной Грузии; 13 октября 1865 г. действие этих актов, с некоторыми незначительными изменениями, было распространено на Кутаисскую губ. (т. е. Имеретию и Гурию), а 1 декабря 1866 г. — на Мингрелию. В Сванетии реформа была произведена только 8 октября 1871 г., причем там она отличалась некоторым своеобразием.

По тифлисскому местному положению помещики обязаны были предоставить крестьянам в постоянное пользование усадьбу и земельный надел, но помещик имел право во всяком случае оставить за собой половину своей земельной площади. За пользование усадьбой крестьяне должны были платить денежный оброк, а за надел — оброк натурой, из доли урожая: за сенокосы — $^1/_3$, за полевые земли и виноградники — $^1/_4$ (до реформы с виноградников платили обычно от $^1/_7$ до $^1/_5$ урожая, а с полевой земли не более $^1/_8$). Не только полевые наделы, но даже усадьбы могли быть выкуплены лишь с согласия помещика, причем на сады и виноградники «содействие правительства» (т. е. получение ссуды из казны) не распространялось. В отличие от «положений 19 февраля» грузинские помещики получили кроме того вознаграждение из казны за личное освобождение крестьян — от 25 до 50 руб. за душу. «Хизаны», т. е. безземельные крестьяне, арендующие помещичью землю по договору, были приравнены к дворовым, т. е. освобождались без земли. По образцу «Общего положения 19 февраля» было устроено сельское общественное управление, причем введена была и круговая порука, которой раньше в Грузии не было. За помещиками сохранено было право вотчинной полиции.

В результате реформы крестьянское землепользование в Восточной Грузии уменьшилось в среднем с

5,9 дес. на «дым» до 3,9 дес., а повинности в среднем удвоились. Благодаря более затруднительным для крестьян условиям выкупа и незаинтересованности помещиков в выкупе, переход на выкуп совершался очень медленно. К концу 80-х годов оставалось еще около 80% невыкупленных наделов, т. е. пользовавшиеся ими крестьяне оставались на положении временно обязанных. Только законом 20 декабря 1912 г. положение о временно обязанных в Грузии было наконец ликвидировано: в силу этого закона все крестьяне должны были перейти на выкуп к 1 января 1913 г.

В Сванетии реформа была еще более разорительна для крестьян. До реформы крестьяне фактически пользовались всей землей, уплачивая помещикам лишь небольшой оброк продуктами; в так называемой Вольной Сванетии (занимавшей северо-восточный угол этой страны) крепостной зависимости в сущности не было и натуральный оброк носил лишь символический характер, составляя в переводе на деньги нередко всего 20—30 коп. с «дыма». Согласно «положению» 8 октября 1871 г., основанному на предложениях самих помещиков, крестьяне получили в собственность усадьбы и около $1^1/_2$ дес. пахотной и сенокосной земли на «дым»; вся же остальная земля отошла к помещикам, и крестьяне вынуждены были арендовать ее из доли урожая. Кроме того они должны были платить по 5 руб. с «дыма» за пользование лесом для топлива и пастбищем. За личное освобождение крестьян сванские помещики также получили вознаграждение от казны (от 25 до 50 руб.).

С гораздо более значительными отступлениями от «положений 19 февраля» проведена была реформа в Абхазии. Реформе предшествовало упорное и бурное восстание крестьян 1866 г., направленное как раз против готовящейся реформы. Крестьяне опасались, что реформа будет проведена по грузинскому образцу, и особенно возмущались против выкупа ими повинностей, настаивая на том, чтобы выкуп был произведен за счет государства. К этому присоединялась давно накипевшая ненависть против русского владычества, подогретая свежим воспоминанием о карательных экспедициях 1861—1862 гг., сопровождавшихся артиллерийским разгромом селений, сжиганием полей и из-

гнанием жителей, которые вынуждены были массами переселяться в Турцию.

26 июля около 5 тыс. вооруженных крестьян собрались в Сууксу; бурное объяснение толпы с начальником Сухумского отдела полковником Коньяром кончилось тем, что Коньяр вместе со всей своей свитой был убит толпой, а состоявший при нем казачий конвой потерял убитыми 53 человека. На следующий день громадные толпы крестьян (до 15 тыс.) двинулись на Сухум, заняли город и в течение четырех дней ожесточенно штурмовали крепость, пока не прибыли морем свежие войска, оттеснившие повстанцев в горы. К концу августа с помощью значительных военных сил (до 8 тыс. человек) восстание было подавлено; в наказание около 20 тыс. человек было принудительно выселено в Турцию.

Весной 1867 г. была учреждена «сухумская сословно-поземельная комиссия» для разработки проекта реформы, а 8 ноября 1870 г. было утверждено «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» (так называлась тогда Абхазия). Согласно этому «положению», зависимые люди всех разрядов (включая дворовых) должны были выкупить свои повинности в четырехлетний срок по установленной расценке (в соответствии со степенью зависимости). В течение же этого срока они оставались на положении временно обязанных и несли определенные повинности. За всеми жителями как высших, так и низших сословий закреплялись в собственность усадьбы, пахотные и садовые земли, «составляющие, по местному обычаю, частную собственность каждого лица или каждого дыма». Кроме того князья и дворяне получали из общественных (т. е. фактически крестьянских) земель от 25 до 250 дес. на семью и по 2 дес. за каждый «дым» освобождаемых крестьян. Этот помещичий «надел» мог быть увеличен, смотря по «важности происхождения или заслуг»: один из князей Шервашидзе получил, например, около 5 тыс. дес.

В результате крестьяне получили по 2—3 десятины на «дым», а остальная земля отошла помещикам. «За наделением привилегированного сословия землей, — писал в 90-х годах один русский чиновник, — непри-

вилегированным ничего не осталось — одни камни на горах да болота». Что касается выкупа, то он подвигался очень медленно, так как для громадного большинства крестьян он был непосилен; поэтому по истечении четырех лет положение временно обязанных крестьян было продлено без ограничения срока. Отменено оно было только упомянутым выше законом 20 декабря 1912 г.

В Азербайджане крепостного права в сущности не было. По «Положению 28 декабря 1847 г.» крестьяне, сидевшие на помещичьих землях, пользовались свободой перехода по истечении сельскохозяйственного года при условии выполнения ими всех лежавших на них повинностей и с предупреждением за 2 месяца; при этом свои постройки и возделанные ими сады и огороды они могли продать или оставить за собой. За пользование помещичьей землей они платили натуральный оброк в размере $^1/_{10}$ урожая, если они работали своим инвентарем, или $^1/_5$, если получали инвентарь и семена от владельца. Кроме того каждое семейство должно было предоставлять помещику одного работника со скотом и орудиями на 8 дней в году; наконец, все семейства по очереди давали по 1 человеку на годичный срок для домашних и полевых работ, причем очередные семейства освобождались на этот год от всех других повинностей.

Реформа в Азербайджане была произведена «Положением 14/26 мая 1870 г.». По этому «положению» помещик был обязан предоставить крестьянам в постоянное пользование, в пределах установленной нормы, усадьбы, пашни, сенокосы, сады и пастбища; $^1/_3$ всей земли он имел право во всяком случае оставить за собой, но крестьянские сады отрезке не подлежали. В отличие от «положений 19 февраля» местные крестьяне имели право от получения надела отказаться. Личные повинности немедленно должны были быть заменены денежным оброком, оброк же из доли урожая переводился на деньги постепенно. Крестьяне имели право выкупить свой надел независимо от согласия помещика — единолично или всем обществом, но содействие правительства при выкупе не оказывалось.

Таким образом азербайджанские крестьяне получили реформу на значительно более выгодных для них

условиях, чем русские или грузинские крестьяне. Это и понятно: зависимость азербайджанского крестьянства от феодалов была, как мы видели, гораздо слабее.

Реформа коснулась и других народов Кавказа, но останавливаться на этом я не буду. Она проводилась по тому или иному из характеризованных выше образцов, с большими или меньшими отклонениями от них в деталях.

5

До сих пор я говорил о помещичьих крестьянах. Но помещичьими крестьянами, как мы знаем, далеко еще не исчерпывалась вся крестьянская масса. По данным 9-й ревизии (1851 г.), помещичьи крестьяне составляли около половины крестьянского населения Европейской России (49,3%); 44,7% приходилось на долю государственных крестьян (как видим, их было немногим меньше, чем помещичьих), 4%—на крестьян удельного ведомства и 2% — на крестьян заводских и принадлежавших различным учреждениям.

По отношению к удельным крестьянам 26 июня 1863 г. было издано особое «положение», которое распространяло и на них основания «положений 19 февраля». Удельные крестьяне сохраняли однако полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании до реформы; в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела, установленного «положениями 19 февраля» для помещичьих крестьян, удельные крестьяне получили даже соответственную прирезку. В результате землевладение удельных крестьян после реформы несколько увеличилось. До реформы средний надел составлял 4,2 дес. на душу, после реформы — 4,9 дес. Наделы удельных крестьян также подлежали выкупу в рассрочку, причем для них выкуп был сделан обязательным, и они сразу переходили в состояние крестьян-собственников. В связи с этим оброчные платежи, уплачиваемые крестьянами за пользование землею, были превращены в выкупные.

На государственных крестьян основания «положений 19 февраля» были распространены указами 18 января и 24 ноября 1866 г. Государственные крестьяне, как и удельные, сохранили полностью свои прежние

наделы, значительно превышавшие по размерам наделы помещичьих крестьян (средний надел государственных крестьян составлял 6,7 дес. на душу). Государственные крестьяне также зачислялись в разряд крестьян-собственников, но выкуп для них не был сделан обязательным, а предоставлялся усмотрению сельских обществ и отдельных домохозяев; до выкупа же они продолжали платить попрежнему оброчную подать. Особым указом 16 мая 1867 г. было определено поземельное устройство государственных крестьян в 9 западных губерниях (т. е. в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине), причем к ним были применены начала устройства помещичьих крестьян в тех же губерниях; в частности, оброчная подать была заменена выкупными платежами, и крестьяне сразу перешли в разряд собственников.

Разница в земельном обеспечении различных разрядов крестьян получилась очень значительная: по данным 1877—1878 гг. по 49 губерниям Европейской России, помещичьи крестьяне имели в среднем 3,35 дес. удобной земли на душу, удельные — 4,81 дес., т. е. на 43,6% больше, государственные — 5,93 дес., т. е. на 77% больше помещичьих. Размеры платежей были также различны, причем находились в обратно пропорциональном отношении к размерам наделов: больше всего платили за свою землю помещичьи крестьяне, меньше всего — государственные. По данным 1885—1886 гг. (по 37 губерниям), несмотря на то, что выкупные платежи помещичьих крестьян были перед этим понижены, а выкупные платежи государственных крестьян повышены, платежи помещичьих крестьян превышали платежи государственных на 57,8%, т. е. больше, чем в полтора раза, в отдельных же губерниях — вдвое и даже втрое [1]. Эта разница сказывалась еще много времени спустя после реформы, отражаясь, между прочим, на ходе крестьянского движения в пореформенное время.

---

[1] *Л. В. Ходский,* Земля и земледелец, т. II, СПБ 1891, стр. 236 и 248.

Глава VII

Историческое значение крестьянской реформы

1

Никакое правительство эксплоататоров никогда не идет на реформы, если оно не вынуждено к этому давлением враждебных ему общественных сил. Серьезные реформы являются, по выражению Ленина, «побочным продуктом» революционного движения.

Действительно, в России конца 50-х и начала 60-х годов была налицо революционная ситуация, как ее определяет Ленин. Революционная ситуация, говорит он, имеет «следующие три главные признака: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов: для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли жить по старому; 2) обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению» [1].

---

[1] *Ленин*, Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 244.

Все эти признаки были налицо в России в конце 50-х и начале 60-х годов: 1) эксплоатация крестьянской массы помещиками-крепостниками достигает к этому времени максимального напряжения; 2) на этой почве разрастается крестьянское движение, захватывающее широкие массы крестьянства и проявляющееся нередко в чрезвычайно активных формах; 3) наконец, правящий класс, крепостническое дворянство, в результате неудач Крымской войны и роста крестьянского движения приходит к сознанию невозможности сохранить свое господство в неизмененном виде и признает необходимость ряда уступок в целях удержания власти в своих руках; больше всего внимания уделяется, естественно, самому важному вопросу, вопросу крестьянскому, что в свою очередь способствует усилению революционного движения крестьянства, толкает его к «самостоятельному историческому выступлению».

Но «не из всякой революционной ситуации, — писал Ленин, — возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»...» [1].

Вот этой способностью на «достаточно сильные» для свержения самодержавия «революционные массовые действия» и не обладал единственный революционный класс того времени — крестьянство. При всей широте размаха крестьянского движения, при всей его интенсивности, оно было слишком разрозненно и неорганизованно для того, чтобы крестьянство оказалось в состоянии свергнуть власть помещиков-крепостников; политическая же несознательность крестьянства, ослепленного иллюзиями «наивного монархизма», способствовала тому, что крестьянское движение носило преимущественно пассивный характер — массовых побегов и переселений, «неповиновения» помещикам и местным властям, — лишь в отдельных случаях выливаясь в более активные формы борьбы, да и то боль-

---

[1] Там же, стр. 245.

шей частью лишь в ответ на жестокие репрессии со стороны органов власти. «Века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием» [1].

Наконец, очень важное значение имело то обстоятельство, что крестьянство было изолировано в этой борьбе, что у него не оказалось союзника, который бы руководил его движением: промышленный пролетариат только еще зарождался в эту эпоху. «Отдельные крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» [2].

Что касается буржуазии (в том числе и либеральных помещиков), то она и тогда была в сущности контрреволюционна. «Либералы, — писал Ленин, — так же как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти... Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и останутся идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых

---

[1] *Ленин*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. XV, стр. 143.

[2] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1933, стр. 9.

крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, *не может* получиться при таком соотношении сил»[1].

Этим соотношением сил в «эпоху реформ» и было обусловлено то обстоятельство, что реформа вышла такой половинчатой, недовершенной, что она сохранила так много остатков крепостничества, что она была произведена таким образом, что крестьянская масса, поставленная в безвыходное положение, вынуждена была «добровольно» лезть в кабалу к помещику. «Пресловутое «освобождение», — писал Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* 1/5 части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до 1/3, даже до 2/5 крестьянской земли. По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое* и *втрое* выше действительной цены на землю»[2].

Но при всем том крестьянская реформа, как и другие реформы 60-х годов, носила буржуазный характер: отменив целый ряд феодальных прав помещика по отношению к крестьянам и предоставив буржуазно настроенным помещикам возможность переводить крестьян на выкуп, ликвидируя таким образом крепостную зависимость от них крестьян, реформа представляла значительный сдвиг от феодально-крепостнического строя к буржуазному. «Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер

---

[1] *Ленин*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. XV, стр. 143—144.

[2] Там же, стр. 142.

дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые «века» [1].

2

После реформы сельское хозяйство все более и более втягивается в торговый оборот, все более становится товарным, все более производит для рынка. «Основная черта пореформенной эволюции земледелия, — писал Ленин, — состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» [2].

Чем более связывается сельское хозяйство с рынком, тем более оно приспособляется к требованиям последнего, специализируясь на производстве тех или иных предметов в зависимости от местных условий. В результате территория России все более распадается на ряд различных сельскохозяйственных районов, характеризующихся преобладанием тех или иных отраслей хозяйства.

Огромное влияние на развитие сельскохозяйственного рынка имело расширение железнодорожной сети, быстро совершавшееся в течение второй половины XIX в. В 1860 г. наша железнодорожная сеть была совершенно ничтожна — она не превышала 1½ тыс. верст, а в 1900 г. железнодорожная сеть составляла около 50 тыс. верст, т. е. за 40 лет выросла более, чем в 33 раза.

Железные дороги способствовали тому, что в торговый оборот втягивались самые отдаленные районы. Хлебный рынок приближался к производителям хлеба:

---

[1] *Ленин*, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. XV, стр. 143.

[2] *Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 237.

рядом с теми сравнительно немногочисленными центрами хлебной торговли, которые существовали в крепостное время, теперь появляется бесчисленное множество мелких и мельчайших центров, сосредоточенных у железнодорожных станций. Скупщик продуктов сельского хозяйства, прежде всего хлеба, становится в непосредственное соприкосновение с крестьянским хозяйством, и это приближение хлебного рынка непосредственно к производителю, к крестьянину, чрезвычайно способствовало разложению натурального крестьянского хозяйства, превращению его в хозяйство товарное, производящее на рынок. В начале XX в. крестьянский хлеб составлял уже свыше 78% всего хлеба, обращавшегося на рынке.

Рост товарности крестьянского хозяйства чрезвычайно способствовал ускорению процесса расслоения крестьянства. Зажиточное крестьянство сосредоточивает в своих руках все большую часть надельной, купчей и арендуемой земли, рабочего скота, усовершенствованного инвентаря, все более широко пользуется наемным трудом. Крестьянская беднота все более разоряется, сокращает или совсем ликвидирует свое хозяйство и все более оказывается вынужденной искать заработка на стороне, продавать свою рабочую силу.

Таким образом капитал, проникая в деревню первоначально в виде торгового капитала, подчиняющего себе мелкого товаропроизводителя и превращающего его в производителя на скупщика, постепенно перестраивает самую организацию сельскохозяйственного производства. Зажиточные крестьянские хозяйства превращаются в хозяйства капиталистические, производящие при помощи наемной рабочей силы; беднота же все более превращается в пролетариат, поставляющий наемную рабочую силу для этих капиталистических хозяйств, выходящих из крестьянской среды, а также, разумеется, и для хозяйств помещичьих, переходящих к капиталистическому производству.

В помещичьем хозяйстве после реформы также совершается постепенно коренная перестройка: крепостная помещичья вотчина, производящая при помощи барщинного труда крепостных крестьян с их примитивным инвентарем, постепенно превращается в капиталистическое предприятие, основанное на труде

наемных рабочих и пользующееся усовершенствованными орудиями и машинами.

Развитие товарных отношений в деревне способствует расширению рынка для продуктов промышленности: растет спрос на промышленные изделия как со стороны помещиков, так и со стороны крестьян. Помещики и кулаки в связи с развитием своего хозяйства и возрастанием личных потребностей повышают спрос на орудия сельскохозяйственного производства и на предметы личного потребления. Крестьянская беднота, по мере расстройства своего хозяйства, все более прибегает к рынку для удовлетворения своих элементарных потребностей, так как все менее оказывается в состоянии удовлетворять их в пределах своего хозяйства. Таким образом капитализм, вторгаясь в деревню, разлагая крестьянство на буржуазию и пролетариат, сам создает себе рынок, необходимый для его дальнейшего развития.

В процессе развития внутреннего рынка для продуктов промышленности громадное значение имело также железнодорожное строительство. Железные дороги связывают промышленные центры с сельскохозяйственными районами, товарные отношения проникают в самые глухие медвежьи уголки, появляются новые массы потребителей промышленных изделий. Но кроме того сама по себе постройка железных дорог доставляет крупные заказы для железоделательной и машиностроительной промышленности, а стало быть, и для тех отраслей промышленности, которые поставляют сырье и топливо железоделательным и машиностроительным заводам, — для промышленности горной и горнозаводской. Введение в эксплоатацию новых железнодорожных линий повышает также спрос на минеральное топливо — каменный уголь и нефть, которыми отапливаются паровозы. Наконец, постройка железных дорог занимает большое количество рабочей силы; массы занятых постройкой рабочих повышают спрос на предметы личного потребления, что, конечно, в свою очередь способствует развитию тех отраслей промышленности, которые производят эти предметы,— различных отраслей легкой индустрии.

По мере расслоения деревни, по мере пролетаризации крестьянской бедноты массы разорявшегося

крестьянства, вынужденные искать себе заработка, находили его в значительной мере в крупной промышленности, поставляя кадры наемных рабочих для фабрик и заводов. В конце XIX в., по данным всероссийской переписи 1897 г., наемных рабочих в России насчитывалось более 9 млн. человек; из них около 4 млн., т. е. около половины, занято было в промышленности и транспорте. Как видим, к этому времени составилась уже значительная промышленная армия, пополнявшаяся все возраставшим потоком рабочей силы из деревни. Размеры «резервной армии», т. е. количество безработных, определить трудно за отсутствием соответствующих статистических данных, но, несомненно, размеры ее были весьма значительны и непрерывно возрастали по мере разорения и пролетаризации крестьянской массы.

В результате капиталистическая промышленность после реформы быстро развивается, особенно в 90-е годы, когда ее развитие приобретает бурные по тому времени темпы. Быстро возрастает продукция промышленных предприятий, растет количество занятых в в них рабочих, увеличивается мощность паровых двигателей, усиливается применение машин, повышается в связи с этим производительность труда; быстро происходит концентрация производства и рабочей силы в крупнейших предприятиях; крупная механизированная индустрия вытесняет из ряда отраслей мелкую ремесленную и кустарную промышленность. Крупная капиталистическая промышленность становится ведущей отраслью народного хозяйства, определяющей развитие сельского хозяйства, транспорта, торговли, денежного обращения. При этом на первый план все более выдвигается тяжелая промышленность, т. е. именно те отрасли индустрии, которые играют ведущую роль по отношению к другим ее отраслям, определяют развитие этих других отраслей.

3

Развитие капитализма задерживалось, однако, множеством остатков крепостничества, сохраненных реформой 19 февраля.

Значительная часть земли осталась попрежнему в

руках дворянства, т. е. вчерашних владельцев крепостных душ, и преимущественно в руках наиболее крепостнического слоя дворянства — владельцев крупнейших латифундий. Даже к 1905 г., несмотря на значительное сокращение к этому времени дворянского землевладения, в связи с переходом значительной части дворянских земель в руки других сословий, в руках дворянства уцелело 62% всей площади частного землевладения. При этом больше половины всех частновладельческих земель сосредоточивалось в руках небольшой кучки владельцев крепостнических латифундий, на долю каждого из которых приходилось в среднем 2,348 дес.

С другой стороны, площадь крестьянских наделов после реформы значительно уменьшилась. Отрезки от крестьянских земель в пользу помещиков в среднем для 36 «великороссийских» и «малороссийских» губерний составляли 18,1% земельной площади, находившейся в пользовании крестьян до реформы; особенно велики были эти отрезки в черноземной полосе, составляя в среднем 26,2% для 21 черноземной губернии, в отдельных же губерниях достигая почти половины, а в отдельных имениях даже $^3/_4$ дореформенного крестьянского землепользования. Только на западной окраине (в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине) крестьяне по известным уже нам политическим соображениям (см. стр. 139) получили больше земли, чем было в их пользовании до реформы, но это увеличение крестьянских наделов было в большинстве случаев лишь кажущимся: в этом крае помещики особенно усиленно урезывали крестьянские наделы накануне реформы, и прирезка надельных земель в 1863 г. не всегда даже восстанавливала прежние размеры крестьянского землепользования.

Кроме общего уменьшения крестьянских наделов, нужно еще иметь в виду также разницу в качестве крестьянских и помещичьих земель, состав крестьянских надельных земель и их расположение по отношению к землям помещичьим. Пользуясь своим правом отводить крестьянам землю в любом месте, помещики при «освобождении» обычно старались взять себе лучшую землю, а крестьянам дать похуже. Леса и луга в крестьянский надел обычно не входили или вхо-

дили в совершенно недостаточном количестве. Наконец, чересполосица помещичьих и крестьянских земель, существовавшая в дореформенное время, не только сохранялась часто и после реформы, но нередко даже умышленно увеличивалась помещиками, которые старались расположить свои и крестьянские земли так, чтобы помещичья земля врезывалась клином в крестьянский надел, и крестьяне были вынуждены арендовать эти вклинившиеся в их надел помещичьи участки.

Малоземелье и чересполосица, недостаток леса и сенокосных угодий — все это приводило крестьян к необходимости арендовать помещичьи земли. В конце XIX в. общая площадь арендуемой крестьянами земли по 183 уездам составляла около 20% площади надельных земель, в отдельных же уездах земледельческих губерний доходила до размеров надела, а иногда и превышала их. Погоня крестьян за помещичьей землей вызывала быстрый рост арендных цен; особенно дорого аренда обходилась бедноте, арендовавшей землю мелкими клочками и на короткие сроки, преимущественно на один посев, так как помещики пользовались ее безвыходным положением и непомерно вздували цены. Арендная плата, уплачиваемая бедняком, поглощала значительную часть дохода с арендуемой им земли, в неурожайные же годы этого дохода нередко даже нехватало для покрытия арендной платы.

Помимо денежной аренды очень распространена была аренда из доли урожая или аренда отработочная, при которой крестьяне должны были за пользование помещичьей землей выполнить ряд работ в помещичьем хозяйстве, обычно с своим инвентарем. В этом случае арендуемая земля обходилась гораздо дороже, чем при денежной аренде, так как крестьянский труд при такого рода сделке ценился несравненно дешевле, чем при условии свободного найма. Кроме того крестьянину приходилось отрабатывать свой долг помещику в то самое время, когда у него поспевала работа в собственном хозяйстве; свою работу он должен был бросать, чтобы работать на помещика.

К этому присоединялись непомерные платежи в казну, лежавшие на крестьянах. Самыми тяжелыми из

них были выкупные платежи, являвшиеся непосредственным наследием крепостного права. Крестьянские наделы были оценены по выкупу в среднем на 48,4% дороже рыночных цен 60-х годов; особенно велика была разница в нечерноземной полосе, составлявшая 90%; в черноземной полосе эта разница составляла 20,4%; только в 9 западных губерниях, по тем же политическим мотивам, крестьянские наделы были оценены дешевле рыночных цен, да и то всего на ½%. Но помимо выкупной суммы, крестьяне должны были еще, как мы знаем, уплачивать ежегодно 5% роста по ссуде и ½% на расходы по выкупной операции. В результате, к 1905 г., когда выкупные платежи были отменены, крестьяне выплатили уже в 2½ раза больше того, что стоила по рыночным ценам полученная ими надельная земля, и все-таки далеко не выплатили всего того, что причиталось с них по закону. Вся налоговая система была построена таким образом, что основная тяжесть налогов, как прямых, так и косвенных, падала преимущественно на крестьянскую массу.

Правовые пережитки крепостничества — принудительная община, круговая порука, ограничения крестьян в правах по сравнению с другими сословиями, безграничность по отношению к ним административного произвола, все это также самым тяжелым образом отражалось на крестьянском хозяйстве.

Все эти крепостнические пережитки тормозили развитие капиталистических отношений в деревне. Под гнетом остатков крепостничества крестьянская масса не столько пролетаризировалась, не столько превращалась в свободных от личной зависимости и свободных от средств производства наемных рабочих, сколько пауперизировалась, т. е. просто разорялась, превращаясь в задавленных нуждой и кабальной зависимостью бедняков, которые, однако, не окончательно еще освободились от средств производства, ставших уже тяжелым бременем для них самих, но нужных крепостнику-помещику, ведущему отработочное хозяйство руками крестьянина-паупера, привязанного к земле своим нищенским наделом. С другой стороны, крепостнические пережитки задерживали также превращение хозяйств зажиточных крестьян в капитали-

стические предприятия; высокие цены на землю, высокая арендная плата, высокие платежи в казну, — все это замедляло процесс накопления в среде зажиточного крестьянства, задерживало распространение усовершенствованных машин и применение наемного труда в хозяйстве зажиточных крестьян.

Пережитки крепостничества влияли и на помещичье хозяйство, задерживая его капиталистическое развитие. Помещикам часто бывало выгоднее вести хозяйство при помощи издольщины и отработков, сдавая крестьянам в аренду часть своей земли под отработки или даже всю землю на условиях издольщины, чем заводить свой инвентарь, приобретать машины и пользоваться трудом вольнонаемных рабочих, — словом переходить к капиталистическому хозяйству.

К концу 80-х годов из 43 губерний Европейской России, в которых было более или менее значительное количество посевов на частновладельческих землях, только в 19 губерниях преобладала капиталистическая система помещичьего хозяйства, тогда как отработочная система преобладала в 17 губерниях и в 7 губерниях преобладала система смешанная.

Отработочная система хозяйства, взятая с чисто экономической стороны, чрезвычайно близка к феодально-крепостнической системе — к барщине. И здесь и там крупный землевладелец эксплоатирует крестьянина, владеющего средствами производства и получающего от землевладельца участок земли, который является, и в том и в другом случае, выражаясь словами Ленина, «как бы натуральной заработной платой», или «средством обеспечения помещика рабочими руками»[1]. И здесь и там крестьянское хозяйство является «придатком» помещичьего хозяйства. Разница между отработочной системой и системой барщины сводилась в сущности лишь к тому, что барщина основывалась на юридической зависимости крестьян от помещика, а отработки вызывались экономической зависимостью крестьянина. Но и в последнем случае элементы «внеэкономического принуждения» еще в значительной

---

[1] *Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 139—140.

мере сохранились, чрезвычайно способствуя с своей стороны устойчивости отработочной системы.

Пережитки крепостничества влияли также и на развитие промышленности, замедляя развитие внутреннего рынка. Рынок рос главным образом вширь вследствие вовлечения в торговый оборот все новых и новых районов и вследствие расслоения крестьянства, увеличивавшего число новых покупателей продуктов промышленности. Но покупательная способность этих покупателей возрастала очень медленно, часто и совсем не возрастала, а иногда даже уменьшалась — по мере того, как прогрессировала пауперизация крестьянской массы. Только зажиточная верхушка крестьянства могла непрерывно повышать свой спрос на промышленные продукты, но рост и этой зажиточной верхушки, рост кулацкого слоя крестьянства, также замедлялся тем обстоятельством, что значительную часть накопляемых кулаками средств приходилось расходовать непроизводительно на покупку помещичьей земли по дорогой цене или на дорогостоящую аренду помещичьей земли, или на уплату высоких государственных податей и налогов.

В результате развитие внутреннего рынка отставало от развития промышленности. Даже в такой отрасли промышленности, как хлопчатобумажная, опиравшаяся в гораздо большей степени, чем другие отрасли, на массовый спрос, этот спрос возрастал значительно медленнее, чем производство: за последнее десятилетие XIX в. потребление хлопчатобумажных тканей выросло на 75%, а количество переработанного на фабриках хлопка увеличилось почти вдвое, т. е. почти на 100%. В других отраслях промышленности, продукты которых не имели такого широкого спроса, несоответствие между темпом развития промышленности и темпом развития внутреннего рынка было еще больше.

Особенно медленно возрастал спрос со стороны деревни на средства производства; тяжелая промышленность — ведущая отрасль капиталистического хозяйства — как раз не имела прочной опоры в массовом рынке и находилась в зависимости от казенных заказов, что обусловливало ее неустойчивость, ясно проявившуюся во время кризиса начала XX в.

«Если сравнить, — писал Ленин, — докапиталистическую эпоху в России с капиталистической, ...то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнить данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России... придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают» и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»[1].

Тяжелый и затяжной промышленный кризис начала XX в. отчетливо показал необходимость устранения крепостнических остатков, тормозивших развитие капитализма. Вновь, как и накануне реформы 1861 г., со всей остротой ставился вопрос о том, каким путем произойдет эта ликвидация остатков крепостничества, путем «прусским» или путем «американским», путем реформы или путем революции. Неизбежно должна была возникнуть снова борьба между помещиками и крестьянами за тот или другой способ решения этого вопроса. Но теперь крестьянство уже не было одиноко в этой борьбе: теперь у него был могучий союзник в лице пролетариата, который мог повести крестьянство на борьбу с царизмом, чтобы, свергнув с его помощью самодержавие и уничтожив все остатки крепостничества, перейти непосредственно к социалистической революции.

Гос. Историч. Муз. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

[1] *Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 469.

Оглавление

Глава I. *Стр.*
Развитие капитализма в первой половине XIX в. 3
Глава II.
Крестьянское движение 48
Глава III.
Борьба классов вокруг крестьянской реформы 75
Глава IV.
Положения 19 февраля 102
Глава V.
Крестьянское движение в связи с реформой 124
Глава VI.
Крестьянская реформа на „окраинах". Реформа в отношении государственных и удельных крестьян 131
Глава VII.
Историческое значение крестьянской реформы 150

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
43	8 снизу	населения	населения здесь
45	6 сверху	походы	доходы
58	3 снизу	обещавшись	обязавшись
71	4 сверху	представить	предвидеть
83	2 снизу	Н. Н. Погодина	М. П. Погодина
84	20—21 сверху	об устройстве сельского состояния	по крестьянскому делу
86	12—13 снизу	обязательств и отношений	обязательных отношений
110	1 сверху	10 руб.	12 руб.
136	12 снизу	делать	желать
158	17 „	стр. 139	стр. 138

Мороховец

2773

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

14/III 38 г.

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сев. Печатник", Зак. [illegible]

Цена [illegible] р. 15 к.
Переплет 50 к.

Оптовая продажа: Москва, [illegible]хоровский пер., д. № 8, Главная контора Когиз'а „[illegible]ртнига"

Розничная продажа: во всех магазинах и отделениях Когиз'а.

Почтовые заказы посылайте в областные (краевые) отделения Когиз'а без задатка.